

СИБИРЬ

2 • 2024

С Днём Победы!

*Иркутский художник Геннадий Кузьмин,
Сибиряки ветераны Великой Отечественной войны*

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН
(1937-2015) – 87 лет со дня рождения

СИБИРЬ

403/2 2•2024

Литературно-художественный
журнал писателей Восточной Сибири
Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»
Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Иркутская хрестоматия

- Лев Кукуев.** Наш счет. Из автобиографических очерков «Впереди переднего края»3
К 95-летию писателя
Василий Гинкулов. Даль сибирская. Ленские плесы. Отрывок из повести 12

Проза

- Валентин Распутин.** Наташа. Рассказ20
Рената Тхагушева. Дом № 1230
Анатолий Скоробогатов. Рождение. Рассказ42

Поэзия

- Светлана Анина.** «Приюти в своём пламенном сердце...»8
Татьяна Грибанова. «Устанут звёзды сторожить село...» 15
Анна Желтоногова. «Я нарисую белое на белом...»27
Елена Колесникова. «Вижу всё таинственным и новым...»38
Ольга Преловская. «Дышит чувство, как стихотворенье...»45
Надежда Смирнова. «Немая русская глубинка...»67
Евгений Харитонов. «От войны и до меня залп ракетного огня...» 116

Неизвестный Распутин

- Александр Корольков.** Валентин Распутин и иеромонах Роман.
Вместо предисловия к рассказу «В больнице»50
Николай Коновской. **Светлана Вьюгина.** Вселенная Валентина Распутина. Эссе 53

Очерки и публицистика

- Виталий Зоркин.** Нерасторжимый ансамбль.
Размышления над «Триптихом о Байкале»73
Анатолий Сосунов. Триптих о Байкале84
Виктор Барakov. Николай Зиновьев. Краткий очерк о современном русском поэте92

Литературная критика

- Валентина Иванова.** Сквозь промытое стекло.
О повести М. Тарковского «42-й до востребования» 121
- Александр Обухов.** Николай Рубцов и «первооткрыватель»
деревенской темы Евгений Евтушенко 126
- Юрий Перминов.** Михаил Трофимов — о Николае Рубцове 133
- Галина Бакшеева.** Перевод с немецкого 141

Страницы памяти

- Юлия Подгорбунская.** Летит из колодца звезда.
Воспоминания о Татьяне Суровцевой 147

Культурная жизнь

- Валентина Семенова.** На подъёмной волне. «Сияние России» — 2023 163
- Антон Лухнёв.** Выходя за рамки. Обзор фестиваля любительских театров «Солнце в аистовом гнезде» 183

Точка зрения

- Рада Черноусова.** Чёрный квадрат 189

Книжная лавка

- Тамара Бусаргина.** О книге Маргариты Карановой
и Александра Каранова-мл. «Прекрасное Далёко» 191
- Фаина Полищук.** По крупницам собранные факты.
О книге Лидии Казанцевой «Возраст ее — 100 лет» 194

Книжная полка 198

Сумочка к рюкзаку 201

Поздравления 204

Главный редактор **Ю.И. БАРАНОВ**
Заведующий отделом поэзии **В.П. СКИФ**
Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь **С.В. ЗУБАКОВА**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, Ю.И. Баранов, В.В. Козлов,
М.Т. Орлов, О.Н. Полунина, А.М. Семенов, В.Н. Хайрюзов.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Редакция оставляет за собой право принятые к печати рукописи редактировать и корректировать. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Н.О. Шильникова.

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.
Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.
Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: shurnal_sibir_irkutsk@mail.ru
Подписано в печать 11.03.2024 г. Дата выхода в свет: 01.04.2024 г. Формат 70x108/16.
Усл-печ. л. 20. Тираж 1000. Цена свободная.
Издательство: ООО «Цифровик». Адрес издателя: 664047, г. Иркутск, ул. А. Невского, 99/2. Тел. 89041222627.
Отпечатано в типографии: ООО «Цифровик»
Адрес типографии: 664047, г. Иркутск, ул. А. Невского, 99/2

ЛЕВ КУКУЕВ

Наш счет

ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ «ВПЕРЕДИ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ»

Я никогда не забуду алую капельку крови у себя на ладони. Мне и теперь стыдно за свое мальчишеское поведение. Но сделанного уже не исправить.

Мы воевали на Украине. В том месте белые хатки прячутся в садах яблонь и вишен. Там сама по себе природа чудесна. Луга, леса и нивы — одно загляденье.

По делам службы мы шли с капитаном Панковым из одного села в другое, шли напрямую, по высоким и сочным травам цветущего луга, вдыхая полными легкими не гарь взрывчатки и пороха, а живительный аромат дивных некошенных трав.

КУКУЕВ Лев Архипович — русский советский прозаик, детский писатель. Родился 17 мая 1921 в селе Анцирь Енисейской губернии. Окончил среднюю школу № 9 в Иркутске. В годы Великой Отечественной войны служил в армии, окончил ускоренно саперное училище. В 1942 стал командиром саперного взвода, гвардии майором в 1945. Воевал в Подмоскovie, Брянщине, Орле, Сталинграде. Освобождал от фашистов Варшаву, Берлин. В 1947 году демобилизовался в звании майора и вернулся в Иркутск. После войны преподавал (с 1947) в Иркутском авиационном техническом училище гражданского воздушного флота. Начал печататься в 1952 году. Первая книга — сказки для детей «Медведь-садовник» вышла в 1958 году. Автор романов «Живые и мёртвые», «Море в ладонях», «Эстафета», военных воспоминаний «Полевая сумка» и др. Член Союза писателей СССР с 1958. Член Правления Союза писателей РСФСР (1968–1971). Ответственный секретарь Иркутской писательской организации (1969–1972). Избирался депутатом Иркутского городского и областного Совета депутатов, был директором Восточно-Сибирского книжного издательства. Скончался 26 марта 1992 года в Иркутске.

Шли, весело болтая, позабыв на какое-то время грохот войны, невзгоды, лишения, муки. Мы отдыхали в тот день от забот и тягот. Знали, что через день будем на передовой, снова начнется все то, что уже длилось для нас не месяц, не два, а, казалось, целую вечность.

И тут, откуда только она взялась, увидели бежавшую в нашу сторону обыкновенную дворняжку. Из пасти у собаки вывалился язык, морда в пене, и вид вовсе недружелюбный... Этого нам еще не хватало! Не успел я сообразить, как Панков выстрелил. Собака взвизгнула, бросилась наутек.

Мы с минуту смотрели с Панковым друг другу в глаза. Потом рассмеялись.

— Только бешеной собачонки нам не хватало! — сказал Панков.

Я был абсолютно согласен с ним.

— А стреляешь-то ты слабовато, — пошутил я, когда вновь зашагали по лугу.

— Она же не немец, — смутился Панков. — А без меня бы тебя искусила...

Пустой болтовней я хотел вернуть нам прежнее настроение, пытался острить:

— Слабак... слабак...

— А ты и так не умеешь! Даже забыл о нагане! — сказал он полушутя-полусерьезно. И посмотрел на меня с насмешкой и сожалением.

— Это я-то?! Да я в туза пикового попаду!

Из травы вылетел жаворонок. Он взвился свечой и начал парить на одном месте, огласив сразу поля и нивы песней солнца и неба.

— Не можешь! — хмуро сказал Панков.

Я рванул наган из кобуры, в одно мгновение поймал птицу на мушку, немедленно выстрелил....

Лучше бы я промахнулся, лучше бы утратил что-то в глазах товарища.

Жаворонок упал к нашим ногам. Ошеломленный случившимся, чувствуя, что покраснело не только лицо, но и уши горят не меньше, я поднял птицу и долго с грустью смотрел на легкий пушистый комочек, который минуту назад парил над нами, прославлял жизнь на земле, а мне, дураку, приспичило застрелить его.

Я опустил птицу в густую траву, взглянул на ладонь и увидел капельку крови. Алую, свежую, чистую. До сих пор не могу позабыть эту каплю.

Мне могут сказать: «Подумаешь, жаворонок! Миллионами гибли люди!»

— Да! Жаворонок! — отвечу я. — С людьми было тогда все по-другому, другой разговор, другие и отношения...

Об этих-то отношениях я расскажу, но говорить меня все же заставил жаворонок.

19 ноября под Пронино мы прорвали оборону 13-й румынской стрелковой дивизии, и началось сражение по окружению Сталинградской группировки Паулюса. Огневые позиции, траншеи, окопы, само поле боя были изрыты снарядами и минами, усеяны сотнями трупов вражеских солдат. Я оставил нескольких человек разминировать минное поле, сам торопился догнать свой взвод и пехоту, которые дрались уже за Пронино.

И тут я услышал крик, обращенный ко мне, да и рядом уже не было никого из наших. Я обернулся и увидел поверженного...

У человека было измученное болью землистое худое лицо. Метрах в двух от него валялся пулемет. Но румын не мог встать, не мог и ползти. У него была перебита нога в колене, на животе — другая, еще более страшная рана. Он был обречен, и это я сразу же понял. Ему уже никто, даже сам Антанеску или Христос, не мог бы помочь.

Румын говорил что-то мне, давясь и захлебываясь, обессиленной рукой касался груди, тянулся к виску... И тут до меня дошло — он просил застрелить его.

Если бы в руках у него был пулемет и он направил его на меня, я бы немедленно застрелил его, а тут добивать сраженного, ничем не угрожающего тебе человека я просто не мог.

Я повернулся и пошел дальше. Но он издал такой страшный, умоляющий стон, что меня всего передернуло. Он торопился что-то мне объяснить на своем языке, а я его не понимал, да и понимать не хотел. Его судьба решена, и не мне доводить ее до конца...

И тут до него дошло, что он может объясниться со мной на ненавистном нам языке, на языке тех, кто заставил меня и его воевать, кто столкнул нас лицом к лицу в этом поле. Он отвоевался, а я спешу воевать...

Тогда, насколько ему позволяли силы, он крикнул:

— Битте... гешоссен!

Я махнул рукою:

— Черт с тобою, и так подохнешь! — сказал обозленно.

Он меня понял. Взмолился, вложив в уста все отчаяние, на которое был способен:

— Комараден... товариш... гешоссен... пожалуйста... — Несколько мгновений мы смотрели друг другу в глаза.

Я никогда не видел румына с голубыми глазами. Я сжал зубы так сильно, что мне свело скулы. Выпустил автоматную очередь в его сторону и побежал, словно румын мог вскочить, схватить меня за руку и потребовать, чтобы я убедился, хорошо ли исполнил последнюю просьбу обреченного на смерть невольника. Я бежал, а меня колотило, как в лихорадке. Я внушал себе, что обязан был так поступить, но внутри что-то противилось этому...

И все же, как мне кажется и сейчас, между смертью румына и вольного жаворонка есть что-то общее... А что? Добрать не могу! Иначе бы это давно все забылось, а если и вспоминалось, то не так остро и зримо...

И вот уже третий факт. Когда чья-то смерть приносит тебе не муки, а облегчение, когда не приходится думать и мучаться за содеянное, когда обстоятельства, как при виде бешеной собаки с пеной у рта, заставляют тебя хвататься немедленно за оружие.

Половина украинского села находилась у нас, половина — у эсэсовцев, кажется, из дивизии «Викинг», или с другим кричащим названием.

С ротой саперов, в которой людей было не больше полнокровного взвода, я держал оборону там, где дел хватило бы батальону с приданными средствами. Ночью я заступил, и ночью меня обещали сменить. Заменят подразделения соседней дивизии. Это была перегруппировка частей, сосредоточивалось внимание на наиболее уязвимых местах в обороне противника.

Мы вели себя скромно и тихо. Лезть в драку не собирались. Хотя и было желание стегануть из пулемета очередью по тем местам траншеи, где часто мелькали макушки эсэсовских касок. Траншеи делили село, и здесь был самый трудный участок в моей обороне.

Старшина Шишмарев принес в термосе пшеничную кашу, приправленную говяжьей тушенкой в честь праздника. И только мы сели в окопе поесть, только выпили по сто граммов и поздравили друг друга с 26-й годовщиной Советской власти, как рядом задымила соломенная крыша. Гитлеровец бил не по огневым позициям или окопам, а по соломенной крыше зажигательными пулями.

Понятно каждому, как солома быстро воспламеняется. Понятно, что хату тушить на переднем крае никто не будет... И только одно меня как-то устраивало — людей в хатах не было. Они скрывались подальше от нас, на окраине, в подвалах, где не каждую секунду могла прилететь в голову пуля. Мы быстро доели завтрак, хотя настроение сразу испортилось. Я чувствовал, этим не кончатся эсэсовские «шутки». И не ошибся.

Когда догорела крыша первой хаты, эсэсовцы подпалили вторую. Ветер тянул от немцев, и они истерически гоготали в своей траншее, «коблили» между собой, и нам стало понятно: эсэсовцы поздравляли нас с советским праздником, фейерверк нам устраивали, сквернословили в наш адрес. Они знали, что мы наши хаты, в которых они разместились, палить не будем.

Было ясно уже, что и на этом грязное дело врага не кончится. Гитлеровцы с изощренной жестокостью «солили» нам и не думали прекращать издеваться.

Но и у нас мысли начали четче работать над тем, как ответить достойно врагам. Атаковать — сил маловато. Из траншеи не выкуришь их. Если ветер изменится, то и тогда им не очень горько придется.

Пока я мучился, искал выход, занялась огнем третья крыша. Теперь любой мой солдат догадался, что так продолжаться будет, пока эсэсовцы не спялят семь хат. Но и тогда они могут не бросить свое развлечение. Зажигательных пуль у них много.

Наши выстрелы из винтовок и автоматов ничего не давали. И все же надо выход искать где-то здесь. И тут я вспомнил, что есть у меня в ротной повозке немецкая снайперская винтовка. Бьет отлично. Но я не снайпер, да и нет у меня снайперов. А эсэсовцев, видно, давно никто не тревожил метким огнем. Поэтому они и не очень остерегались нашей стрельбы. Я послал к Шишмареву солдата, и он быстро сходил, потому что повозка была на окраине села, в километре от нас.

Должен сказать, что мне сразу же повезло, и крупно. Пока немцы поджигали четвертую хату, я поймал на мушку какого-то эсэсовца, слишком открыто шагавшего по траншее. Появился второй — и я тут же уложил второго.

Теперь и наш счет был открыт: четыре на два!

Наверное, это и вдохновило моих солдат. Охота за «фрицами», «гансами», «шульцами» началась. Теперь каждый стрелял — не в «белый свет», как придется, а только тогда, когда был уверен, что выстрел не пропадет. Мы патроны так просто не жгли, не пугали противника грохотом, а выжидали случай, чтоб был результат. И скоро узнали, что еще два эсэсовца «приказали долго жить». Пятая хата горела, а из снайперской винтовки, с которой пошел на охоту лучший стрелок Бабенко, был продырявлен пятый эсэсовец.

Счет был поровну.

Шестую и седьмую хату немцы подпалили уже одновременно. На семи и остановились. Устроили нам «символический фейерверк» по случаю нашего праздника 7 Ноября.

Но и мы не оставались в долгу. На Флегонтова угодил пулеметчик, который «мастерски» потешал своих приятелей в окопах...

И вот что меня удивило: каждый наш солдат, будь у него автомат или винтовка, охотился на эсэсовца, словно в разгар охотничьего сезона на дичь, старался не упустить тот момент, когда враг неосторожно высунется или появится при переходе в неглубоком участке окопа. Никто не пугал, не нагонял на фашистов страх, а поступал, как положено зрелому воину.

Немцы давно перестали стрелять по крышам украинских хат, а охота на них продолжалась с прежним вниманием. Они наверняка решили, что действуют против них свежие подразделения искусных стрелков или снайперов. Они приняли меры предосторожности, высовываться не стали. А нам не хватало седьмого для равного счета. Уже начинало смеркаться.

Седьмого подкараулил Бабенко. Ему и стоило выравнять счет. Он сам с Украины, и долг платежом красен. Ему и винтовка в руки для последнего выстрела.

Крови эсэсовской пролилась не капля, и поделом. Мне не жаль семерых фашистов. Жаль жаворонка. Мне думается, что с этой птицей я поступил варварски, не лучше, чем немцы с нами...

ПОЭЗИЯ

СВЕТЛАНА АНИНА

«Приюти в своём пламенном сердце...»

* * *

Тебе письмо пишу
И вновь с тоской гляжу,
Как море волны синие листает.
На южных берегах
Мечтаю о снегах —
Всегда чего-то в жизни не хватает.

На гребнях суеты
Печатаю следы
В трудах насыщенных за краюху хлеба

И силось заодно
Отсыпать полотно
Дороги, поднимающейся к небу.

Туда, где жизнь легка,
Где только облака
Беспечно в бесконечности гуляют,
Да свежие ветра
Вдыхают дым костра
В обрывках мыслей из земного рая.

АНИНА Светлана Брониславовна родилась в 1965 году в Казахстане. Работала на строительстве Северомуйского тоннеля, на сооружении Олимпийских объектов в Сочи, в районной газете «Муйская новь». Публиковалась в журналах «Наш современник», «Сибирь», «Аргатак-Татарстан», «Северо-Муйские огни», «Доля», «Дарьял», «Сибирячок», в альманахах «Белая радуга», «Иркутский альманах», Нижегородский альманах «Земляки», в коллективных сборниках «Иркутск. Бег времени», «Слово о матери», «Жизнь — дорога, ведущая к храму», «Каменный цветок», «Солдаты, встанем в тишине», Справочник-хрестоматия «Писатели Иркутской области начала XXI века. 2000-2021». Автор книг «Сказка про садовника» (2009), «Рвутся наружу крылья» (2012), «Я в руках несу...» (2013). Член Союза писателей России. Живёт в Северомуйске.

* * *

Долину заливал румянец,
Вершили тучи странный танец:
То с гор спадая серой лавой,
То устремляясь в небо вновь...

Не в силах больше жить в печали,
Мы многого не замечали:
Ни как раскалывались дали,
Ни как рождался ураган.

Мы пили чай на зорьке ранней.
Тонули комары в стакане,
Как наши страхи пред расправой
За незаконную любовь.

Над головой сверкали вспышки,
А мы — девчонка и мальчишка —
Опять, как в юности, мечтали
О дивном рае дальних стран.

Все оттенки зелёного

Приюти в своём пламенном сердце убежища ищущих,
И шипящие змеи тотчас же иссохнут, как мумии,
Да исчезнут навеки следы в темноте хищно рыщущих
Из терзаний твоих, обострённых ночными раздумьями.

И зарёю пришедшие в дом твой дневные приспешники
Словно манной небесной, усыпят дарами великими.
И отыщется в разуме место, где бывшие грешники
Пред тобою предстанут отныне, как тени, безликими.

И заполнится светом в тебе Храм, стожаром сияющий.
И затмятся огнём сим огни все от времени Оного.
И в тебе пробудится иной всемогущий и знающий,
Различающий в благе мирском все оттенки зелёного.

Возвращаемся

Всё предсказуемо, предсказано, и всё-таки
Мы ищем путь наощупь, свой, никем не пройденный.
А на планете место, где родимся в потугах,
Зовём родной землёй, зовём любимой Родиной.

Мы в неизведанные дали устремляемся.
И жизнь короткой может быть, быть может длинною.
Но неизменно в край родимый возвращаемся,
Ведь каждый к Родине привязан пуповиною.

* * *

Да плюнуть на всё и уехать на юг! —
Туда, где растут мандарины,
Где нет ни пурги, ни морозов, ни вьюг,
Где плавают в море дельфины.

Где прямо на пляже хурму продают,
Самсу, хачапури, хычины...
И где в ожидании муз там и тут
Бесхозно скучают мужчины.

Да, плюнуть, уехать, забыть обо всём!
О планах, отчётах, расходах.
И плавать, сгорая под южным огнём,
В солёных волнующих водах.

Да плюнуть на всё! Только... чуть подождать,
Додумать, достроить, доделать...
А там хоть на самый край света бежать,
А там уж гуляй себе смело! —

И так день за днём... Ну а там и весна —
И всё на глазах расцветает.
И снова нет времени даже для сна —
Кто в пору любви не мечтает?

И где-то чернеет в тоске мандарин,
И сердце откуда-то знает:
Пленённая музами стая мужчин
С дельфинами вдаль уплывает.

Не все

Мухи спят на потолке,
Дремлет кот на чердаке,
В подворотне пёс мечтает
Об усиленном пайке.
На шоссе мерцанье фар,
В небо гелиевый шар
От хозяйки улетает,
Исчезая вдалеке.

Дальше — призрак дивных стран.
Выше — звёзды и туман,
Разгоняется Вселенной
Лотерейный барабан...

Что там будет? Ад или рай?
Но — пришёл играть — играй!
Хоть в провалах, несомненно,
Виноват Альдебаран.

Старец смотрит в небеса.
Он качает на весах,
Тихо слёзы утирая,
В пользу жизни «против»-«за».
Жизнь понятна и проста,
Но пугает пустота...
А влюблённые «летают»
И глядят глаза в глаза.

Город, в целом, деловит,	Скоро — яблоки в гусе,
Город трудится, гудит...	Снежный мир во всей красе,
Город строится, умнеет,	В нём нормальные земляне...
Смену новую растит.	В общей массе. Но — не все.
А на подступах зима...	Кто-то, падая ничком,
Утепляются дома.	Налегке и босиком
Но становятся смелее	За собой тележку тянет
Грипп, ангина и бронхит.	В ночь по встречной полосе.

* * *

Бóльшей воли не напиться!
Только там, где блещут скалы,
Где душа парит, как птица,
Глядя в зеркало Байкала,

Где, встречая бабье лето
У лесных забытых тропок,
Утопает в море света
Иван-чай — сибирский хлопок, —

Там неведомая сила
Поднимает над Землёю,
Обновляя всё, что мило —
Всё мирское...

Иркутская хрестоматия

К 95-летию писателя

ВАСИЛИЙ ГИНКУЛОВ

Даль сибирская

Ленские плесы

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Оторвалась наша семья от родного прапрадедовского корня Тункинской долины в Прибайкалье, и давай нас мотать по белу свету из края в край. Мы, дети, не понимали причин и целесообразности скитаний, нас в эти дела не посвящали, да и не нашего ума подобная забота, на то есть родители, мудрые хозяева жизни, но и они, угадывалось, тоже от чего-то зависели. Мы уж привыкли к тому, что судьба у нас колёсная, чемоданная, и очередное переключивание на новое место

ГИНКУЛОВ (Шелехов) Василий Владимирович, прозаик, публицист. Родился 10 февраля 1929 г. в с. Тунка, Бурят-Монгольской АССР, в семье школьных учителей. Учился в Якутском педагогическом институте на филологическом факультете, позднее перевёлся в Иркутский педагогический, который окончил в 1952 году. Пять лет работал в школе — преподавал русский язык и литературу, затем перепробовал много профессий — работал кочегаром, кладовщиком, электросварщиком на строительстве Красноярской ГЭС, слесарем на Иркутском авиационном заводе. В 2001 г. принят в члены Союза писателей России. Автор книг: Глухаринные хитрости (Иркутск, 1974 г.); Ленские плесы (Иркутск, 1977 г.); Живи, тайга (Иркутск, 2006 г.); Даль сибирская (Иркутск, 2015 г.); Обретение веры (Иркутск, 2018 г.); «Психи» в моей жизни (Иркутск, 2018 г.) и др. Живет в Иркутске.

жительства принимали как нечто неизбежное, будто смену времён года. Спорить с такой судьбой, казалось, бесполезно, как с регулировщицей на перекрёстке: куда захочет, туда и пойдёт.

Переселение же на Лену из Ставрополя, где нас замучила малярия, где тебе ни зимы, ни коньков, ни леса, ни порядочной реки, было встречено восторженно всеми членами семьи, в особенности же нами, мальчишками. Именно тогда я, десятилетний пацан, умом и сердцем понял и принял повторявшуюся моими близкими истину, что мы — сибиряки, что на юге нам делать нечего, что на родине всё лучше и краше. Похоже было, что власть той таинственной сумасбродки с указательной палочкой в руках наконец-то чудесным образом преодолена, и нам выпало волшебное право действовать по собственному желанию и разумению.

Ох, и опостылела ж нам с братом казачья станица Суворовская близ Пятигорска! Опостылела невыносимо! Мы жили в центре, там, где размещались районные учреждения, школы, магазины, баня, рынок, кинотеатр, а вокруг этого освоенного жизненного пространства все четыре стороны света погрязли в лабиринте бесчисленных улочек с обширными садами и огородами на каждой усадьбе, с пустырями, лужайками и болотцами около речки Кумы. По вечерам все звуки в окрестности глушились со стороны Кумы лягушечьими концертами невероятной громкости: южные лупоглазые прыгуны — не чета нашим крохотулькам: пузатющие, большеротые, нахальные, что твои свиньи! По первости лягушиный хай мы путали с гомоном гусей. Этих горластых птиц колхозники держали помногу, белыми озерами на яркой зелени травы они долгими летними днями паслись в речной пойме под присмотром ребятишек, но на ночь их загоняли во дворы.

Мы с Гошей чувствовали себя пленниками этого давнишнего, непомерно разросшегося человеческого поселения, где только лягушки да жабы остались неодомашненными, в нас подспудно вызревало стремление вырваться за пределы станицы, попасть в дикую природу и увидеть настоящих зверей, неприрученных птиц. И вот в один прекрасный день тайком набрали из буфета провизии — хлеба и конфет, из тумбочки отца, куда даже матери доступ был строго воспрещён, «позаимствовали» компас, не забыли и спичек прихватить и пустились в неизведанный путь, держа направление к Главному Кавказскому хребту, снежные вершины которого маячили вдали в ясную погоду.

Нелегко нам достался этот поход... Занудливо брехали дворняги, тощие до срамоты (ни кормить, ни держать их на привязи у прижимистых казаков не принято), и, преследуя, норовили цапнуть за ногу. Зловредные передавали нас одна другой по цепочке, в ушах не смолкал их лай, то басовитый, то визгливый, то хриплый, то рокочущий. Да и зной в тот день был не милостивей собак, от него не защитишься палками, а водой мы на беду не запаслись, в горле пересохло, губы от жары запеклись, потрескались.

Когда же, «героически» преодолев трудности, достигли окраины станицы, вместо ожидаемого леса увидели перед собой хлебные поля, уходящие вдаль до самого горизонта. С досады я не удержался и заплакал. Брат обругал меня, конечно, «девочкой-ревелочкой, хныкалкой, сопелочкой». Вдруг на дороге загромыхла водовозка, вёзшая питьё на полевой стан. Мы бросились наперерез, замахали руками, заорали:

— Дяденька, дай напиться!

Седоусый старикан в соломенной шляпе зачерпнул из бочки воды. Когда утолили жажду, Гоша спросил:

— А лес далеко отсюда?

— Километров сорок, пожалуй. А что?

— Да нет, так, ничего, — промямлили мы и отправились восвояси обратно.

И вот теперь по дороге в родную Сибирь, в вагоне, мы с Гошей взахлёб, перебивая друг друга, восстанавливали в памяти жизнь на северном руднике Согдиогдон, где добывают слюду: как ловили малявок бутылкою, выбив доньшко острым камнем, как учились управлять лодкой и зорили вороньи гнёзда, как строили шалаши в лесу и спускались на парашютах, то есть падали с молодых берёз, уцепившись за их вершинки, как пили прохладный березовый сок из берестяных чуманов и лакомились брусникой сразу за школьным огородом. Бессчётно падал я с берёз с обломившейся вершинкой в руках и однажды, приземлившись, ненароком чуть не откусил напрочь пол-языка. Дважды тонул я в Витиме, весной, во время ледохода, и летом: плавал, стоя на доске и толкаясь шестом, скovyрнулся и ушёл под плот!.. Впервые смерть глянула мне в лицо. Я отлично сознавал, что уже через минуту, если оплошаю, стану покойником. Затаив дыхание, быстро плыл во тьме по течению, страшась зацепиться за что-нибудь или удариться головой о бревно. И когда вынырнул с другой стороны плота и увидел солнце, почувствовал себя счастливейшим из людей, вернувшимся с того света!..

Всё теперь вспоминалось с умилением, даже то, как я обморозил пятку, катаясь на коньках, попал под полозья бешено мчавшейся кошёвки (едва успел испугаться и подумать, что руки-ноги мне сейчас переломает, но оказался цел и невредим!), содрал кожу с языка, лизнув заолодевшую дверную ручку, — казалось очень смешным и заманчивым: на Кавказе не обморозишься и под кошёвку не попадёшь, потому что если снег и выпадает ночью, пока завтракаешь, он растает. На родине всё — рай и сказка. Этот рай, невзначай утраченный, нам ужасно хотелось вернуть. И наши ожидания не были обмануты. Отцу, педагогу по профессии, в Иркутском облоно дали назначение в укромный таёжный уголок на берегу Лены.

Встреча человека с Природой — как это важно!.. Рано она произойдёт или поздно?.. Или вообще никогда... Если рано, если она вокруг каждодневно, то человек может и не сознавать, каким сокровищем обладает, и не беречь его, наивно полагая, что в любом случае природа восстановит себя, не оскудеет. А потом, торопливо шагая по жизненным ступеням, уйдёт от неё навсегда в комитеты и кабинеты, в диссертации и симпозиумы и не вспомнит, не поймёт, как много он потерял... Если поздно встретится — яркость впечатлений уже не та, охладевшее сердце не способно горячо любить и пылко отзываться на прекрасное. Можно ли считать, что встретился с природой выехавший на пикничок, пьющий и жующий и скользящий взглядом по «окружающей среде»?.. Для него и солнце красное — бутафория, декорация, интерьер. Счастлив тот, кому родная природа с детства вошла в душу, кто всю жизнь тянется, тоскует, как по матери, по ней, кого не засушили, не поглотили служебные обязанности и житейские тяготы.

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

«Устанут звёзды сторожить село...»

* * *

Как светлица, душа под завяз переполнена светом
заревых, босоногих, в белёных рубахах берёз.
Так ей хочется, всласть надышавшейся волей и летом,
показать и тебе этот вышитый шёлковой гладью покос.

Провести подсинённым, как тюли, шалфейным просёлком,
помолчать среди травы, расстрекоченной вдрызг, донельзя.
И руками всплеснуть: в жаворонковом небе высоком, —
ну, смотри же скорей! — Матерь Божья над Русью идёт на сносях.

ГРИБАНОВА Татьяна Григорьевна родилась и живёт на Орловщине. Окончила Институт иностранных языков Орловского госуниверситета. Поэт, прозаик, публицист. Автор 13 книг. Председатель Совета по защите родной природы при Правлении Союза писателей России. Член редколлегии журнала «Берега». Руководитель поэтической студии «Слово» и Областного клуба творческой интеллигенции «Светлица» (г. Орёл). Публиковалась в журналах: «Наш современник», «Родная Ладога», «Роман-журнал «XXI век», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Простор», «Берега», «Великороссь», «Дон новый»; «Волга XXI век», «Новая Немига литературная», «Аргатак-Татарстан», «Александръ» и мн. др. Лауреат ряда Международных и Всероссийских литературных премий. Член Союза писателей России. Живёт в г. Орёл.

За пропахшим укропом, и чем ещё Бог только знает,
с земляничной спелой и сеном в пшеничных кудрях,
за улыбчивым ветром отправиться вслед, как по раю,
напролом в купырях и анисах, просветы и стёжки торя.

Будет солнце ронять на ходу золочёные спицы,
будут ласточки, вечер почуяв, всё ниже кружить,
запорошатся звёздным пшеном поднебесные ситцы,
и слетятся жуки-светляки ворожить в придорожную сныть.

И зацвиркают песню извечную струи в подойник,
полной грудью вздохнёт, освежившись росой, земля,
и наденет на косу река свой туманный повойник,
и прольют лунный свет серебром на дома и дворы тополя.

* * *

Напрочь селенье снега́ занавесили —
светлая тихая грусть.

Каждая улочка, — пусть куролесится! —
помнится мне наизусть.

Там в три оконушка под тополями
старый родительский дом.

Там первопуток плутает полями
к росстаням с древним крестом.

Скирды вдоль поймы рядочком сенные,
церква — в ограде из лип.

Роща на взгорье с крылами сквозными,
маминих бурочек скрип...

Трёт жерновами за стенкой Вселенная,
мелется, мелется ночь.

Милая отчина, память нетленная,
я — твоя кровная дочь.

Мучают день ото дня всё сильнее
думы о скрытом в снегах,
властью и Богом забытом селенье,
дедов погасший очаг.

* * *

Здесь травы в рост почти до окоёма,
с гнездом голубки у просёлка крест...
А всей деревни — два линиялых дома,
что спорят с обезлюдьем этих мест.

Здесь году счёт — с Николы до Николы,
поскольку он — «ближайший до Христа».
И мужика «обличием с иконы»
легко, к примеру, встретить у моста.

Здесь на столе — на удивленье просто:
парное, хлеб да бахчевая снесь.
Здесь праздники справляют на погосте.
А с кем ещё «от счастья пореветь?»

* * *

О, Родина! Штапельный ветер
и простенький ситчик небес,
и всклень, под завяз, в первоцветах
пропахший медушником лес —

погост за оградой древний,
и пожню, что скрыл березняк,
и в грае грачином дерева,
и старый бескрылый ветряк,

без памяти, до иступленья,
мир Божий всё крепче люблю:
и отчее это селенье,
и церкву на дальнем краю,

и глинистый этот просёлок,
что помнит прапращура след,
что мне столько лет, даже в морок,
лучит негасимый свой свет.

* * *

В сквозном разливе света небеса,
сентябрь-своевольник взял без спроса
дороги наши в узел завязал,
чтоб не разминулись на перекрёстках.

И прошлое обречено на слом,
как эти, приобоченные сныти,
когда лишь взглядами, без лишних слов,
дано взахлёб друг с другом говорить и

в садах опять с дымками жгут костры —
в тартарары сгорает с треском лето,
в далёкий Ирий, в дивные миры,
курлыча, клин летит над бересклетом.

Куда глаза глядят, с тобой идём,
и, кажется, нам осень очень рада.
Ей по душе, что мы с тобой вдвоём
бредём напропалую листопадом.

* * *

То щенком заскулит,
то по-бабьи заплачет с причётами,
то насупится,
то просветлеет пронзительной просинью
с воробьями в сиренях,
в ольховниках стылых с чечётками
провожает усталый ноябрь
дни последние осени.

Позови — ни души на сто вёрст,
лишь ветра перемётные,
лишь сосняк вдоль дорог,
против шерсти на славу причёсанный,

лишь татарник больной,
повиликой по горло замотанный,
да сенные стога
друг за дружкой — речными покосами.

Да всё чаще из горних садов
над продрогшими хатами,
над полями сквозными,
смурными остывшими плёсами,
над околицей зябкой
куделью полыней косматою
ниспадают снега
то пыльцою, то дивными розами.

* * *

Средь бескрайних полей и овинов кто-то высыпал горсть деревень. В каждой встретишь берёзовый ливень, повиликой заросший плетень.	И кладбище кровит шиповником... Хоть поплачь... Хоть по-бабьи взвой... За околицей — даль небывалая! Всё гляжу и не нагляжусь. Это — капелька только малая от великого моря — Русь.
И на взгорье во мху часовенка с непокрытою головой...	

* * *

Всего-то — четыре часа электричкой,
и небо моё можешь трогать руками,
листать умудрённые временем книжки,
вдыхать запах трав, что по дому пуками.

Скорей приезжай! Полюбуйся, как осень
пастозно кропит дерева акварелью,
а даль — по сырому, тончайшая просинь,
и к ночи — туманы добротной фланелью.

У нас от рябин прямо некуда деться.
Тебе их горчинка пришлась бы по вкусу —
давно пригорюнилась к русскому сердцу,
вовек не изжить из судьбы её русской.

А ты всё стремишься на край ойкумены
для песен искать небывалых зачинов.
Смотри: журавли как трубят сокровенно,
как нынче особенно горьки рябины.

Всего-то четыре часа электричкой!

* * *

Вот и в дубравах волхвует марьянник, маковка лета упёрлась в зенит. И на задворках, где старый омшаник, снуть до небес белым варом кипит.	Дождик слепой прибежал и на ощупь пересчитал на бахче огурцы, хлопнул калиткой, присвистнул и в рощу вывел на волю коня под уздцы.
--	---

Сколько в лугах нынче спелого света! Время идёт посолонь, а не вспять.	Скоро под горку покатится лето, и не стреножить его, не взнuzдать.
---	---

После метели

Ночь билась в падучей, и в тартарары,
казалось, сметало несчастный наш хутор.
Но с неба помятого, словно с горы,
скатилось тишайшее, робкое утро.
Ужасно и вспомнить, что было в ночи!
Крыльцо скрежетало столбами от страха,
заламывай ветви, кричи не кричи, —
был сад обречён, словно смертник, на плаху.

...Сквозь тюли ласкается свет со двора,
с беспечными снами младенчика схожий.
Хоть выглянуть больно — там стук топора
и груды деревьев с израненной кожей,
но надо вставать и затепливать жизнь:
кормить берестою голодную печку;
по глади сатиновой стёжку прошить —
воды принести из курящейся речки;
обрушить с амбаров и хаты снега —
как будто просыпать кули с рафинадом.
А там и Ярило в собольих мехах
окинет простор своим царственным взглядом.

* * *

Устанут звёзды сторожить село,
и опочуют бражницы в левкоях,
заря в гнезде курлыкнет за рекою,
жар-птицей алой встанет на крыло.
Знакомой с жеребьячьих пор межой
по курослепу с росной лебедою
пройдёт Карюха важно к водопою,
сопя в рассвет добрейшею душой.
И выйдет солнце, и часам к пяти
бока и пятки расщекочет лету.
А то, листнув вчерашние газеты
(без разницы, и в свежих правды нету!),
за правдой-маткой на поля летит.

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

Наташа

РАССКАЗ

Недавно я лежал в больнице в большом чужом городе, где мне сделали операцию, по моим ощущениям, довольно неприятную, которая прошла, однако, удачно и обошлась благополучно. Но не о том речь... Там, в больнице, я снова встретил Наташу.

Распутин Валентин Григорьевич — русский советский писатель и публицист, общественный деятель. Родился 15 марта 1937 в п. Усть-Уда Иркутской области. С двух лет жил в деревне Аталанка Усть-Удинского района. Окончил среднюю школу в п. Усть-Уда. После школы поступил на историко-филологический факультет Иркутского государственного университета. В студенческие годы работал внештатным корреспондентом газеты «Советская молодежь». Член Союза писателей СССР с 1977 года. Жил и работал в Иркутске, Красноярске, Москве. Герой Социалистического Труда (1987). Лауреат двух Государственных премий СССР (1977, 1987), Государственной премии России (2012), премии Правительства РФ (2010), Лауреат премии Президента Российской Федерации в области литературы и искусства (2003), Лауреат премии им. Л.Н. Толстого (1992), премии им. Александра Невского «России верные сыны» (2004), премии «Ясная поляна» (2012), и множества других литературных премий. Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» 3 и 4 степени и другими государственными наградами. В 1991 году стал одним из вдохновителей создания Петровской академии наук и искусств. В 1994 году выступил инициатором создания Всероссийского праздника Дней русской духовности и культуры «Сияние России». В 2010 году был выдвинут на соискание Нобелевской премии в области литературы. Автор романов и повестей: «Последний срок», «Прощание с Матерой», «Живи и помни», рассказов «Уроки французского», «Василий и Василиса» и др. Многие произведения писателя экранизированы. В. Распутин является Почётным гражданином г. Иркутска (1986) и Иркутской области (1998). Скончался 14 марта 2015 в Москве. Похоронен в г. Иркутске на территории Знаменского монастыря.

«Снова встретил» — это так и не так. То, о чем я хочу рассказать, есть странное соединение сна, может быть, даже не одного сна, с реальностью, которая придала этой истории законченный, хоть и не вполне разгаданный, оставшийся, пожалуй, еще более таинственным, смысл. Но все разгадать нельзя, да и не надо: разгаданное скоро становится ненужным и умирает; погубив таким образом немало самого замечательного в своем мире и нисколько этим не обогатившись, мы снова с детской непосредственностью и необремененностью потянулись к предчувствиям и ко всему тому, что к ним близко.

Я увидел Наташу, кажется, на третий день моей больничной жизни. Почему не утром, когда медсестры заступают на дежурство, и не в течение долгого и однообразного дня, как удалось мне за весь этот день не столкнуться с Наташей и дотянуть до вечера, не знаю, тут что-то было особое. Как обычно, перед отбоем дежурный врач обходил больных, его сопровождала по своему блоку медсестра. Я уже лежал в постели, читал, когда они вошли: плотный, с густым голосом, излишне энергичного вида мужчина на исходе молодости, которую он старательно оберегал, и совсем еще молоденькая девушка, рослая и пухлая, но в пухлости своей какая-то вся аккуратная, без излишеств, и заманчивая, словно бы так с самого начала и задуманная, с широким, мягким, цветущим добротой лицом, встретив которое даже где-нибудь в Австралии или Новой Зеландии, можно без опаски заговаривать по-русски. Это и была Наташа. Войдя и увидев меня, она вдруг покраснела и смутилась. Я заметил это, а она заметила, что я заметил, и смутилась еще пуще. Отвечая на обычные вопросы врача о самочувствии, я наблюдал потихоньку за пытающейся скрыться за его спиной и никак не помещающейся за ней девушкой и узнавал ее все больше и больше. Не было никаких сомнений, что я прежде встречал ее, сталкивался не в уличной суতোлке, когда раз мелькнувшее лицо может надолго зацепиться в памяти, а в общении, вовсе не случайном и не пустяковом для меня, которое должно было выйти из привычного порядка вещей. Но что это такое было, как ни напрягал я память, все же не вспомнил. Уходя, Наташа не выдержала и в дверях, пропустив вперед врача, оглянулась с робкой и обнадеживающей улыбкой, словно подтверждая, что да, я не ошибся и это она и есть.

Все последующие дни превратились для меня в мучение. Я вспоминал и не мог вспомнить, и чем старательнее перебирал я все, что случалось со мной в последние годы, тем большую чувствовал безнадежность. Где-то это было не там, что-то не оттуда. Наташа, казалось, ждала, тайком посматривая на меня с терпением и укором, но только поднимал я на нее глаза, ищущие вольную или невольную подсказку, она тотчас убирала свои и смущалась. Эта способность смущаться и краснеть, нынче почти изжитая в девушках, настолько была в ней приятна и естественна и так к ней шла, ко всему ее крупному лицу и крупной фигуре, что после первого удивления Наташу и представить нельзя было иной, и наблюдать за ней доставляло удовольствие, словно сама душа затеплилась в тебе счастливым ответным смущением. Многие больные лечились здесь годами, в болезни своей были особенно несчастны, потому что ее нельзя скрыть, и она в самом прямом смысле торчит на виду; постороннему человеку, не знающему, что это такое, она представляется ужасным уродством, перед которым не всякий сумеет сдержаться, и это отношение со стороны, это ощущение себя как невольного пугала, которому то ли повезет, то ли нет снова когда-нибудь стать здоровым, и, как говорят, лицеприятным, сказывалось, конечно, на больных, работать с ними было непросто. Но перед робостью Наташи робели почему-то все. Ни разу я не слышал, чтобы

кто-нибудь, даже самый отчаявшийся, взялся при ней грубить или капризничать, это показалось бы не только неприличным, но значило бы, что силы больного кончились и надо срочно, если позволяет болезнь, выписывать его, дать пожить и отдохнуть среди родных, а потом вызывать снова. Так уж само собой принялось, что молчаливая, стеснительная и безответная Наташа, которой и в голову не пришло бы жаловаться, стала и для больных, и для врачей больше чем просто медсестра, исправно и с душой исполняющая свои обязанности. Как бы это назвать?.. Пожалуй, на нее смотрели как на человека немножко не от мира сего, на одну из тех, без странностей, причуд и наивных глаз которых мы, люди мира сего, давно свихнулись бы в своем могучем поживательстве и пожинательстве, давно свернули бы себе шею, если бы нас не останавливало их робкое непонимание.

Наташа дежурила на неделе дважды, но не через равное количество дней, а по какому-то своему, ломаному графику, и появлялась всегда возле своего столика в коридоре тихо и незаметно: только что не было — и тут, неслышно двигается, что-то сверяет по бумагам в своем хозяйстве, открывает сейф с лекарствами, идет к больным в палаты. Всякий раз, увидев ее, я вздрагивал — так близко было до того, чтобы вспомнить: я делал уже порывистое движение к Наташе и замечал, что и она с готовностью поднимала навстречу мне лицо; все во мне замирало перед озарением, и я, казалось, уже вспоминал, но из-за спешки, из-за горячности или из-за чего-то еще не мог удержать воспоминания. Лицо Наташи, обиженно опускаясь, вспыхивало, я неловко здоровался и отходил. Снова и снова все было напрасно.

Дошло до того, что мы стали избегать друг друга — и я без крайней нужды не обращался к ней, и она заходила в палату все реже. Но в нашем закутке, или блоке на шесть палат, совсем не встречаться было нельзя, а назначения врачей приходилось исполнять и ей, и мне. Наташа в таких случаях торопилась сделать свое дело и уйти, я же чувствовал себя вконец виноватым: она ведь могла считать, что я прекрасно все помню, но из какой-то своей корысти не хочу открываться, а спрашивать ее, что это было, что я не в состоянии вспомнить, тоже казалось мне неприличным — могло ведь ничего и не быть, я мог все это навывдумывать из болезненной фантазии, от одного лишь любопытного внимания.

Исподтишка я продолжал наблюдать за ней.

Задумавшись, она порой подолгу смотрела в окно в коридоре, куда-то поверх улицы и домов, и до того ей приятно было что-то там видеть, что лицо ее озарялось уже не краской смущения, а волнением только ей одной лишь доступного чувства. Затем я снова замечал ее взгляд на себе — то пыливый и пронизательный, вызывающий тревогу, то отсутствующий, с потерянной мыслью, то быстрый, настороженно-лукавый...

В последнюю неделю Наташа дежурила почему-то часто — возможно, подменяла кого-нибудь из заболевших подруг. И ничего удивительного, что ей же выпало взять меня на операцию. Сестра из операционной, направляя каталку со мной, шла впереди. Наташа подталкивала ее сзади. Укрытый простыней, я видел перед собой только ее большие, казавшиеся мне огромными глаза на опущенном лице, она избегала смотреть на меня и все-таки с испугом взглядывала и крупно, словно крестясь, принималась моргать. В это утро мне было не до воспоминаний. По яркому электрическому свету я догадался, что меня ввели в операционную. Наташа осталась в дверях и, придерживая их, смотрела из коридора, как меня подкатывают к столу и помогают перебраться на него. Устроившись как надо, я

повернул голову к дверям — Наташа продолжала смотреть на меня, но под моим взглядом закрыла двери.

Все, я остался один среди этих людей, никого из которых с закрытыми лицами нельзя было узнать. И даже голоса их, как подкрученные, звучали с одинаковым металлическим настроем. Я пытался прислушиваться к ним, но ничего не понимал, они говорили на незнакомом языке.

Минут через десять, не зная себя совершенно, я уже спал.

...Так трудно было потом проснуться. Иногда я почти приходил в себя, чтобы почувствовать, что я есть, почувствовать в себе озноб и глухую боль, и снова впадал в тяжелое, тупое забытие. До меня доносились женские голоса, я различал и один голос, и второй, требовавшие, чтобы я не спал, но я не мог не спать, это было свыше моих сил. Все было свыше моих сил, мне по силам было только спать — даже и не спать, а находиться в удушливом беспмятстве, из которого, я все-таки дышал этим сознанием, должен когда-нибудь открыться выход.

И он постепенно приоткрывался во мне: я чувствовал уже, как берут мою руку, чтобы проверить пульс, как ставят градусник и делают уколы. Помню свое ощущение: я пытаюсь подняться из глубокого, закачанного угаром шахтного колодца, невесть как очутившегося на моем пути, я тороплюсь, чтобы не задохнуться в нем, но так медленно всплываю... дышать уже нечем. Оказалось, что я был обложен грелками. Я заворочался со стоном, меня каким-то образом поняли, и грелки были убраны. Стало легче. В темном тумане начали появляться обрывочные и бессвязные видения, настолько бессвязные и далекие одно от другого, точно они слетались ко мне от разных людей, а может быть, и не только от людей. Одно из них я почему-то никак не хотел отпускать, оно было чем-то мне приятно и о чем-то напоминало; я очень расстроился, когда оно все-таки исчезло.

Наконец я открыл глаза и увидел, что лежу лицом к просторному, во всю стену, окну. Там, за окном, был еще день — единственное, что я отметил, и снова забылся. Но теперь я владел собой и не позволял себе опускаться во сне глубоко. Я слышал, когда ко мне подходили и уходили, слышал голоса женщин, разговаривавших между собой и отвечавших кому-то на вопросы обо мне. Потом кто-то надолго остановился надо мной и стал ждать, когда я очнусь.

Это была Наташа. В сумерках ее фигура показалась мне выше и легче, точно парила в воздухе. Я сразу пришел в полную память. Обрадованным и слабым голосом, едва слыша себя, я с усилием проговорил:

— Наташа, я вспомнил, вспомнил... мы летали...

Она с волнением закивала мне, прикоснулась легкой и мягкой рукой к моему горячему лбу и отошла так быстро, что мне показалось, что она убежала.

То, что я вспомнил, жило во мне давно, и не знаю, откуда взялось. Вероятней всего, привиделось что-то во сне, но не в полной картине, а полная картина составила затем, когда я думал об этом вольными представлениями, как и всегда, с заботой достраивающими в нас все неоконченное. Не думать же об этом было нельзя, мы невольно придаем значение и ищем вещей смысл в подобных видениях, тем более что здесь было в чем его и искать.

И почему я сразу не догадался, что это она и есть, та девушка из сна? Совпадение настолько полное, и так часто это лицо стояло у меня перед глазами в плоти и крови, что я обязан был узнать его тут же, без промедления. А встретил — и растерялся, две недели мучился воспоминанием, которое находилось рядом. Оттого, вероятно, и растерялся, оттого и мучился, что рядом, — всему, что близко, мы и

не привыкли доверять. Теперь, встревоженная этим досадным препятствием, вся картина ожила передо мной еще ярче и явственней, и я все меньше склонен верить, что она произошла из сна. Краски, запахи, ощущения — нет, многое во сне является совсем по-другому.

Я и сейчас, как наяву, вижу большую поляну на горе (она, эта поляна, существует, и видеть ее не составляет труда), полную цветов — жарков, колокольчиков, белых и сиреневых ромашек. Я сижу среди них на земле в каком-то тревожном и восторженном ожидании, которое наполняет меня все больше и больше, так что я начинаю в нетерпении оглядываться и что-то искать. Прямо передо мной Байкал, широким и стремительным выносом уходящий вдаль и там поднимающийся в небо, слева Ангара, внизу, под горой, мой домишко, из которого я был позван сюда неведомой повелительной силой. Солнце, небо чистое и глубокое, с Байкала тянет ровным влажным ветерком, вода внизу сияет пышущей голубизной — я продолжаю всматриваться вокруг с пристальным, предчувствующим что-то вниманием, беспокойство мое нарастает, я жду чего-то и сам не знаю, что это может быть, но жду в полной и ясной уверенности, что от этого изменится вся моя жизнь.

И вот позади меня слышится мягкий шелест травы, я оборачиваюсь и вижу приближающуюся с улыбкой девушку. Она в простеньком, плотно облегающем ее летнем платье и босиком, светлые волосы свободно распущены по плечам — если бы не босые ноги, в ней нет ничего необычного. Но тогда я принял босые ноги как само собой разумеющееся и только уж после, разбирая и обдумывая каждую подробность, споткнулся: почему босые? что это значит?

Она приближается, и я вскакиваю ей навстречу. Не может быть сомнений: это ее я и жду. Меня только удивляет немного, что она оказалась рослей и полней, чем я мог предполагать, хотя за минуту до того я ничего не мог предполагать. Чувствуя мое смущение, она улыбается. От улыбки ее широкое, с крупными чертами лицо озаряется светом удивительного согласия с собой и кажется на редкость красивым.

С ее появлением все вокруг незаметно меняется, точно перестраивается для какого-то действия. Поляна превращается в вытянутое к Ангаре поле, густо усеянное все теми же цветами, которые, как расчесанные с пробором волосы, с одной стороны поля наклонены к Байкалу, с другой — к горе. Мы стоим посредине. Солнце, только что державшееся над головой, упало близко к закату, и теплый свет его идет низко над землей. Байкал еще больше вычистило, выяснило, и еще заметней стала его дальняя вознесенность к небу.

Я смотрю на все это без удивления, будто так и должно быть. Но в душе моей возрастает тревога, мне страшно, что я чего-то не смогу и кого-то подведу, а если не смогу и подведу, то меня уже не станет. Но, странно, мне чудится, что меня не станет таким, как я есть, если даже я смогу и не подведу. И вместе с жалостью к себе меня охватывает гордость.

— Готов? — спрашивает девушка.

— Не знаю. Я не сумею.

— Как же не сумеешь, если ты уже умеешь, — говорит она озабоченно. — Если бы ты не умел, я бы не велела тебе прийти сюда.

— А это ты велела мне прийти? — Я не сомневаюсь, что это так, и спрашиваю, лишь бы оттянуть время.

— Пошли! — Она берет меня за руку и ставит у края поля лицом к Ангаре, так что солнечный свет бьет нам в спину. — Бежим! Ну, бежим, бежим!

Я чувствую, что бегу рядом с ней, бегу все быстрее и легче; она опускает мою руку и остается где-то позади, но я слышу ее голос, требующий, чтобы я бежал еще быстрее. Я несусь огромными скачками, мне кажется, что я продолжаю бежать, когда замечаю проплывающую внизу четырехскатную железную крышу дома, в котором живет мой товарищ. Я что-то кричу то ли ему, то ли всем, кто остался на земле, и прибавляю ходу. Ноги мои вытягиваются, руки выдвигаются вперед, солнечный свет сильным порывом подхватывает меня и возносит высоко вверх. Рядом с собой я обнаруживаю девушку, она улыбкой пытается успокоить мое волнение, но даже и ей это не под силу. Восторг распирает меня, вот-вот, кажется, оборвется от него сердце, и я двигаюсь неровно, подныривающими толчками, мне уже мало того, что я лечу, и хочется чего-то большего, окончательного, хочется, повернув к солнцу, от которого я ощущаю сладостную тягу, рвануться к нему и никогда не остановиться, но девушка настороже, она рукой показывает мне, куда править. Мы проплываем над Ангарой, делаем и круг, и второй над ее истоком и уходим далеко от берегов в Байкал. Я постепенно успокаиваюсь, восторг мой, отбушевав, становится мало-помалу разумным, и теперь я в состоянии со вниманием всматриваться и вслушиваться в творящуюся вокруг меня жизнь.

Мы парим на той пограничной высоте, докуда достает нагретый за день, настоявшийся воздух, на котором можно лежать, почти не шевелясь. Он то приливно приподымается, волнуясь от закатного солнца, то опускается, и мы качаемся на нем, как на утомленной, затухающей волне, из далекого далека дошедшей до берега и теперь играющей возле него. Небо остывает, и я хорошо вижу в нем обозначившиеся теньями тропинки, тальми провисшими путками ведущие в разные стороны. Они пусты, но по легким вдавленностям заметно, что по ним ходили, и меня ничуть не удивляет, что они, точно от дыхания, покачиваются и светятся местами смутным, прерывистым мерцанием.

Солнце склоняется все ниже и ниже, и могучая торжественная музыка заката достигает такого согласия, что кажется тишиной. И в этой тишине громко и тяжело звучит шорох, с каким опускающийся воздух задевает о гладь воды. И еще — вон там, на берегу, в том лесу на сопке пискнула, я слышу, раскольничьим голоском, не в лад общей музыке, пичужка, пискнула и осеклась, с испугом оглядываясь, что с ней будет. Я вижу и слышу все и чувствую себя способным постичь главную, все объединяющую и все разрешающую тайну, в которой от начала и до конца сошлась жизнь... вот-вот она осенит меня, и в познании горького ее груза я ступлю на ближнюю тропинку...

И вдруг, оборачиваясь ко мне, девушка говорит:

— Пора.

И показывает на берег.

— Нет, нет, — волнуюсь я. — Еще. Я не хочу.

— Солнце заходит. Пора, — терпеливо и радостно, со сдерживаемым торжеством в голосе настаивает она.

И я понимаю: пора. Мы медленно плывем к берегу. Земля уже в сплошной синей тени, звуки, потеряв музыку, сливаются в одно глухое гудение. Мы приземляемся на ту же самую поляну, и я, пробуя ноги, делаю первые шаги, которые огромной тяжестью отдаются во всем теле. Девушка с усталой и беспокойной улыбкой наблюдает за мной.

— А дальше? — спрашиваю я.

— Что дальше? — Она делает вид, что не понимает.

— Если дальше ничего не будет, то зачем это было? Я хочу еще. Я дальше хочу. Там оставалось совсем немного.

Помолчав, она говорит:

— Я буду приходить.

На этот раз она говорит без улыбки, и я замечаю, что без солнца черты ее лица резко обострились и напряглись, а фигура выглядит угловатой и неловкой. Она и сама, очевидно, знает, как изменилась, и, робкой рукой прикоснувшись ко мне, сделал последнюю попытку улыбнуться, начинает уходить.

Я смотрю ей вслед и такую чувствую в себе и в ней тревогу, загадочным выбором соединившую нас, но относящуюся ко всему, ко всему вокруг, такую я чувствую тоску и печаль, словно только теперь, полетав и посмотрев с высоты на землю, я узнал наконец истинную меру и тревоги, и печали, и тоски.

Она уходит, и быстро сгущающиеся сумерки скрывают ее.

Но она сказала: я буду приходить.

Через два дня из послеоперационной меня перевели обратно в свою палату. Ковыляя по коридору в сопровождения медсестры, я еще издали выглядывал: вдруг сегодня опять Наташа? Нет, ее не было, дежурила милая, но другая девушка, которая и приняла меня с рук на руки, уложила в постель и сообщила, сколько раз и в какие часы мне назначено давать лекарства и делать уколы. Я смиренно слушал и представлял, как мы с Наташей встретимся, когда она придет, и о чем станем говорить. Все-таки нам предстояла необычная встреча.

Я ждал и день, и два, и три — Наташа не появлялась. Конечно, у нее могли скопиться отгулы за внеочередные дежурства, она могла заболеть, много чего могло быть, но я уже чувствовал, что все это не то. Когда, наконец решившись, я спросил о ней, мне ответили, что Наташа уволилась и уехала из этого города.

Оказалось, она работала в больнице недолго.

ПОЭЗИЯ

АННА ЖЕЛТОНОГОВА

«Я нарисую белое на белом...»

Глаза России

Глаза России — Родины глаза,
В них отражается лазурь небес,
Дождя хрустальная слеза,
И радуга, хранилище чудес.

Глаза России — в них сама судьба
Нелегкая, великая, святая,
В них смех и радость, слёзы и мольба,
Простор полей, что без конца и края.

Глаза России — матери глаза,
В них нежность, словно солнышко, искрится,
Сияет в небе яркая звезда,
И завещает всем желаньям сбыться.

Глаза России — белый храм вдали,
И васильки, умытые росой,
Глаза России — свет родной земли,
И мост любви меж мною и тобою.

ЖЕЛТОНОГОВА Анна Сергеевна родилась 16 августа 1981 года в городе Ангарске Иркутской области. (Сибирский ФО). Стихи пишет с 16 лет. Является лауреатом и дипломантом городских, областных и международных конкурсов. Автор двух поэтических сборников. Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Сибирь», «Работница», «Аз-Артъ», в городских, областных, российских изданиях, в коллективных сборниках «Ангарск поэтический», «Вдохновение». Автор двух книг: «Стихами вытесняю грусть» (2005), «Пишу стихи, как птицу отпускаю...» (2012). Лауреат Международной премии «Филантроп» за достижения в области культуры и искусства. Член Ангарского городского литобъединения (филиал Иркутского отделения СП России). Живёт в Ангарске.

* * *

Я говорю на русском языке,
Пишу, читаю, думаю и знаю,
Я говорю на русском языке,
И песнь во славу языка слагаю.
В ней шум берёз, и летняя гроза,
И белый снег холодной зимою,
В ней сердца стук, улыбка и слеза,
И радуга в полнеба над землёю.
Я говорю на русском языке,
Я говорю, стучась в сердца и души

И льётся речь, как волны по реке,
А сердце молвит: слушай, слушай, слушай...
Я говорю на русском языке,
На языке Карамзина и Фета,
И оживают строки на листке,
Как звезды в небесах перед рассветом.
Я говорю на русском языке
Во славу Родины моей, России,
Я говорю на русском языке,
Ведь нет на свете языка красивей!

* * *

Я нарисую белое на белом,
Печаль свою раскрашу в белый цвет.
И белый день начертит белым мелом
Судьбу мою, в которой грусти нет.

И белый кот, на белой сидя крыше,
Пушистой лапкой белый снег смахнёт,
И белые стихи поэт напишет,
И белый голубь в небеса вспорхнёт.

Я нарисую белый парус счастья,
И прикреплю к большому кораблю,
Пусть он причалит к берегам участья,
Туда, где я тебя ещё люблю.

Я нарисую белое на белом,
Но жаль, не хватит белой краски мне,
Наверно это глупо и несмело —
Мечтать о прошлом в настоящем дне.

Не обещай

Не обещай мне скорые дожди,
Не обещай мне скорые снега,
Ты просто тихо рядышком иди,
В твоей руке лежит моя рука.
И звезды падают, и ночь светла,
И все заветные сбываются мечты,
Не обещай вселенского тепла,
Пообещай, что рядом будешь ты.

Осенний дождь

Осенний дождь осенней ночью
Кружит осенний листопад.
Осенний дождь, он, между прочим,
Совсем ни в чём не виноват.

Не виноват в ушедшем лете
И в наступивших холодах.

А мы твердим: За всё в ответе
Осенний дождь. И не попад
Считаем капли, словно годы,
И ждём неслыханных чудес...
К утру стихает непогода,
И «оживает» синь небес.

* * *

Замела, запорошила,
Белым снегом закружила.
Так легко, и так умело,
Всё зима за нас решила.

Все невзгоды — вьюгам крылья,
Пусть летят за семь морей!

Все печали и уныние,
Прочь за тридевять земель!

Нам — лишь радости лавина
И вечерний снегопад,
Сердцу милая картина —
Пусть же каждый будет рад!

* * *

Жара. Июль. Макушка лета,
Пилоткой сложена газета.
Стакан кефира, сок томатный,
Зефир, конфеты, пряник мятный.
Листок бумаги. Карандаш.
Рисунок: утренний пейзаж.

На том рисунке море, волны,
Что так пленительно-покорны,
И стая чаек в небесах,
И удивление в глазах
Ребенка. Просьба без ответа...
Жара. Июль. Макушка лета.

Тишина

В нашем доме тишина,
Легкой поступью она
Входит в комнату пустую
И садится у окна.

Руки мне кладет на плечи,
Затекает разговор,
Бесконечно длится вечер...
Ты твердишь мне: «Это вздор!»

Невозможно, нереально
Слышать в доме тишину.
Так тревожно, так печально —
Наш «корабль» идет ко дну.

Мы с тобой два капитана
В море судеб. Может быть,
Невозможно без обмана
Без тревог по жизни плыть...

* * *

Звучи, любовь, дождём весенним,
На небе радугой сияй.
Звучи, любовь, и стань спасеньем,
И окрыляй, и вдохновляй.

Звучи, любовь, грозой над миром,
И нежной песней соловья,
Звучи, любовь, стань хлебом, пиром,
Великой тайной бытия.

Звучи, любовь, ударом сердца,
Аккордом чувств на виражах,

Звучи, любовь, позволь согреться
Теплом улыбки на устах.

Звучи, любовь, в стихах и песнях,
Во взгляде, голосе звучи,
Звучи одна, со всеми вместе,
Но только, только не молчи.

Звучи, любовь, ведь ты — прекрасна!
Я убеждаюсь вновь и вновь,
Что всё на свете не напрасно,
Пока есть ты: «Звучи, любовь!»

РЕНАТА ТХАГУШЕВА

Дом № 12

Здесь бурьян и крапива
Да лиловые шапки репья,
И всегда терпелива
В раскаленной пыли колея.

Д. Андреев

Улица, ведущая к террикону

В самом начале улицы на углу стоит старый развалившийся дом. Его крыша упала на землю и придавила своей тяжестью стены задолго до моего рождения. На уцелевшей стене продолжает висеть номер дома, до последнего противясь ходу времени. Под деревянной некрашеной изгородью дома в тени ореха мы детьми находили зеленую горько-маслянистую кожуру. Орех, вынутый из такой кожуры, был сырым, влажным и немного терпким. Скорлупу подсушенного ореха мы давили прямо на дороге, аккуратно укладывали раздавленное месиво на ладонь и выбирали чистые кусочки. Процедура была варварской и не одобрялась родителями, но оттого орех казался только вкуснее.

ТХАГУШЕВА Рената Дмитриевна родилась в г. Донецке Донецкой области в 1999 году. В 2022 г. окончила филологический факультет Донецкого национального университета. В настоящее время — аспирант и ассистент кафедры истории русской литературы и теории словесности Донецкого государственного университета. Стихи публиковались в коллективных сборниках Донецка, в литературно-художественном альманахе «Многоцветье имён». Как прозаик дебютировала в 2023 году в журнале «Наш современник». Живет в Донецке.

Ничто не нарушало покой этого дома на углу. Покореженный временем, он наблюдал за тем, как рождаются, вырастают и уходят из родных домов дети, как стареют и умирают старики, как постепенно дряхлеет улица. Так же невозмутимо дом встретил приход войны. Нет, не «24» должно было значиться на его табличке, а слова, напоминающие о неизбежном. «Ты смертен, как и я», — говорил он всем своим видом всякому, кто проходит мимо.

Улица была с наклоном и представляла собой спуск к возвышающемуся над крышами домов и поросшему зеленью террикону шахты «Бутовка». Издалека деревья казались большими круглыми бугорками-родинками на высокой земляной насыпи. Зимой террикон становился бурым, почти ржавым. В бесснежную погоду к нему тянулись черные голые ветви. Пейзаж был мрачен, угрюм и тосклив, но не отменял ту радость, которая появляется при виде с детства знакомых очертаний.

Улица никогда не знала асфальта. В глубокие ямы высыпались печная зола и шлак, которые утрамбовывались машинами и временно выравнивали дорогу. Виляющую дорогу, усеянную бутылочными осколками, твердым угольным шлаком, старыми абрикосовыми косточками, изучили мои босые ноги. Из какого-то детского упрямства я выбегала из дома без обуви. Ребята-соседи спрашивали, не больно ли мне ходить по асфальту. Они не знали, что по асфальту бегать-то как раз блаженство: шершавая поверхность нагревалась от солнца и припекала подушечки пальцев. А вот земля родной улицы колола, было больно, но по-странному приятно от своей детской смелости: так себя больше никто не испытывал.

Я спускалась на улицу ниже, откуда открывалась дорога в небо: на горизонте в дымке облаков высился далёкий безмянный террикон, у подножия которого мелкими точками рассыпались дома. Я мечтала дойти до террикона пешком и подняться на его вершину. Донецкая гора была землей, взметнувшейся к небу, и, как казалось тогда в детстве, навсегда почившей. Сейчас за терриконом стоят установки, обстреливающие наш поселок, они выстилают нам дорогу в небо и тревожат донецкие горы...

Часовые

Наш дом располагался в центре улицы, деля ее пополам на верх и низ. На серо-голубом фасаде дома на белой табличке значилось жирное черное «12». Цифры выглядели твердо и уверенно: единица с военной выправкой гордо поднимала подбородок, а двойка открыто выражала миру недоверие. Обе цифры смотрели на меня свысока, как бы приглядывая. Это были два часовых, вечно пребывающих на своем посту и охраняющих порядок.

В детстве казалось, что наличие этой таблички придавало дому законченность. Как табличка была впаяна в стену, так и цифры каким-то образом становились неотъемлемой и необходимой частью этого дома. Если бы цифры исчезли, стоял бы на этом месте дом? Конечно же нет, их роль выходила далеко за пределы понятий об адресах и нумерации зданий.

Тогда я еще не знала, что мистики считали двенадцать совершенным числом, символом абсолютного порядка. Двенадцать, обладая круговой природой, лежит в основе мироздания, это божественный круг, который всегда замыкается. В детстве все было проще и яснее: двенадцать — это дом, это высокая трава под забором, звук падающих с ветвей яблонь плодов, вкус кислой черной смородины,

запах свежего белья, двенадцать — это мой исток и мое начало, символ возвращения, потому что каким бы бурьяном и крапивой не заросла дорога прошлого, дорогу к дому человек всегда найдет. Вероятно, с возвращением когда-нибудь и замкнется этот круг...

Когда я появилась, дому было уже пятьдесят два года. Дом № 12 начал строиться в сорок седьмом году на недавно купленном участке с благодатным черноземом. Участки делили длинной веревкой, накрученной вокруг колышков, вбитых в землю. Ночью хитрые соседи переставляли разделитель, чтоб ухватить дополнительный метр участка. А утром моя прабабушка терпеливо водворяла колья на прежнее место. Через месяц этой игры она плюнула и насыпала межу из угольного шлака. Сейчас, глядя на участки, сразу бросается в глаза, что кого-то все-таки обделили, и ночной бадминтон для многих спящих и невнимательных соседей закончился их явным поражением.

После войны нужна была крыша над головой, и потому дом строился без фундамента из того, что было — песок, глина и шлак в основе конструкции. Шлаколитые дома, дешевые и доступные, строились быстро, но так же быстро начинали трескаться.

Стены внутри были выкрашены маркой побелкой. В детстве я часто проводила по стене смоченным слюной пальцем. Побелка имела вкус крепкого, сухого мела, от которого сводило скулы.

Несмотря на сходство белых стен с листом бумаги, мне никогда не хотелось их разрисовать. А вот об их прочности говорит моя детская непоседливость. Когда меня ставили за какую-то провинность в угол, я, чтоб чем-то занять столь скорбное времяпровождение, упрямо ковыряла стену. Окончательным результатом стало углубление, по глубине и ширине вполне вмещающее грецкий орех. Не замазанная до сих пор, эта вмятина остается доказательством того, что медленно, уверенно и вполне успешно долбить стены я умела с четырех лет.

Черное сердце дома

Летом в доме было прохладно, а в холодное время года топили угольную печь. На чугунной дверце печи были выбиты выпуклые ромбики, а над ними — угрожающего вида предостережение, которое меня, не умеющую читать, совершенно не впечатляло. Единожды схватившись мягкой и пухлой рукой за раскаленную ручку дверцы, я огласила дом болезненным плачем. Столь близкое знакомство с печью происходило под наблюдением матери, которая посчитала опыт самостоятельного познания более эффективным, чем постоянные предостережения о том, что «будет больно». И она была права.

Печи я не боялась. За чугунной дверцей жило пылающее сердце дома. Оно умело разговаривать, шипеть, отличалось хорошим аппетитом и любило хрустеть сухими дровами. Но помимо дров в этом ритуале поддержания тепла участвовал еще один компонент, проходивший странную трансформацию.

Я рано узнала, что уголь, заораживающий своей поблескивающей чернотой и матовым блеском, при смачивании водой имеет запах. Это был маслянично-каменный, земляной, тяжелый и одновременно свежий аромат, который предшествовал началу топки. Вслед за ним появлялся кисловатый запах спички, потом — горечь зажёванной бумаги. Постепенно пламя разгоралось, гудело. Через маленькие

щели можно было увидеть, как зверь, поглощая данные ему дары, растет и крепнет. Треск дров сопровождался глухим и тяжелым движением воздуха, который поднимался вверх по печной трубе: сердце дома дышало, а в морозные вечера выло.

Мать развешивала в продолговатой комнате, где топилась печь, в несколько рядов свежестыранное постельное белье. Я бегала между простынями, вдыхая влажный запах порошка, и ощущала себя героиней восточной сказки, ведь именно там можно потеряться в обилии тканей, балдахин, плотных занавесей.

Через колосники в поддувало печи падали маленькие искорки, которые, остывая, превращались в горку обесцвеченной золы. Из угля высасывалась жизнь, из него высвобождалась внутренняя энергия, чтоб согреть дом, чтоб я могла бегать босиком по деревянному полу между белыми высыхающими простынями.

Так в детстве для меня связались понятия красного и черного, угля и огня, жизни и смерти. Сердцем этого дома был вовсе не огонь, а черный кусок угля. Он не горел в огне, потому что он и был огнем.

Лопух

Мелкой ребятней мы часто собирались перед двором с одиноким деревом, на котором висела тарзанка. Из дома к нам медленно и вальяжно выходил молодой парень лет шестнадцати. Обступаемый нами, он садился на грубо сколоченную лавку, доставал из кармана сверток с густо и солено пахнущей таранкой и методично ее ел, не обращая внимания на наши жаждающие рты. Девчонки постарше перекидывались с ним парой слов. Парень останавливал взгляд на девичьих улыбках, но при этом не забывал вгрызаться в сухое рыбье мясо.

Мои ноги в ссадинах, худые руки и мальчишеский вид никогда не привлекли бы его внимание, и я хорошо это понимала. Я не носила платья и бегала с распущенными запутанными волосами, которые никогда не собирались в косу, а моим лучшим другом был соседский мальчик Сашка, с которым мы активно терроризировали вредного соседа.

Эх, Сашка, конопатый, с вечно чумазой мордочкой... На холодных плитах пристройки, на огромном шлакоблоке мы играли зелеными солдатиками. Больше всего мне нравился тот, который целился, потому что независимо от того, где он находился, и кто был рядом, он не терял бдительность и целился всегда, даже в воздух, даже в пустоту.

Сашка любил строить халабуды — слово, которое мать всегда у меня поправляла: «Правильно говорить „шалаш“!». Но Сашкин вариант мне нравился больше. В халабуде было что-то от экзотического индейского вигвама. Вероятно, буква «х» навевала такие ассоциации. На деле же наше строительство ограничивалось приставленной к забору шиферинной. Проем с трудом мог вместить двоих, но результат нас тогда устраивал. Уже потом под своей домашней грушей я построила свой шалаш. Благодаря земляной насыпи, вырытой для уличного туалета, и благодаря стволу дерева, конструкция из досок старого шкафа держалась прочно. Труднее было с крышей, рыхлые доски сыпались в глаза или норовили вот-вот упасть мне на голову.

Мой шалаш оказался лучше той халабуды, которую мы построили по схеме Сашки, и втайне я этому радовалась. Не помню, то ли тогда я пришла к выводу,

что лучше все делать самой, то ли к тому, что лучшей опорой для любых начинаний служат земля да дерево...

Веснушки, обесцвеченные на солнце русые волосы, торчащие уши, смешливое и временами глупое выражение мальчишеского лица не оставляло, казалось бы, никаких шансов для влюбленности, но Саша был старше на четыре года, а потому я вверялась его заботе и опеке. И эти забота и опека проявлялись порой самым неожиданным и трогательным образом, отчего внутри маленькой чумазой девочки что-то смутно ёкало и смущалось.

Был летний жаркий день, парило. Мы вышли пройтись по району. По какому-то странному негласному правилу мальчишки всегда носили головные уборы, в то время как девочки и в самую жестокую жару предпочитали получать солнечный удар. Вот и тогда Сашка нахлобучил на себя кепку, а я ограничилась резинкой для волос. Я была младше и любила умничать, в тот день я тоже просвещала Сашку:

— А ты знаешь, что дожди вредные?

— Это еще почему? — спросил он.

— Они радиоактивные! Если попасть под дождь, то волосы могут выпасть, — пугала я, искренне веря в то, что говорю.

Но на Сашку эта информация, казалось, не произвела должного впечатления. А через час прогулки со всей внезапностью пошел дождь.

— Дождь льет страшный, ливень! — рассказывала моя мать маме Саши, — слышу, в калитку стучат. Я выбегаю, открываю калитку и вижу картину: под дождем стоят дети, дочь — в Сашиной кепке, сам же Саша с несчастным лицом держит над головой огромный лист лопуха, по которому грустно стекает дождевая вода... Боже, где он только нашел такой огромный лопух?!

Когда я видела Сашу последний раз, он был уже взрослым молодым человеком, заговорить с которым о лопухах и солдатиках, ровно как и о совместно проведенном детстве, было невозможно. Было все иначе, и голубые глаза, и русые волосы принадлежали парню с хорошей осанкой, твердой походкой и с серьезным задумчивым выражением лица. И тогда тоже что-то ёкнуло, но уже иначе, с ощущением чего-то безвозвратно ушедшего. Спустя долгие годы мы ограничились простым «привет».

Где сейчас Сашка, я не знаю, знаю только, что живой. А в наше время это уже немало...

Друг в саду

Из окна квартиры никогда не услышишь, как падают яблоки в саду, а из моей детской комнаты было слышно. Черенок лопался, и яблоко срывалось сквозь шелестящие нижние ветви, падало с глухим стуком на землю, иногда задевало уже упавшего собрата и отскакивало в сторону, ударяясь о стену старого сарая, в котором хранились дрова и уголь. Каждое яблоко падало со своим особенным звуком, и можно было угадать, от какого дерева плод и как далеко он упал.

Там, за окном, в саду, происходила тайная и скрытая от всех маленькая жизнь. Под рыхлым бревном можно было обнаружить древнюю цивилизацию копошащихся муравьев, в дальнем тенистом углу сада, где росла малина, можно было наступить босой ногой на холодных слизней, оставляющих блестящий след на голой земле, а ночью мог пробежать маленький фыркающий еж. Одного такого

мать как-то поймала и принесла в дом показать мне. Животному было предложено блюдо с молоком, но еж забился под старый шкаф, и доставать дитя природы пришлось длинной шваброй времен моей прабабушки. Больше ежей в нашем доме не было, но иногда собака натыкалась на колючий комок, лаяла, кололась, и тогда мать спешила в сад разнимать животных.

Вечером в саду пахло тысячелистником, шалфеем и пряными листьями крыжовника, а днем — сладким абрикосом. Нигде больше я не ела такого абрикоса, как дома. Ты поднимаешь его из высокой травы, а он, пропитанный солнцем, сам пахнет как солнце, и как солнце обжигает. Яркий, крупный, с еле ощутимыми девственными ворсинками. Сок льется по губам, затекает под рукав до локтя. При особо неудачном укусе сок попадал на босые ноги, утопающие в густой траве, липкий, сладкий и теплый, он быстро привлекал муравьев.

Каждому дереву в саду отводилась своя роль в детстве. Под одним было сооружено подобие архитектуры — шалаш, с другим велась изнурительная битва. С черешней был связан один из экстремальных этапов лета — ранний сбор ягод в начале июня. Вооружившись пакетом, я залезала на дерево, с высоты которого просматривались близлежащие участки с огородом. Когда ещё не было двухэтажного соседского дома, моя мать, будучи ребенком, также залезала на черешню и рисовала бутовский террикон в его летней красоте с бугорками зелёных зарослей.

Самые красивые ягоды росли на дальних ветвях. Крупные, почти черные, они блестели на солнце и добавляли сбору особую, ни с чем несравнимую привлекательную опасность. Я поняла, что выросла, в тот момент, когда гибкие ветви черешни стали опасно прогибаться под моим весом. Это было интереснее монотонного сбора смородины, и уж тем более приятнее сбора колючего крыжовника, покрывшегося со временем ржавчиной.

Возле крыжовника росла, а точнее, доживала свой век, маленькая Антоновка — моя любимая яблоня. Родители каждый раз намеревались ее срубить, но я каждый раз их отговаривала. Под этой скромной и малоплодовой яблоней похоронен друг.

Мне было шесть, когда появился Роня — щенок немецкой овчарки с черно-рыжей мордой и родинкой на языке. Этот весёлый колобок с висячими ушами превратился в машину, способную снести меня с ног, перепрыгнуть через соседскую изгородь и разорвать за минуту любую игрушку в клочья. Для домашних он был добряком: позволял котам есть из своей миски, а когда шел дождь, носом загонял их в свой вольер.

Сад был его местом, его домом. Он аккуратно бегал по огородным дорожкам, срывал зубами огурцы или подбирал наши любимые с ним яблоки, зажимал в лапах и ел. Расстроенная я уходила в сад, а Роня прибежал и тыкался холодным влажным носом в заплаканное лицо и вздыхал. Значит, что-то понимал и что-то чувствовал, хотел по-своему помочь.

В 2014 нам пришлось уехать с матерью из города: наш район был одним из самых обстреливаемых. В час ночи на Крещение зазвонил телефон. Это был отец. На участок прилетело. Дом цел, стекла целы. Рони больше нет. Убило шрапнелью. Тогда я впервые услышала, как плачет отец.

Место прилета долго не зарастало травой, но со временем земля оправилась. Осколками посекло антоновскую яблоню, под которой отец похоронил собаку. Через несколько лет яблоки совсем измельчали, и нашу любимую с Роней Антоновку пришлось вырубить.

Смех в подвале

При обстрелах я больше всего волновалась за отца. Мы с матерью, маленькие и юркие, быстро спускались по старой деревянной лестнице в подвал, но отец всегда был медлителен, ему было тяжело, а потому снизу мы всегда его подгоняли. Он спускался последний, закрывал ляду, и в подвале становилось темно.

Так было всегда, сначала ближний прилет, потом громкий и тревожный голос матери из кухни, она звала меня по имени, что значило лишь одно — спускаемся в подвал.

Мы включали фонарь телефона или зажигали запасенные матерью свечи. Руки дрожали, сердце колотилось с таким же шумом, с каким падали снаряды в нашем районе. Чтоб успокоиться, я рассматривала уже наизусть выученные банки закруток. Орда огурцов, помидоров и перцев бы спущены сюда не только для хранения, но и на случай долгого пребывания в подвале. Вместе с ними здесь стояли банки тушенки, пятилитровки невоскрытой питьевой воды, металлическая кружка. На поддоне на случай, если я захочу прилечь, лежало старое советское одеяло красного цвета, колючее и немного влажное, пропитавшееся прохладой подвала.

Подвал был небольшой, и, сидя на старых табуретках, мы с родителями смотрели в лица друг друга. Иногда начинался разговор о том, кто нас будет раскапывать, если засыплет. Подвал спасет от осколков, но вентиляция в нем совсем никудышная, для мешков картошки, но не для трех живых человек.

Четырежды в день мы прыгали вниз, чтоб ощутить запах сырой земли, от которой мутило, и четырежды в день отец закрывал над нами ляду, и мы попадали во тьму, в тесноту домашнего гроба. Быть может, в те моменты мы ощущали себя не более живыми, чем мешок картошки, сгруженный в угол подвала.

«Только в гробу не будет всего этого», — думала я, глядя на подвальный стол. Отдельным рядом стояли закрутки крохотных соленых огурцов — корнишонов. Мать, зная мое особое к ним пристрастие, закрывала их специально для меня. Огурцы были не больше мизинца, но каждый год они заботливо собирались с огорода, мариновались без уксуса и укладывались для меня в аккуратные крошечные баночки...

После каждого прилета мать говорила, куда легло. Эта интуитивная география меня поражала своей точностью. Помнится, как в один из моментов напряженного молчания тишину полутемного погреба нарушил смех. Смеялся отец, заразительно, с характерными бранными вставками, которые так просто и так емко отражали весь спектр наших эмоций и состояний от страха и тревоги до ненависти и растерянности.

Но если слова были к месту, то смех совершенно не соотносился и с нашей геолокацией, и с прилетами на фоне. Мать испуганно покосилась на отца, я прочитала в его глазах усталость.

Смех был ответом на абсурд происходящего, протестом против ситуации, в которой мы оказались по воле... по чьей воле? Мы сидим в подвале так же, как сидели вчера, так же, как будем сидеть завтра, мы ждем. Чего? Когда все утихнет. А поможет? Кто знает...

Обстрел заканчивался, и мы с опаской поднимались вверх, каждый возвращался к своим брошенным делам, которые, мы знали, скоро вновь придется оставить.

Тогда еще отец не знал, что через семь лет после начала войны по потолку подвала пройдет глубокая трещина, через семь лет — потому что война не закончится через год и даже через два, как мы все тогда надеялись.

Да, в гробу с нами никто смеяться не будет. Да и плакать тоже. Там некому.

Спящие терриконы

Запах шелковицы смешивался с запахом постепенно мокнущего асфальта. Начинался летний дождь. Были слышны отдаленные раскаты прилетов. Девять лет войны. Из моего окна виднеется раскинутый над ставком бурый террикон. Такова эта земля: где бы ты ни жил, ты будешь видеть «донецкие горы».

Я давно живу в другом районе города. В родном доме опасно, но там по-прежнему живут родители. На неделе мы впервые за полгода встретились с матерью в городе, пили кофе. Мать рассказывала, как в 1947 году ее бабушка с бабушкой приехали из Томска в Донецк¹ и купили земельный участок, на котором ничего не было, и как к дому постепенно пристраивались части.

Вибрация прилетов не прошла незамеченной: по дому пошли глубокие трещины. Бетонный забор посечен осколками и в нескольких местах зияет дырами. На крыше дома лежат осколки сбитого снаряда, которые посыпались с таким звуком, как падает крупный град во время дождя. Все окна еще в 2014 году мать заклеила скотчем, но скотч уже сохся и раскрошился. Через мое окно прошел осколок от снаряда и впился в стену возле двери. Если бы я там стояла... Но меня там не было. Место попадания на окне заклеили несколькими слоями скотча с ватой, чтоб не сквозило. Менять окна из-за такой мелочи — бесполезная трата средств, особенно когда на соседних улицах люди теряют больше, чем стекла и оконные рамы. Печка все так же обогревает постаревшие стены, и в то время, когда отключали газ и электричество, она давала больше, чем тепло — она давала надежду.

Когда-то дом был молод, когда-то щедро плодоносил абрикос и росла Антоновка. Давно это было. Но когда-нибудь я обязательно приеду и залатаю крышу, побелю стены. Главное, чтобы было что белить. И кому белить...

Кто-то писал, что двенадцать — это еще и символ спасения. И если нет у нас ни гармонии, ни порядка, остается верить, что есть те часовые, что вечно пребывают на своем посту и охраняют нашу жизнь и дом под №12.

Быть может, в свое время я услышу, как падает яблоко в саду, как фыркает заблудившийся ночью еж, услышу тишину, полную, всепоглощающую, летнюю, непростреленную тишину с трепетанием цикад. А даст Бог, и я увижу, как опускается яркое закатное солнце за террикон, уснувший навеки и никогда больше никем не потревоженный.

июнь 2023

¹В 1947 носил название Сталино.

ЕЛЕНА КОЛЕСНИКОВА

«Вижу всё таинственным и новым...»

Первый день

Своей обратной стороной	И слышу ясно над собой
В тот день был мир повёрнут тайно —	Склонённой осени дыханье,
Шёл дождик, ветошью сырой	И разговор её немой,
Стирая пыль с листвы янтарной.	И кос шафранных колыханье.

В проём распахнутых дверей	В мой первый день, в урочный час
Мне ветры тонко-тонко пели,	Всё было так, я знаю это —
И нежный помню шёпот фей,	Октябрь об этом мне поведал,
Столпившихся у колыбели.	На мокрой крыше примостясь...

КОЛЕСНИКОВА Елена Николаевна родилась 1 октября 1976 года в городе Кузнецке Пензенской области. Окончила музыкальный факультет Самарского государственного педагогического университета. Работала в школе. В настоящий момент является музыкальным руководителем Центра ментального здоровья детей. Публиковалась в воронежском журнале «Подъём», калининградском «Берега», «Александръ» (г. Москва) и «Сура» (г. Пенза), а также в альманахах «Нить Ариадны», «Образ», «Родина», электронном журнале «ЛИТERRA». В 2022 году стала дипломантом премии «Образ». В феврале 2023 победила в Национальном поэтическом конкурсе «PoetFest» (г. Санкт-Петербург) в номинации «Поэт года». В 2023 году Лауреат Всероссийского поэтического конкурса «Голоса цветов» (г. Тольятти). Живёт в Воронеже.

* * *

Вольфрамовая нить перегорела —
Грозы стихает мутный кровоток,
И тополя преломленное тело
Лежит на перекрестии дорог.

За то, что с небом — только о высоком,
За крыльев серебрящуюся хладь,
За то, что истекал багровым соком,
Он должен на закате умирать.

Еще волнением схвачены предсмертным
Едва живые складочки души,
Ещё... А впрочем, завтра будет лето
Опять звенеть в ромашковой тиши.

Смотри, просвет — на целые полнеба —
Он снова твой — и дали все твои!
А мне — камней намоченные хлебы,
А мне — десятиструнные ручьи.

Вольфрамовая нить перегорела —
Оставь пустые клятвы и божбы —
Там — тополя преломленное тело
На странном перекрестии судьбы...

* * *

Утро из купели розовой
Отплеснуло солнца мне,
Небо ниточкой берёзовой
Приторочилось к волне.

Для полей одежды белые
Снова сметаны по швам,
Смерть лютует вечность целую,
Но земля моя жива.

На живую нить, обманную —
Долго ль речке миловать
Эту — гладью вышиванную —
Голубую благодать?

И под этим хлипким рубищем
Сонно дышат зелена,
И горит весеньем будущим
Яркий свет в ладонях дня.

* * *

Затёмья полог повечерний,
Шатровых сосен — перекрытия,
Луны древнейшее кочевье —
Осеннее светопролитие.

Покровы, порванные в клочья,
На травах угасают царственно.

И звёзд высокое надстрочье¹
Над вязью облаков всё явственней —

И осторожно, как святыню,
В ладони заключу дрожащие
Тебя, земля моя, доньне
Из милости меня носящую.

¹Надстрочный знак — титло — в церковно-славянском тексте ставился над священными понятиями.

* * *

Замысловатый росчерк осени —
Листка полёт,
Дождя занудливые рассказы,
Нависший свод,
Всё терпкой горечью приправлено,
Всё тлен и прах ...
Охапку листьев неотправленных
Держу в руках.

И веки туч, отяжелевшие
От вечных снов,
И вишни, пурпуром зацветшие
От холодов.
В них — светлый жар, и откровения,
И пыл огня —
Твоя любовь благословенная
Нашла меня.

* * *

Льняных снежинок намело на тюль —
Валит лавиной свет в разлом оконный —
Чудесничает баловень-июль
Веснорождённый.

Синеет тучи безымянный пик,
Искрятся склонов шёлковые шторы,
И сердца — неистаявший ледник,
И счастья — неисхоженные горы.

Чудесничай и снежным пухом вей,
Кружи — белодыханно над землёй, но —
Прошу, не разбуди любви моей —
Мертворождённой.

Про принца

Снова моё детство расцвело
Золотым, лазурным и багровым.
Сквозь весны волшебное стекло
Вижу всё таинственным и новым.
Как он бился с тёмною грозой
С неизменной рыцарской отвагой —
Пыльный плащ вздымался над землёй,
Скрещивались молнии со шпагой!

Море — цвета васильковой ржи,
Старых кровель спящие вулканы —
Маленького счастья миражи
В королевстве добрых великанов.
Принца нет уже давным-давно,
Он погиб, кого-то согревая,
Детства нет, растаяло оно,
Мне рукою весело махая.

Тополь... Благородный рыцарь мой
В шляпе изумрудно-серебристой.
Помню, как окутывал волной
Дух его — дурманяще-смолистый.
Но порою расцветают сны —
Жив мой принц, я вновь его принцесса,
В тишине нетронутого леса
Вечно юной сказочной страны.

Белые сны

Бродят за окнами белые звери,
Трутся рогами о мерзлые двери —
Мне не уснуть...
Конь по карнизам гуляет игриво,
Звезды роняя из спутанной гривы
В белую муть.

С посвистом нежным сползаются змеи,
Тонко вплетают в узоры аллеи
Белую вязь.
В пенных сугробах застыли дельфины,
Луч заплутавший играет на спинах,
Весь золотясь...

Белые рыбки трепещут за шторой...
Льдиной, доплывшей до тёплого моря,
Тает кровать.
Тихо за окнами, белые звери
Дремлют, прижавшись к заснеженной двери.
Хочется спать...

АНАТОЛИЙ СКОРОБОГАТОВ

Рождение

РАССКАЗ

Ни один ребёнок на свете не помнит то чудо-мгновение, когда, родившись, закричал, заплакал, когда впервые прикоснулся к соску матери. Но вдруг таинственно, иногда уже в зрелом возрасте, приходят минуты яркие, сверхчувствительные, и кажется: явственно помнишь, зришь своё рождение как девственное созерцание мира сего.

Мой мир рождения открылся. Прекрасно! Я будто бы внезапно оказался в центре большой деревенской ограды, залитой солнечным светом. Мы с сестрёнкой-двойняшкой бегали по светло-светлой лужайке во дворе. Что-то стукнуло, брякнуло за воротами — большими, высокими, деревянными, с огромной оглоблей-задвижкой посередине, — и мы с Нинкой бежим к своей ненаглядной маленькой, ссутулившейся бабе Дуне: «Молёные мои, не бойтесь, это соседка Ятлеха постучала».

Над оградой — голубое-голубое небо, чистый-чистый воздух и огромные, но далёкие, белые, как вата, облака. В ограде много белых, с ярко-красными гребнями куриц вокруг подбоченившегося, с золотисто-коричневым отливом, петуха. В следующий миг я созерцаю голубые резные ставни на фоне тёмных брёвен «в

СКОРОБОГАТОВ Анатолий Филиппович — поэт, прозаик. Родился в 1945 г. в пос. Китой. Окончил Иркутский медицинский институт. В течение 46 лет работал врачом в Ангарской городской больнице № 1. Активный член Ангарского литературного объединения. Публиковался в коллективных сборниках, альманахе «Белая радуга». Автор книги рассказов «Вечная радость». Живёт в Ангарске.

лапу» срубленного дома. А из-под сеней смотрит на нас умная, ушастая и лохматая голова Шарика. И всё это — перевозданно, свежо и ярко, и так чисто, и так необычно, что тогда-то я, замороженный всем этим дивным миром, навсегда ощутил Бога, его ласку и любовь. Это и есть рождение созерцанием!

Папка с мамой были на работе, но мы с Ниной уже ощущали дыхание и реки, и лесозавода, и запах опилок, которые принесут они с работы на одежде. Слышали и пение птиц, поразившее какой-то невообразимой слаженностью, временами то быстрым, то затяжным пересвистом. Мир нам улыбался, мир нас принял, мы ему были нужны, и он тоже был нужен нам, двум ослабленным послевоенным детям. Лето — в разгаре, очень жаркое лето 1949 года.

Тут раздался протяжный, тревожный, слегка басистый гудок над посёлком. Баба Дуня протянула к нам свои натруженные морщинистые руки и сказала:

— Изза́боль¹ обед уже, — и повела нас за ограду, на огород. А там, среди утопающих в зелени грядок, на полянке, прямо на траве, стояла железная печка, обложенная с боков красными кирпичами. Из невысокой трубы нехотя выходил дымок и как-то по-особому стлался на кусты картошки, шиповника, на межу, и синеватым туманом зависал на заборе. И вот сквозь дымку, исходящую от печки, показались они. Впервые осознав и запечатлев образ отца и матери, я всё не перестаю радоваться: как хорошо, что именно их мы и должны были увидеть тогда!

Отец — высокий, сильный, жилистый, с крестьянской мягкой походкой, а она, любимая его Феня — светловолосая Дюймовочка в ситцевом, синем горошком, платочке. Баба разливает борщ... Дощатый стол, строганные лавки, лето, мы, и мир, и вечность!

А потом мы с бабой Дуней идём среди кустов жимолости за огородом. Впереди перед нами — большущий луг со множеством полевых цветов: жарков и ромашек, синих-синих колокольчиков, а ближе к насыпи — раскидистые кусты отцветшего багульника.

Показался Китой. Он катит свои прибитые желтоватые, но прозрачные и холодные воды аж с самих Саян, перепрыгивая камушки на перекатах да шиверах, а то вдруг просветлеет и расширится, предчувствуя дыхание и близость красавицы-Ангары.

И небо! Опять над нами огромное голубое небо и воздух, прохладой манящий, и облака, белые, лебединые.

В доме пахнет хлебом, парным молоком. О, это не фантазия! Это наши мгновения, мы ими жили, ощущали их как тихую постоянную радость. Да не весть ли это нам свыше? Можно ли после этого сохранившегося в памяти впечатления-воспоминания усомниться в том, был ли я когда-то ближе к Создателю?! А не был ли я в раю?

Послышался пронзительный свист паровоза. Впереди — огромный и страшный для нас, детей, железнодорожный мост. Он выгнулся над речкой, ощетинился своими стальными рёбрами. Стук огромных вагонных колёс — и мы улетаем из рая. Мы — в лапах всемогущего, всепугающего, всеубивающего монстра Земли. А душа? Она — там, среди белых облаков, светло-светлых лужаек и полевых цветов. Она в детство сбежала, где начало начал. Да это где же?

Там, где на зорьке ноги босые в росе, где над речкой изогнулась радуга, и уж нет стального чудовища, а есть радуга на полнеба, связавшая два мира, прошлое и будущее. И мы опять зрим божественную премудрость, развернувшуюся здесь,

¹Иза́боль (сиб.) — в самом деле.

на земле, через небеса. И чем чаще осознаём мы её, тем спокойнее, радостнее нам, и тем ближе мы к мысли, что просто обязаны, но по воле своей, когда-нибудь вернуться к своему рождению и с непостижимым для нас таинством перейти к созерцанию вечности.

А этот земной, очень желанный человеком рай, этот миг, а может, мгновения без веры, без Господа нашего, опять упадёт в беспмятство, в который раз сгорит в утробе прогресса, оставив в умах и деяниях лишь ложь. А ложь, как у поэта: если раздеть, не отличишь от мучительно желаемой правды.

О! Нет, нет и нет! Моя душа — опять в поднебесье. Я вновь сознаю и созерцаю, что снова в центре большой деревенской ограды, залитой солнечным светом, бегу по росистой дорожке к светло-светлой лужайке, где резные голубые ставни, палисадник с кустом белой, в цвету, черёмухи, а на улице много курносых краснощёких детишек. В играх, звоне и веселье они слились в сплошной рыжий ком. О! Сколько радости! Да ведь это благодать на них сошла, это у них день осознания, у них день рождения через созерцание.

ПОЭЗИЯ

ОЛЬГА ПРЕЛОВСКАЯ

«Дышит чувство, как стихотворенье...»

* * *

Спасибо, осень,
за бабье лето,
ведь мы уносим,
теплом согреты,
надежду встречи
пернатых с юга...
Ещё не вечер!
Не вечна вьюга!
Спасибо, осень,
за эту старость:
немножко всё же
деньков осталось
на благодарность
и причащение,
и за бездарность стихов —
прощенье.

ПРЕЛОВСКАЯ Ольга Григорьевна родилась в 1949 г. в Ирбите Свердловской области. Окончила Иркутский педагогический институт. Работала учителем русского языка. Публиковалась в газете «Сельская новь», коллективных сборниках. Автор поэтического сборника «На краю». Живёт в с. Тагна Заларинского района Иркутской области.

Болезнь

Налетела, оттрепала,	А наносное, сухое —
Сердце ознобила...	Всё к земле прибила...
Как гроза, болезнь настала,	Невесёлая картинка!
Душу просветила.	Но душа проснулась
Всё дурное и гнилое	И, как мокрая травинка,
Шумным ливнем смыла,	К солнцу потянулась.

Нет сигнала!

«Нет сигнала!» — так в жизни бывает.
Вдруг тебя тишина обступает.
Неизвестность... На сердце тревожно,
И тоскует душа безнадежно,
Словно узник в темнице тюремной...
В невесомости околоземной
Нет опоры!
Нет силы!
Нет слова!
...Только жизнь начинается снова,
Коль лампада затеплится кротко:
Станет маленьким страх,
ночь — короткой.
Свет зари маяком загорится...
Кто-то в двери мои постучится...

Осень

За окном такая красота!
Осень, как искусный косметолог,
Рощу приукрасила, и та
Не грустит, что век её не долог.

Приумолкла быстрая река,
Отражая небо с облаками.
Обнимают небо берега,
В небе дремлют лодки с рыбаками.

Полыхает роцца. Не дыша,
Сердце теплотою согревая,
К небу устремляется душа,
Всё вокруг себя благословляя.

Вот и мне б так научиться жить,
Перехода к Богу поджидая,
Чтобы тех, кто завистью страдает,
Теплотою сердца оживить.

Наказ дочкам

Держите спинку, доченьки,
За партой и в строю,
В метель, весенней ноченькой,
В аду или в раю.

Держите спинку, милые,
Настанут дни потерь,

И, стоя над могилами,
Держитесь попрямей.

Держитесь в снежной замяти:
Так тяжело быть одной!

Пусть спинка в чьей-то памяти
Останется прямой.

Сияние России

Словно именинницы,
Вспыхнули осины.
Мать-земля, кормилица,
За плоды спасибо!

Возмужали птенчики,
Встали на крыло,
На закате вечером
На душе светло.

Двух рябинок профили —
Пламенем на сердце.
Горький дым картофельный
Сладко пахнет детством.

Можно лишь в России мне
Обрести такое —
В золотом осиннике
Солнце золотое...

* * *

Всё рассказать о себе кто бы смог?
Скомкать ли жизнь в бумажный комок?
Служба, учёба, обиды, раздоры —
Всё замелькает бессмысленным сором.

Что же в остатке? Осталась душа,
Дружбой, любовью, стихами дыша,

Жаждет подруги, сестры или брата,
А не удобства, квартиры и злата.

Хочешь с душою моей породниться?
Так загляни на любую страницу,
Можешь читать, хоть с конца, хоть с начала —
Это и будет дружбы начало.

Итоги

Подвожу итоги каждый вечер:
— Вновь и вновь грешешь, моя душа!
Знаю, что ты любишь слушать вечно
Дифирамбы, как ты хороша.

Не дождёшься, дорогая! Вспомни:
Ты, как рыба, открывала рот
На молитве. Если сердце сонно,
То молитва к Богу не дойдёт!

У знакомых видя все изьяны,
Осуждаешь, про себя любя,

Ты, как у Крылова обезьяна,
В зеркале не узнаёшь себя!

Умоляя «Господи, помилуй!»,
Милостью осыпала ль кого?
И, мечтая Богом быть любимой,
Любишь ли ты брата своего?

Стыдно стало, милая? Ну, ладно!
С завтрашнего дня блюди себя!
Помни, что я буду беспощадно
Разбирать по полочкам тебя...

К празднику

...Омыеши мя —
и паче снега убелюся...

(Псалом 50)

Усердно белила	Повсюду — порядок,
Хозяйка-зима,	Покой, торжество.
От грязи отмыла	Готовы наряды
Поля и дома.	Встречать Рождество.

Снежок накрахмален,	А в доме убогом
Обновкой скрипит.	Лампадка горит,
Реки зазеркалье	С молитвою Богу
На солнце слепит.	Душа предстоит.

Леса и подлески	Как снег, убелится
Стоят в кружевах.	Она и, чиста,
И дом деревенский —	С природой сроднится
В богатых мехах.	К рожденью Христа.

Письма

До слёз мне жаль эпистолярный жанр,
Ведь в письмах остановлены мгновенья.
Горит в них, не сгорая, сердца жар,
И дышит чувство, как стихотворенье.

Давно ушёл отец мой в мир иной,
Но в старых письмах задержалась нежность
К своей жене — единственной, родной, —
О как мне греет душу эта верность!

А мама стынет от моих обид.
Как страшно: вдруг продлится это вечно?!
И совесть беспощадно говорит:
Пред Богом за обиды я отвечу.

И слёзы покаяния бегут,
Вмиг растопив заторы равнодушья...
Как в летний дождь растенья оживут,
Так и от слёз прозреют наши души.

Как жаль, что фотографии молчат,
Что видео не видит наши мысли,
И что не пишем мы для наших чад
Ни строчки, чтоб помочь им
жизнь осмыслить!

Разбор по составу

Слово со-весть — это весть,
Весть от Бога, что Он есть.
И душа, какая есть,
Ясно слышит эту весть.

В сло-ве — сло от слова слать,
Пи-во тоже ведь — от пить,
Слово может исцелять,
Но, как видим, и убить.

Слово — это Бог и Спас,
В мире посланный спасти
Грешных и заблудших нас,
К Богу путь помочь найти.

Неизвестный Распутин

АЛЕКСАНДР КОРОЛЬКОВ

Валентин Распутин и иеромонах Роман

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ К РАССКАЗУ «В БОЛЬНИЦЕ»

Казалось бы, всего несколько абзацев, венчающих рассказ Валентина Распутина «В больнице», могли быть не замечены читателями, но произошло иначе, ибо время было такое, когда имя и творчество Распутина поддерживало соборную традицию русского народа, когда появление новой его повести или даже рассказа становилось духовным событием для читателей.

Вряд ли можно было встретить в отвергнутой временем стране сколько-нибудь образованного человека, который не прочитал бы в журнальном или книжном варианте повестей Распутина «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», «Деньги для Марии», «Последний срок», «Пожар», или рассказов «Уроки французского», «Василий и Василиса», «В ту же землю», «Нежданно-негаданно», «Что передать вороне», «Век живи — век люби»... Всего и не перечислить. Хотя по меркам многолетних писателей Распутин написал немного, но каждая вещь этого «немногого» — жемчужина русской литературы. Не были прощальным преувеличением слова Патриарха Московского и всея Руси Кирилла о том, что ушел великий писатель — сказаны они были на панихиде в храме Христа Спасителя.

Совсем недавно это происходило не только по историческим меркам, но по меркам индивидуальной человеческой жизни — повсеместно знали, любили, читали и перечитывали все распутинское, все, что удавалось найти в библиотеках, в книжных магазинах. Проза, публицистика Валентина Распутина поддерживали духовное здоровье России всю вторую половину XX столетия, и неудивительно, что Распутин открыл для себя и читателей более молодого собрата по духовным устремлениям — иеромонаха Романа.

Последнее десятилетие жизни Распутина переполнено испытаниями — гибель любимой дочери Марии в иркутской авиакатастрофе 9 июля 2006 года, тяжелая болезнь жены Светланы и ее кончина в мае 2012 года, череда его собственных болезней. В самые сложные дни жизни обменялись письмами взаимной поддержки иеромонах Роман и Валентин Распутин. «На письмо о. Романа я ответил сразу же, но и ему тяжело далось его небольшое письмо, и мне мое тоже» (из письма В. Распутина А. Королькову 25.10.06, Иркутск). Будем надеяться, что придет пора, когда отец Роман сочтет возможным частично или полностью познакомить читателей с этой перепиской.

Первая публикация рассказа «В больнице» появилась в № 4 журнала «Наш современник» за 1995 год. Трудно восстановить в памяти очередность событий — узнал ли я об иеромонахе Романа из рассказа «В больнице» или из прозвучавшей

где-то записи, в тот период иногда можно было услышать его песнопения по ленинградскому радио. Хотя и труднодоступны, но все-таки уже были выпущены две грампластинки (1991 и 1993 г.), одну из них, «Теплится лампада, свет свечи веселой», отец Роман подарил мне 23 мая 1996 года в скиту Ветрово, в этом не ошибиться, поскольку есть дарственная надпись. Скорее всего, это и был день моего первого паломничества в скит и день знакомства. По-видимому, при первой встрече возник разговор о рассказе «В больнице», тогда же, узнав о подготовке большого сборника стихов иеромонаха Романа, я спросил, не станет ли он возражать, если я попрошу Распутина о предисловии к сборнику. Распутин, несмотря на занятость, быстро откликнулся на просьбу. Так в 1997 г. впервые появилось его емкое, прекрасное предисловие к сборнику «Внимая Божьему веленью», впоследствии неоднократно воспроизводимое не только в переизданиях этого сборника, но и в одном из томиков избранных стихов иеромонаха Романа издательства «Амфора».

Но вернемся к рассказу Валентина Распутина. Это тот редкий для творчества писателя случай, когда рассказ настолько автобиографичен, что сохранены даже история болезни и операции, которые пережил писатель, и передано его личное потрясение от неожиданно услышанной во дворе больницы магнитофонной записи песни иеромонаха Романа и непреодолимое желание услышать еще и еще его песнопения. Своего рода эпилог рассказа, подводящий итог всем спорам с соседом по больничной палате о русской судьбе, выражен крохотным абзацем: «Полгода потом Алексей Петрович (понятно, что в художественном рассказе, даже отчасти автобиографическом, имя главного персонажа вовсе не тождественно имени писателя. — *А. К.*) будет искать эту песню, спрашивая в кругу, где могли ее знать, пока однажды вовсе не молодой человек, сверстник Алексея Петровича, не расскажет ему о монахе Псково-Печерского монастыря Романе, который сложил и эту песню, а вместе с нею и многие другие для попечения о запущенной русской душе»... «Для попечения о запущенной русской душе» — такие афористически меткие слова мог найти только писатель, способный извлечь их из полузабытой сокровищницы русского языка. Будем надеяться, что эти слова найдут отклик в душах, способных пробуждаться к духовной жизни.

В письмах Распутин всегда расспрашивал об отце Романе, светлой радостью пронизаны строки о нем. «Саша, не попадалась ли тебе книга архимандрита Тихона (Шевкунова) из Сретенского монастыря. Называется она «Несвятые святые». Ее сейчас читают очень многие, и не напрасно. Там же в конце книги об отце Александре — Романе, нашем песнопевце, которого мы до сих пор так любим и почитаем» (из письма В. Распутина А. Королькову 17.12.2011, Москва). Как-то в предисловии к одной из книг иеромонаха Романа процитировал я, согласовав с Распутиным, строки из другого письма, где были приведены слова, приписанные, по небрежности редактора, не тому владыке, которому они в действительности принадлежали. Исправляя эту досадную опisku, приведу фрагмент письма полностью: «Был у меня на днях архиепископ Белгородский, владыка Иоанн, наш земляк, выходец из Иркутска. Зашла речь об иеромонахе Романе и о его недуге (речь идет о тех годах, когда отец Роман не слышал и не говорил — *А. К.*). Владыка был решителен: случившееся с батюшкой дано ему не в наказание, а во спасение, для большего самоуглубления и защиты от суетной славы. Он считает, что о. Роман своими песнями привел к крещению десятки, может быть, сотни тысяч людей, и

он не может быть оставлен, его ведет особая милость» (из письма В. Распутина А. Королькову, 07.07.2002, Иркутск).

В России всегда колокольный звон одного храма подхватывался колоколами другого храма, и вместе они возвещали о чем-то значительном — радостно-праздничном или тревожно-трагическом. Валентин Григорьевич Распутин слышал «бом-бом» иеромонаха Романа и передал набат своим читателям, которые понесли небесные звуки от души к душе по всей России и дальше — в безмерность православного мира.

Декабрь, 2016

Ссылка на источник, сайт Ветрово: <https://vetrovo.ru/about/korolkov-rasputin/>

Вселенная Валентина Распутина

ЭССЕ

...крепость такой духовной кладки

В. Распутин «На Афоне»

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

Несостоявшаяся встреча

Трезво сознавая, что осмысление жизни и творчества Валентина Распутина намного превосходит мои слабые силы, я всё же, в том числе и поддавшись на уговоры, взялся за эту рискованную работу. Почему? — ответ отчасти может содержаться в четверостишии известного поэта-фронтовика:

*И хочется, как чару к чаре,
К его плечу подать плечо,
И от родства, и от печали,
Бог знает, отчего ещё.*

В моём случае, наверное, от духовного родства, от нашего несметного русского богатства, но и от обездоленности тоже. И ничего, что Валентина Григорьевича нет с нами уже восемь земных лет, духовное общение и беседы — глаза в глаза — продолжаются, ведь, как известно, «у Бога нет мёртвых, у Бога все живы»...

Моему поколению, благоговееющему перед «живыми» писателями и роняющему пот со лба при встрече с ними, как когда-то Есенин перед Блоком, свойственно было видеть в них едва ли не богов во плоти; сейчас такого нет, может, потому нет и, как многие считают, большой литературы, к тому же, всё идёт так, как почти двести лет тому назад предвидел Евгений Боратынский в стихотворении «Последний поэт»:

*Век шествует путём своим железным;
В сердцах корысть и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчётливей, бесстыдней занята.*

У меня было две почти встречи с Валентином Распутиным, расскажу о первой.

В то время я литературу прочно забросил, считая, что есть занятия более важные, но происходящим в литературном мире интересовался. Конечно, ни о какой встрече с Распутиным тогда я не помышлял.

И вот однажды, ближе к зиме (помню снег густой, почти метель) где-то, наверное, в начале десятых, вздумалось мне отлучиться со службы, может, за водкой, а это было чревато. И вот я в своём старом бушлате (донашиваю до дыр и лохмотьев старые вещи), огибая стены Даниловского монастыря, направился к ближайшей «точке». Не успел перейти трамвайные линии, как у начала монастырских стен увидел... Распутину. Я так понял, что он спрашивал у случайных прохожих, как ему найти гостиницу Даниловского монастыря. «Вот он, шанс, — подумал я, — сейчас его в гостиницу отведу, а по дороге и побеседую».

Но не тут-то было! Живого классика у меня из-под носа похитили какие-то узнавшие его расторопные богомолки. Конечно, я был огорчён, но утешил себя тем, что Бог знает, кому, когда, что и сколько давать.

Была у меня с ним и вторая встреча в марте 2015 года, но эта встреча была уже совсем печальная.

Печальник земли русской

...И внял я неба содроганье
И горний ангелов полёт...
И дольней лозы прозябанье...

А. Пушкин

В Библии рассказывается о том, как Господь явился пророку Илии — не в землетрясении, не в громе и молнии, не в урагане, а в веянии тихого ветра. К чему это я? — к тому, что человек создан по образу и подобию Божию и несёт в себе, если их сам не отторгает, все светлые божественные свойства Творца. Так и тишайший Валентин Распутин, сидящий в самом дальнем уголке на писательских секретариатах, уступающий дорогу в коридорах всем, идущим ему навстречу, заботливо опекающий своих младших литературных собратьев (здесь уместно вспомнить человека непростой судьбы бывшего детдомовца Эдуарда Анашкина, его пронзительно достоверную книгу «В.Г. Распутин. Документальная повесть о нашей дружбе»), мог явить и противоположное мягкости и тихости качество — бескомпромиссную твёрдость. В 1990 году он подписал «Письмо писателей России», в июле 1991 «Слово к народу», в 2001 «Остановить реформы смерти». А мы ведь хорошо помним эти времена, помним, с какой ужасающей частотой, непонятно как, из окон правительственных зданий один за одним вылетали ответственные работники ЦК. Думаю, Распутин вполне осознавал свою такую возможную перспективу, но это его не останавливало, и, наверное, всё же хранил Господь избранных своих. Более того, с трибуны съезда он заявил: «Сегодня мы живём в оккупированной стране, в этом не может быть никакого сомнения. То, чего врагам нашего Отечества не удалось добиться на полях сражений, предательски совершилось под видом демократических реформ... Чужие голоса в средствах массовой информации, чужая любовь и чужая архитектура городов и посёлков — всё почти чужое, и если что позволяется своё, то в скудных нормах оккупационного режима...»

Вдумчивый и серьёзный исследователь феномена уже советской крестьянской России, а значит и её виднейшего представителя писателя Валентина Распутина, Николай Дорошенко в своей статье «Распутин: русская душа и русский характер» пишет: «В своём инстинкте возрождения порушенная революцией и двумя мировыми войнами Россия открыла миру свои уже самые последние, свои самые потаённые, тысячу лет невидимые и неслышные человеческие хранилища — крестьянские». Действительно так, но существует и настоятельно требует ответа вопрос по Есенину: «куда несёт нас рок событий». Одну, предельно печальную, а, может, и безвыходную перспективу рисует нам невинно убиенный талантливый поэт Николай Мельников в переворачивающем душу стихотворении «Поставьте памятник деревне»:

*Поставьте памятник деревне,
Чтоб показать хотя бы раз
То, как покорно, как безгневно
Деревня ждёт свой смертный час...*

*Ломали кости, рвали жилы,
Но ни протестов, ни борьбы,
Одно лишь «Господи помилуй!»
И вера в праведность судьбы.*

Сложно, очень сложно писать о творчестве Валентина Распутина, глаза разбегаются, глядя на всё это литературное великолепие, и трудно остановить свой взгляд на чём-то одном. Но, пожалуй, начну с этапов его творческого пути. Первая книга Валентина Распутина «Край возле самого неба» (уже чувствуется, может, ещё не вполне явленная, духовная направленность писательского взгляда, не правда ли?) вышла в Иркутске в 1966 году.

В 1967 году в Красноярске была издана книга «Человек с этого света». В том же году повесть «Деньги для Марии» была опубликована в иркутском альманахе «Ангара», а в следующем году вышла отдельной книгой в московском издательстве «Молодая гвардия». Далее у Распутина пошли вещи, которые можно смело назвать литературной классикой: «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матёрой» (1976), «Пожар» (1985), «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003). В этот список я бы безоговорочно внёс и напечатанный в «Роман-журнале 21 век» №2 за 2005 год очерк? эссе? Валентина Распутина «На Афоне»; думаю, что эта монашеская христианская святыня, таившаяся в его груди, и есть явленная миру вершина его творчества...

Валентин Распутин с первых своих вещей зарекомендовал себя не только как безукоризненный стилист, но и как тончайший психолог, от взгляда которого не может укрыться ни малейшее душевное движение его героев. Так, в своём коротком рассказе «Что передать вороне?» он с толстовской достоверностью описывает тонкий и хрупкий внутренний мир своей пятилетней дочки: «Я... забежал на исходе дня в детский сад за дочерью. Дочь мне очень обрадовалась. Она спускалась по лестнице и, увидев меня, вся встrepенулась, обмерла, вцепившись ручонкой в поручень, но то была моя дочь: она не рванулась ко мне, не заторопилась, а быстро овладев собой, с нарочитой сдержанностью и неторопливостью подошла и нехотя дала себя обнять. В ней выказывался характер, но я-то видел сквозь этот врождённый, но не затвердевший ещё характер, каких усилий ей стоит сдерживаться и не кинуться мне на шею»... Известный критик Владимир Бондаренко так сказал об этом рассказе: «Я вспоминаю изумительный гениальный рассказ Валентина Распутина 1981 года «Что передать вороне?». Об их взаимоотношениях с дочкой. Это рассказ о самых нежных, откровенных и чрезвычайно хрупких человеческих связях между любимыми людьми. О безграничном доверии пятилетней дочурки к отцу, доверии, которое ни за что нельзя нарушать. Иначе нечего будет передать вороне»...

*Всё живое особой метой
Отмечается с ранних пор —*

Писал наш великий национальный лирик Сергей Есенин.

Отмечается, зачастую оставляя после себя на сердце глубокие шрамы и рубцы, добавлю я уже от себя. О чём и о ком это я? Я — об «Уроках французско-

го». Также и о блестящей работе режиссёра Евгения Ташкова, о поразительной пронзительной игре актёра-детдомовца Михаила Егорова, игравшего одиннадцатилетнего Володю, в котором угадывается сам юный многострадальный Валентин Распутин. Свойство писательского таланта Распутина таково, что ему лучше всего удаются герои, стоящие на противоположных возрастных полюсах: дети и старики, скажем так: юная дочка писателя и старуха Дарья. Мы уже говорили о прямом и непростом характере его пятилетней героини (ох, и набьёт такая себе шишек в жизни!), теперь поговорим о Володе, герое «Уроков французского». Да, Россия, по слову Н. Дорошенко, открыла свои самые потаённые хранилища — крестьянские, но откуда в мире простонародья оказалось столько зла, столько братоненавидения! Володю-то, по-хорошему, надо было всячески опекать и поддерживать, как это делают со своими наши старшие «братья», а его одноклассники чуть ли не сжигают со света. Хорошо, рядом добрая учительница оказалась. Кстати, они встретились, когда Распутин стал уже известным писателем, и их дружба продолжалась до самой кончины его учительницы Лидии Михайловны. Однажды Валентина Распутина в интервью спросили: «В «Уроках французского» есть фраза, которую нельзя не запомнить: «Откуда мне было знать, что никогда и никому не прощало, если он в своём деле вырывается вперёд? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всего ненавидит его тот, кто идёт за ним следом». Вы и сейчас так считаете?» Распутин ответил: конечно, это зависть. Она всегда была и есть... Завистников и недоброжелателей у Распутина хватало с избытком, но поделаться с великим писателем они ничего не могли: солнце ладошкой не закроешь.

На вопрос, есть ли у него среди его произведений любимые, писатель ответил, что есть: это «Уроки французского» и «Прощание с Матёрой»...

На Афоне

Великий наш пророк и духовидец Фёдор Михайлович Достоевский как-то сказал, что русский человек без православия — дрянь, а не человек. Православие, конечно, ноша тяжёлая и, по земному рассуждению, неприбыльная: надо отдавать и жертвовать, ничего не требуя взамен. Но и это не всё: надо духовно совершенствоваться, нельзя стоять на месте, необходимо грести против течения, ибо встречный поток далеко отбросит тебя назад. Эту истину как никто другой понимал наш человеколюбивый поэт-философ Николай Заболоцкий:

*Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь.*

Глубокие воды небурливы, течение их спокойно, но глубина их обманчивой глади такова, что и опытному ныряльщику с трудом достать дно.

Такой тихой русской рекой, погружённой в саму себя, а, может даже, тайным монахом в миру мне всегда представлялся Валентин Распутин, когда я видел его на экране телевизора.

Верно ведь сказано его многолетним другом Эдуардом Анашкиным, что внешне Распутин был замкнут и немногословен, а становился самим собой лишь за письменным столом, в уединении.

И, думаю, его влекло зреющее и требующее исполнения подспудное духовное желание, некогда владевшее Пушкиным:

Монастырь на Казбеке

Высоко над семьёю гор,
Казбек, твой царственный шатёр
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный над горами.

Далёкий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

В отличие от «невыездного» Пушкина, выездному Распутину удалось побывать в своём «Монастыре на Казбеке» — на святом Афоне. Валентин Распутин пишет, что многие из русских писателей — Гоголь, Тургенев, Лесков, Достоевский — в своём творчестве обращались к этому вселенскому православному святилищу, а Борис Зайцев, приехавший туда из Франции в 1927 году, написал об Афоне блестящий очерк; писатель-изгнанник как бы заново здесь обрёл свою потерянную Родину. Почему я считаю «На Афоне» Распутина выдающимся художественным явлением? — потому что в нём в дивной глубине и простоте из самого сердца, истосковавшегося по настоящей, суровой и спасительной благодати, вырвались в классической сдержанности и строгости слова благодарения Творцу за то, что «сподобил увидеть отблеск рая», как сказал в своём стихотворении предподобный Варсонофий Оптинский.

«Только Бог и исчезновение в Боге — так издавна обозначено здешнее служение; на жизнь смотреть сквозь смерть — такова заповедь аскетизма. Полное самоотречение, неусыпная молитва, особый «замок» в себе, недоступный для искушений...» — так видит писатель смысл и содержание жизни афонских подвижников... «На жизнь смотреть сквозь смерть», сквозь земную, я бы сказал, брэнность, — разве не об этом главная потаённая суть его творчества. Вспоминает Распутин среди других подвигающихся и год прожившего среди афонской братии знаменитого философа Константина Леонтьева, но так и не постриженного в монахи. Но кому ведомы пути Господни? — Константин Леонтьев с монашеским именем Климент был пострижен в Сергиевом посаде, где вскоре после своего духовного наставника Амвросия Оптинского, в 1891 году он и скончался.

Валентин Распутин — не оттого ли, что всё это родное, — мягкими красками, словно бы вполголоса передаёт атмосферу храма, где идёт служба:

«Храм в полутьме курится свечами, тускло блестит золото икон, едва слышно пробираются к стасидиям припозднившиеся, шелест общего движения, когда соступают со стасидий и снова занимают свои места. Случаются дремлющие монахи, измождённые недосыпанием. Грех невелик, тяжело монашеское тягло, да ещё в Великий пост».

Писатель видит и слышит всё, происходящее в храме, видит, как монахи соскальзывали со стасидий и распластывались на полу. И себя видит он словно со стороны: «Я повторял их движения слепо и неловко, опаздывая, громко стуча коленками. Но это продолжалось недолго, служба как бы отыскала меня, подхвати-

ла, помогая узнавать и понимать все её движения, стало легко и радостно, нахлынул восторг, что наконец-то я здесь, куда нельзя было не приехать».

Главная святыня Афона — Иверская икона Божьей Матери, и Валентин Распутин о встрече с ней обязательно расскажет, а пока послушаем его рассказ об «угольном» образе Спаса: «В соборе Покрова Богородицы показали нам совершенно потемневший «угольный» образ Спаса. Он почернел в неделю в июле 1918 года, когда в Екатеринбурге была зверски уничтожена царская семья. Известие об этом злодеянии дошло до Афона позже, а тогда, ничего не понимая и пугаясь, пытались очистить, проявить нерукотворный образ Спасителя на иконе — нет, в безысходной скорби он так и остался навсегда тёмным».

Даже, казалось бы, бесчувственное дерево почернело, а что сердца человеческие, созданные сострадать? Валентин Распутин делится своими нынешними монастырскими впечатлениями и раздумьями: «В коридоре ни звука. Неужели там, откуда мы приехали, в больших городах огромной несчастной страны, в городах, превратившихся в скопище зла, продолжают сейчас визжать и кричать перед экранами, изощряться в пошлости и бесстыдстве, лезть грязными руками и словами в душу, зазывать в бесконечные игры и викторины с призами... Нет-нет, ничего больше нет и не будет. Так хорошо!» ...Так неспешно, хотя и было у них всего три дня, наши герои, — а кроме Валентина Распутина в группе ещё были искусствовед и реставратор Савва Ямщиков и оператор Анатолий Пантелеев, — предстали перед чудотворной иконой Иверской Божьей Матери, написанной, по преданию, евангелистом Лукой. Далее дадим слово Распутину, он необыкновенно красноречив:

«В храме тишина, сумрак, кроме нас никого. Монах, сопроводивший нас и показавший ранку на образе, след от удара копьём, вышел, чтобы не мешать нам отдаваться чувствам. Это даже и не чувства, а до жути сладкое и восторженное проникновение (попытка проникновения) вглубь тайны тех времён, когда мир чудесно освятился новыми знаменами и с радостью шёл во имя их на любые страдания. И как не полчаса ли не находили мы сил, чтобы оторваться от образа, одно ликозрение которого, одно прикосновение к нему можно считать за чудо. О, Мать Божия, игуменья Афонская, не остави нас, ступивших в Твой Предел, своею милостью».

Всем известна история обретения чудотворного образа; страх преступного, ударившего копьём икону Варвара, кровь, выступившая на иконе после удара, множество спасительных чудес, коим нет числа. Следует сказать, что при царе Алексее Михайловиче был сделан и доставлен на Русь «список» Иверской, помещённый в Новоспасский монастырь и тоже прославленный многими чудесами. Божья Мать во времена испытаний и турецких нашествий на святой Афон говорила падающим духом: «Пока моя икона будет находиться в Иверском монастыре, ничего не бойтесь... А когда изыду из Иверского монастыря, тогда каждый да берёт свою торбу и грядет куда знает».

Валентин Распутин приводит пример того, как Божья Мать устрасила турок, требовавших у оставшейся братии драгоценности с её иконы.

«Берите сами, — отвечали монахи — берите сами, если не бойтесь. Вон сколько на нашей Матушке-Игуменье богатства: и золота, и серебра и драгоценных камней! Если вам угодно — снимайте». Но турки топтались в дверях церкви и не смели: «Мы не можем к ней подступить: вон как она на нас сердито смотрит!»

...Своей необыкновенной духовной глубины очерк, написанный в марте 2004 года (а это всегда время Великого поста), Валентин Распутин завершает словами: «...А на Афоне покой и мир; если даже занялась там тревога, она не видна.

Подхватываясь из храма в храм, неземными голосами звучат песнопения, коим внимает небо; грубых слов и неправды нет и в помине, усердие не имеет иного назначения, кроме благого; святой дух расстилается по лесам и травам...» Таков он, наш «деревенский» писатель Валентин Распутин, писатель космически-все-ленский, чьё творчество фимиамом восходит к подножию престола Божия.

Многими скорбями... Последняя встреча

Святитель Игнатий Брянчанинов так объясняет причину скорбей и болезней, находящихся на человека: «Господь посылает верующим в Него многие испытания, чтобы сими испытаниями они более утверждались в вере и в том, как близок Господь ко всем призывающим его». «Легко тебе говорить, наслаждаясь здоровьем, — скажут мне критики, — а ты вот сам возьми и пострадай». «Не таким уж и здоровьем, — отвечаю я им, — а потом я говорю не от себя, а от апостольских «Деяний»: многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие (14, 22)». К тому же в нашем церковном народе существует твёрдая убеждённость, что не наложит Господь на человека креста, превосходящего его силы. Какое отношение имеет вышесказанное к Валентину Распутину? — самое прямое, ибо последние годы его жизни были сущим мученичеством. Эдуард Анашкин в своей, уже упоминавшейся книге о дружбе с Распутиным, подступая к описанию недалёких уже бедствий, грядущих на его великого друга, приводит такие слова Виктора Астафьева, сказанные ещё в 2001 году: «Ему как-то трудно всегда давалась и даётся жизнь, а вот старость накатывает с такими бедами». Беды, драмы, трагедии, житейская и человеческая неустроенность — неужели нет другого жизненного пути для русского писателя? Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, даже достигший возраста патриарха Лев Толстой — кто из них счастлив был вполне в земной жизни? Не ради же красного словца знающий цену слова Пушкин в состоянии, близком к отчаянию, написал:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана!*

или другое:

*И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаяю.*

Железную руку судьбы или провидения в полной мере испытал и Валентин Распутин. Так, второй сын Распутиных — Роман в детстве умер от пневмонии, надо ли описывать всю глубину горя молодых родителей! Сам Валентин Григорьевич, только начавший выходить на большую литературную орбиту, был так зверски избит на улице какими-то подонками (пробита голова), что долго и болезненно потом восстанавливался. И, конечно, вершиной или глубиной отцовского горя была смерть в авиационной катастрофе в аэропорту Иркутска его любимой дочери органистки Марии, которую поехали встречать жена и старший сын... В морге Марию её мать Светлана Ивановна опознала лишь по цепочке, когда-то подаренной отцом, и оплавленному крестику. Среди множества телеграмм и писем соболезнования было и от Алексия Второго, Патриарха Московского и всея Руси: «Дорогие Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна! С чувством глубокой скорби узнал о трагической гибели вашей дочери Марии Валентиновны! Прими-

те искренние соболезнования. Православная Москва знала Марию как усердную прихожанку, певчую народного хора Сретенского монастыря и сотрудницу его издательства. Москва музыкальная помнит её как талантливого органиста, вдохновенного исследователя, внимательного педагога. Кроткий и светлый облик Марии останется в памяти всех, кому посчастливилось с ней общаться. Благодарю Бога, что перед своим отъездом, в праздник иконы Владимирской Божьей Матери Мария исповедовалась и причащалась Святых Христовых Таин, а накануне пела на Божественной Литургии. Всё это вселяет в нас твёрдую надежду на милость Божью. Господь, Своим неизреченным Промыслом призвавший Марию в вечные обители, да успокоит её в селениях праведных. Вам — силы пережить горе, постигшее Вашу семью. С уважением, — Алексей, Патриарх Московский и Всея Руси». . . 19 августа в органном зале Иркутской филармонии состоялся концерт, посвящённый памяти Марии, так как на этот день пришлись её сороковины. Об этом событии иркутский поэт Владимир Скиф, знавший многие годы Марию лично, написал полное любви и горечи пронзительное стихотворение, которое даю в сокращении (Н.К.):

*Сырой Иркутск. Костёл старинный.
Сороковины. Дождь идёт.
Органый зал. Он ждёт Марию.
Он каждый год Марию ждёт...
А в небо рано, слишком рано
Звезда Маршина взошла.
Болит, скорбит душа органа
О той, что рядом с ним была...
И вот полёт — к органу или
К иным — Господним берегам...
Чтоб мы Марию не забыли,
Звучит как Реквием орган...*

А старость всё накатывала и накатывала своими разрушительными набегами на слабеющего, но не сдающегося воина Христова. Уже и работать Валентин Григорьевич мог только дозированно: один час на всё про всё — или час чтения, или час письма. Чудовищно болела голова, слабела память. Подолгу не выходил из больницы. Но в писательской и общественной жизни Распутин продолжал по мере сил участвовать, и авторитет его в патриотической среде был неоспорим. Вот уж действительно, где величие Божье проявлялось и в дуновении слабого ветерка... Потом, как гром с небес, пришло сообщение по всем телевизионным каналам, что 14 марта (не дожил одного дня до дня рождения) любимого писателя, заступника и утешителя не стало. В большой печали и с тяжёлым сердцем пошёл я на нашу вторую встречу, она же была и прощанием. Не скажу, что народу в храме Христа Спасителя были толпы, но точно могу сказать, что случайных и чужих там не было. У входа стояла группа писателей, о чём-то вели разговор; среди них узнал Владимира Крупина и Юрия Лощица. Купил свечу, поставил на канун, стал вглядываться в явственно проступившие сибирские черты дорогого страдальца. И вдруг ощутил какой-то жестокий комок в горле, который никак не мог проглотить... Я вышел из храма... Вскоре, рассматривая в интернете фотографии Валентина Распутина, нашёл его фото с маленькой тогда ещё внучкой Антониной, что явилось неожиданным и для себя самого толчком к написанию сонета: «Сонет Валентину Распутину», впервые напечатанный на сайте Русская Народная Линия.

Сонет Валентину Распутину

Корабль российский вновь разбит
В щепу — изменой и безвольем.
Всё кончено... И он глядит
В грядущее с застывшей болью.

А может, неотступно зрит
За обнажившейся юдолью
Невысказанность, что хранит
В себе сибирское раздолье...

И кто он — русский человек,
И мир его — под страшный век
Попавший — как под горный камень, —
Каких-то двадцать лет спустя
Увидит малое дитя,
Лицо закрывшее руками.

2015, март

«Дитя, лицо закрывшее руками» — речь идёт об известном фото, на котором Валентин Распутин на коленях держит внучку, закрывшую руками лицо...

Местом упокоения писателя стал Знаменский монастырь в Иркутске. Проводить в последний путь Распутина пришли пятнадцать тысяч его земляков. Отпевание покойного совершил сам Кирилл, Патриарх Московский и ВСЕЯ РУСИ.

СВЕТЛАНА ВЬЮГИНА

Собственно, моё знакомство, как и встречи с Валентином Распутиным объединяла одна площадка — правление Союза писателей России. Некоторые советы этого незаурядного человека и изумительного писателя во многом определили мою судьбу.

Несколько благодарных историй о В.Г. Распутине

Лёгкая рука

С Валентином Распутиным я познакомилась на третий день работы в Союзе. Я зашла в приемную к Плужниковой Людмиле Трофимовне, многолетнему секретарю Сергея Михалкова и Юрия Бондарева, надо было оставить на подпись какие-то бумаги. Там за круглым столом, обитым зелёным сукном, толпились писатели. Рассматривали новые журналы, пили чай. Меня, новенькую сотрудницу, пригласили к столу, и я не отказалась. Ведь Плужникова с первого дня взяла шефство надо мной, узнав мои непростые семейные обстоятельства и болезнь сынишки. Я ей призналась, что пришла временно, пока ищу работу по специальности, в газете либо журнале, и что писателей лично никого не знаю, разве что по книжкам, только на трибунах их и видела. И даже немного их побаиваюсь. Вот она, познакомив меня с Валентином Григорьевичем, с улыбкой рассказала про эти мои страхи. Распутин рассмеялся:

— Разве я страшный? Я вот не злой, и рука у меня лёгкая.

— А вы правда писатель? — пошутила я.

Все присутствовавшие на чаепитии рассмеялись, и я поняла, что шутка понравилась.

— Писатель, только не раскрученный. А вы кто?

— А я журналист, выпускница МГУ, только без работы. Сын болел, надо было спасать его, а перерыв в 10 месяцев притормозил мое поступательное карьерное движение. Но у меня тоже рука лёгкая. Вот если я про вас, — улыбнулась я Распутину, — напишу, то сразу станете известным.

Деликатно переглянувшись, писатели улыбнулись моей самонадеянности. Гораздо позже я поняла, что молодости и искренности многое прощается...

— Я тоже журналист. Мы коллеги. Так что вы попали куда надо. Виват! Со временем из журналистов некоторые в писатели приходят. Вот как я, например. А вы сразу, молодая — и в Союзе писателей работаете... Это — судьба. Доверьтесь ей, не бойтесь.

Я не знала, что ответить, и жутко покраснела.

— Один-один, ничья! Это писательские дискуссии. Привыкай, не смущайся, — подвела итог Плужникова и отправила меня мыть чашки.

Вернувшись с чистой посудой к столу, я увидела огромный пакет с конфетами для сына. Мои «сочаёвники», будущие лауреаты Государственных премий — писатели Шуртаков Семён Иванович, Потанин Виктор Фёдорович, Валентин Григорьевич Распутин подвели шуточный итог:

— Девушка вы не капризная, скромная, образованная. Не понравится с нами работать, поможем в газету устроиться...

Спустя несколько месяцев после той знаковой встречи, услышав в новостях по ТВ, что за роман «Прощание с Матёрой» Валентин Распутин удостоен Государ-

ственной премии СССР, я обрадовалась, как будто с моей лёгкой руки лауреатство Распутину «досталось».

Вся страна в те дни искала и читала книги Валентина Распутина. Талант победил! И без моей лёгкой руки обошлось...

«Лишь бы не забронзовел...»

— Лишь бы не «забронзовел», — такой талантливый, но скромный, с достоинством.., — задумчиво прокомментировала Людмила Трофимовна известие о лауреатстве Валентина Распутина. Тот, бывая в правлении, всегда уважительно заглядывал к Людмиле Трофимовне, рассказывал новости и дарил книги. Плужникова гордилась этой дружбой. Да и мне было лестно, когда на заседаниях секретариата, пленумах и просто в правленческих коридорах Валентин Распутин, увидев меня, здороваясь, всегда очень серьёзно спрашивал:

— Ну, что, Лёгкая рука, присматриваешься к писателям или, быть может, сама пробуешь писать?!

Как в воду глядел... Я начала работать в приёмной комиссии и, продолжая какое-то время сотрудничать с журналами, потихоньку взялась и за детские рассказы. Держала какое-то время это в тайне, ведь быстро поняла, как непросто издать книгу, вступить в СП. Иногда Распутин заходил в приемную на чай. Но не ко мне, а к Семёну Шуртакову и Виктору Потанину, когда те приезжали-приходили на заседания приемной комиссии. Они дружили! Попадала иногда под эти лучи дружбы и я. Но больше в этих беседах помалкивала. К тому же в приёмной все знали, что я начала печататься в «Мурзилке», но по моей просьбе этот факт со «взрослыми» писателями временно не обсуждался. В один из таких визитов Валентин Григорьевич пришёл с двумя внушительными коробками. В одной — виртуозно упакованные эклеры, в другой — «Птичье молоко», очень модный на тот момент торт.

— Это — моя благодарность «Лёгкой руке». Узнал, что консультант приемной комиссии вступающих иркутских литераторов чаем и пирожными щедро угощала...

При этих словах Валентин Григорьевич сдержанно, одной головой изобразил шуточный полупоклон в мою сторону.

— Как? Что?! — наши ахи и охи под аккомпанемент бокалов... К тому же выяснилось, что некоторое время назад был принят в Союз писателей родственник Распутина — поэт Скиф Владимир Петрович.

Распутин и Скиф женаты на родных сёстрах, Светлане Ивановне и Евгении Ивановне! Вот уж, воистину, мир тесен... Ну, хоть бы полсловечка сказали, намекнули. Ни один, ни второй....

И хоть бытует мнение, что скромность в творческой среде не в моде, но я свидетельствую, что по крайней мере двух абсолютно скромных литераторов я в своей жизни встретила.

Дружба не знает счета

«Дружба не знает счета, как и любовь» — эта сентенция хорошо известна философам и мудрецам. А вот в жизни бывает по-разному. Хотя мне вот жаловаться

грешно. Моя школьная подруга Любовь Антоновна Хованская, архитектор и просто талантливый человек во всём и всегда, протянула мне руку помощи, когда в борьбе за жизнь сына мы победили и пришла пора возвращаться в социум. Дело в том, что его величество Случай помог: фронтовик, прозаик, литературный консультант правления СП — Дугинец Андрей Константинович — гостил в семье моей подруги и, узнав о моей истории, решил вмешаться, помочь мне, дочери фронтовика. При том, что порекомендовал он меня заочно: увидел первый раз уже в правлении. Задумывалась работа для меня как временная. А вышло так, что почти всю жизнь и проработала в приёмной комиссии. Но это другая история. А в нашей речь пойдёт о дружбе Эдуарда Анашкина и Валентина Распутина. Длина их дружбы — тоже вся жизнь.

Они первый раз встретились на известном Читинском семинаре молодых писателей. Валентин Распутин был официальным участником, Анашкин — гостем. Но так же, как и все, Эдуард Константинович сидел на семинарах, знакомился, участвовал в обсуждениях, потом переписывался долгие годы с некоторыми семинаристами. Публикации серьёзные только намечались. На этом семинаре Распутин пообещал Эдуарду Анашкину подарить свою первую книгу. Переезд Анашкина из Читы в Самару, в глубинку, жизненные обстоятельства развели семинаристов на долгие годы... И вот Случай. Эдуард Анашкин вступает в Союз писателей, начинает бывать в правлении. Меня и его «сдруживают» поездки к иконе «Всецарица» в Старо-Алексеевский монастырь, совместные чаепития (мы оба кофеманы). К тому же мой покойный муж был в ту пору редактором журнала «Россия молодая» и частенько печатал одаренного Анашкина. Так вот, узнав, что я время от времени по приёмным делам общаюсь с уже ставшим очень известным (а потому и малодоступным) Распутиным, Эдуард Константинович попросил телефон своего давнишнего товарища. По моему мобильному телефону они сразу и договорились встретиться у метро «Кропоткинская», Анашкин, правда, по-дружески мне признался, что боится, вдруг изменились оба (он и Распутин) и не узнают друг друга. Я пообещала проводить его на встречу. Самое трогательное, что Валентин Распутин с такой же просьбой обратился ко мне. Просто я не стала Анашкину об этом рассказывать. У меня по сей день стоит эта картина перед глазами — прислонившийся к какой-то афише задумчивый Валентин Распутин... Я подтолкнула Анашкина к Валентину Григорьевичу и увидела, что два «семинариста» мгновенно узнали друг друга. Обнялись. Начали что-то записывать, меняться адресами. А я стала спускаться в метро и последнее, что увидела, как они озираются, ищут меня, а потом идут к храму.

Защита на секретариате

Теперь уже за чайным столиком в 14-й комнате (тогдашнее расположение приёмной комиссии) Валентин Распутин частенько вёл беседы с Эдуардом Анашкиным. Он опекал своего товарища поначалу, написал Эдуарду Константиновичу предисловие к книге «Запрягу судьбу я в санки». Стал приглашать в Иркутск на литературный фестиваль «Сияние России». Но и гордился тем, что в гору пошел литературоведческий талант его друга из семинарской юности. Всем рассказывал о библиотеке, которую Эдуард Анашкин создал на общественных началах в селе «Майское» для односельчан. Дарил в нее самые лучшие свои книги. Распу-

тин ввёл Эдуарда Константиновича в свой круг единомышленников — познакомил-подружил с Владимиром Крупиным, Станиславом Куняевым, Николаем Ивановым, Семёном Шуртаковым...

Распутин с Анашкиным почти каждый день перезванивались, наверстывая упущенное для общения время. Когда Валентина Григорьевича бестактно хвалили за помощь земляку-сибиряку, тот спокойно и с достоинством отвечал:

— Один мой знакомый детский писатель любит декламировать: «Дружба не знает счёта...»

Мне было лестно, что меня цитировал большой писатель, но я ни в каком страшном сне не могла себе представить, что и мне уготовано испытание, став свидетелем которого, Распутин не промолчит, заступится. А дело было так...

На одном из секретариатов мне поручили вести протокол, так как заведующая протокольным отделом отпросилась к врачу. Секретариат был расширенным, много известных писателей на нем присутствовало, в том числе и из других городов. Планировали, в частности, и некоторые спорные приёмы дела рассмотреть. Но вдруг сразу после открытия слово взяла тогдашний пресс-секретарь Л., человек сколь одарённый, столь и, скажу мягко, напористый. Про таких говорят, «по головам идёт» к цели. Она и политикой активно занималась (и успешно занимается!) Л. торжественно изрекла, что создается то ли комитет, то ли отдел патриотической направленности, и нужен толковый технический исполнитель — на месяц, в крайнем случае, на два под её руководство. Я эти сентенции добросовестно записывала до тех пор, пока не прозвучала моя фамилия. Л. предложила Валерию Ганичеву командировать меня на месяц под её руководство! Это тем более удивительно, что с женской частью коллектива Л., в основном, не здоровалась, а общалась, используя исключительно крепкие выражения!

— А что, приёмная комиссия закрывается? — собрав всё мужество, спросила я.

Не буду повторять ушат воплей, вылитых на мою уже не девичью голову в ответ на вполне резонный вопрос. Но это только укрепило меня в своем решении отстаивать своё право на выбор.

— Давайте рассудим! Союзу это надо? — осторожно изрёк дипломат Ганичев.

Валерий Рогов, секретарь правления, замечательный прозаик и член приёмной комиссии встал и голосом опытного журналиста-международника заметил:

— А почему в таком тоне предлагается передавать сотрудника в другое учреждение, даже не поговорив с ним предварительно?! У нас что, крепостное право?

Свою долю ярости от разъяренной дамы Л. получил и Рогов. Стало тихо, мне показалось, что всем было неловко. О своих эмоциях умолчу. Не о них сейчас речь. И вот тут встал Валентин Распутин. А он уже был не тем молодым журналистом-писателем, с которым я познакомилась на заре своей «карьеры». Он и в Общественном Совете при президенте поработал, и, обладая несомненным авторитетом у писателей, стал инициатором внеочередного съезда, на котором и был избран председателем Ганичев, а сам он сопредседателем. Валентин Григорьевич и меня, когда-то начинающую чиновницу, со временем вступившую в Союз на совещании молодых писателей, стал величать по имени-отчеству, да собственно, я и видела в те годы Распутина очень редко, так как его уровень стал недосягаемым для многих, а уж тем более для меня.

— А почему такой сыр-бор на ровном месте? Приёмная комиссия работает слаженно. А что за новый подкомитет, так это сначала надо разобраться, прежде чем дрова ломать, а тем более кадровыми сотрудниками раскидываться, — спо-

койно, медленно выговаривая каждое слово, Валентин Распутин потушил так и не начавшуюся дискуссию.

Возмущённая (и, наверное, расстроенная) Л. выскочила из кабинета, вытирая злые слёзы. Я не могла выскочить и успокоиться за дверью, так как писала протокол, но помню комок в горле до сих пор... В этой суете я даже не сообразила, как подойти к Распутину и выразить свою благодарность за защиту, ведь после секретариата он был окружён друзьями, коллегами, секретарями. А потом вспомнила, как он цитировал — «дружба не знает счёта...» и успокоилась. Ну, думаю, будет ещё время.

...Но если о чём я сегодня жалею, так это о том добром, благодарном, невысказанном — друзьям и современникам, по воле Спасителя оказавшимся со мною рядом в трудные минуты.

Мамин образок

Мама умерла вслед за папой, но перед смертью была некоторое время прикована к постели. Почти перед самой смертью она разделила библиотеку, которую собирала всю жизнь, между нами, своими детьми, а мне вручила образок Иверской иконы Божией Матери с напутствием никогда с ним не расставаться. Некоторое время я этот образок с помощью друзей и мастеров реставрировала. Чинила серебряный оклад, заменяла бархатный подклад, всё это тянулось довольно долго, а потом, вспомнив наказ покойной мамы, стала носить образок с собой в сумочке. Иногда я в трудные минуты доставала образок, целовала его и просила о помощи. Потом вкладывала его в бархатный крохотный футляр и, зажав в руку, брала на ответственные мероприятия. Это была моя тайна-тайна. В один из дней мы в правленческом коридоре пересеклись с Валентином Распутиным. Он выглядел огорчённым, после нападения нелюдей и серьёзной травмы у него случались сильные головные боли. Я не знала, как помочь, и довольно глупо пошутила:

— Надо с кастетом по тёмным улицам ходить.

— Да уж... — вздохнул Распутин, — вот еду сегодня на консультацию к светилу. Как всё пройдёт?! — и из вежливости добавил:

— Лёгкая рука, а у тебя не кастет ли сейчас зажат в ладошке?

Я раскрыла ладонь и показала мамин образок. И в порыве сострадания предложила Валентину Григорьевичу взять его с собой на консультацию, для поддержки. Распутин вынул образок иконы Иверской Божией Матери из мягкого бархатного футляра, благоговейно приложился к нему и попросил разрешения подержать его в руках до отъезда. Я разрешила и заверила, что всё теперь точно устроится. Через минут пятнадцать, уезжая к «светилу», заверил меня, что голова стала болеть меньше, и наказал мне мамино сокровище из рук не выпускать и обязательно о нём написать, а также обо всех чудесных случаях, с ним связанных. Я пообещала, да так и не написала...

Пользуясь случаем «памятных рассказов» о Валентине Григорьевиче, я начала это делать сегодня...

Светлая и вечная память воину Христову, Валентину Распутину!

НАДЕЖДА СМИРНОВА

«Немая русская глубинка...»

Без деревни мы осиротеем...

В. Распутин

Ожидание

Покатилась по щеке слеза солёная,
Мать письмо ждала, а ящик снова пуст,
Полегла у дома вновь трава зелёная,
Да склонился у окна рябины куст.

Веткой хлещет по стеклу рябина красная,
Словно просится домой её впустить,
Чтоб сказать, любя: «Ну, что же ты, несчастная,
Перестань себя напрасно ты губить.

СМИРНОВА Надежда Владимировна родилась 1 января 1985 года в п. Новонкутский Нукутского района Иркутской области. Образование высшее, специальность инженер-энергетик. Работает в Администрации МО «Нукутский район» главным специалистом по электроснабжению. Член поэтического клуба «СтихиЯ», печаталась в коллективных сборниках, в периодической печати, в альманахе «Звезда полей» (Москва), в журнале «Северо-Муйские огни» (Бурятия), победитель 3-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей» (2018). Финалист литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность» (2018). Живёт в Новонкутске.

Не понять тебе, рябинушка кудрявая,
Каково свой век в молчанье доживать,
Лишь тебе одной, подруга моложавая,
Буду душу я ночами изливать...»

«Отчего не пишешь, дочь, моя хорошая,
Может чем-то я обидела, скажи,
Напиши ты мне любимая, пригожая,
Напиши в письме, обиду не держи».

Покосился ветхий дом, ворота сгнившие,
Краска слезла с палисадника давно,
Ставни белые, свой век давно отжившие,
Не закроют деревянное окно.

Заскрипит от ветра старая калиточка...
«Может ждёт у двери, всё же, почтальон?».
И надежда, словно тоненькая ниточка,
Зазвонит в душе, как колокольный звон.

Тишина вокруг, лишь сердце громко билось,
Взгляд печальный в отражении трюмо,
«Почему же мне вчера во сне приснилось,
Что в руках держу я дочкино письмо?»

«Как же сильно сердце бедное колотится,
Лучше лягу, ночь быстрее пролетит».
Мать за доченьку свою опять помолится:
«Пусть кровиночку молитва защитит».

И уснула, почтальона не заметила,
Погрузившись навсегда в глубокий сон...
У окна с тоской — одна рябина встретила,
Слишком поздно постучал ты, почтальон...

* * *

Немая русская глубинка
В тени растущих городов
Теряет силы по крупинкам
Во смене прожитых веков.

Разруха, грязь и бездорожье,
Дождём замытые следы,
Всех тех, кого вернуть не можем,
О ком скорбят с тоской кресты.

Редуют дряхнувшие сёла,
Молчит петух — деревни страж.
Зачем ждала, за что боролась,
Кому последнее отдашь?

Дымятся печи грустью серой
На избах сгорбившихся крыш,
Нет ничего, ни слов, ни веры,
Мрак, пустота холодных ниш.

Кому нужны луга и пашни?
Их губит общая хандра.
Земля и небо ждут. Уставших
Ещё врачуют вечера...

Ещё жива и многолика
Земля на сотни адресов —
Страны могучей и великой,
Среди дорог, густых лесов.

Здесь до сих пор цветут поляны
Под шум задумчивых берёз,
Всё так же трудятся селяне
В своей работе на износ.

И ноет сердце, болью рвётся,
Смотря, как плачут старики.
Их время — эхом отзовется
В ответ пустующей тоски.

Ещё полшага, путь проложен,
Пока не жгут века — мосты,
И, может, мы вернуться сможем,
То, что оставили — спасти...

Спасти людей, спасти Россию,
Село родное, землю, быт...
Она, как мать, грехи людские
Душою примет и простит.

* * *

Научи меня жить по-другому,
Чтобы сердце на части не рвать,
Научи меня делу благому,
Чтоб от боли людской не страдать.

Я хочу научиться не плакать,
Если горе нежданно придёт,
Чтоб горячей слезой не закапать
Белый лист, словно тающий лёд.

Научиться бы жить без тревоги,
Заперев свою боль на замки,
И найти путь по жизни пологий,
Позабыв неудач ветряки.

Научусь жить, наверно, рискуя,
Наугад. Жизнь вобрав до краёв.
И с собой в путь-дорогу возьму я
Только Веру, Надежду, Любовь!

* * *

Чемодан у порога,
Вещи собраны все,
И одна мне дорога —
На вокзал по шоссе.

Мысли кружат, как птицы,
Что там ждёт впереди,
Между прошлым границы,
Слёзы, будто дожди.

В жизнь другую невольно
Сжат билетик в руке.
Я уйду, знаю больно
Будет жить вдалеке.

На перроне вокзала
Путь найду номер два,
«Прибыл, — диктор сказала —
Поезд «Адлер—Москва».

Напоследок с улыбкой
Оглянусь ещё раз,
Жду с надеждою зыбкой,
Что придёшь ты сейчас.

Поезд. Стук монотонный.
Всё уже позади.
Только кто-то влюбленный
Крикнет вслед: «Подожди!»

* * *

Потухший взгляд, пальто в полоску,
Ресницы словно два крыла,
Ушла — зачем? походкой хлесткой,
С собой полжизни забрала.

Глаза, улыбка, руки, плечи,
Родное всё. Она одна,
Внутри тиха, как заводь речки,
Снаружи — крепкая стена.

Ушла, захлопнув двери сильно,
Навзрыд рыдая, как струна,
Лишь аромат духов ванильный
Остался в доме дотемна.

Ей — нелегко, тебе — не легче,
Весь мир — она, беги за ней,
И догони, прижми покрепче,
Скажи, что нет её родней.

Портрет в углу от боли скомкан,
От боли, страха и тоски,
И сердце бьётся чаще, громко,
Глаша знакомые шаги.

Пусть обожжёт прикосновенье
Горячих губ, слезы озноб,
Нам так нужны слова прощенья,
Не потерять любимых чтоб.

* * *

Я взаперти. Поникла и устала,
Круговорот несбыточных надежд,
В небытие пустующем застряла,
Душой достигнув призрачный рубеж.

Где среди рек и скудости растений
Качает ветер стебли камышин.

Моя одежда — сны и балахоны,
Слова мои — набат последних сил,
И я стою, как зритель изумлённый,
Прошу, чтоб кто-то занавес открыл.

Душа устала, чувства на пределе,
Слезой солёной загорит щека.
И пальцы ледяные занемели,
Ну, чья на них опустится рука?

Хочу, где нет бумажных отражений,
Нет бессердечных масок и машин,

Одна, как ветер, жаждущий покоя,
Нет, не поймёт никто моей души,
Опять бреду, где лес из сухостоя,
Где утонули в речке камыши.

Разговор

Затуши сигарету, давай посидим,
Как давно вместе мы не бывали?
Не смогли удержать пыл любви до седин,
Позади много лет. Мы устали.

Обними же меня, а не хочешь — скажи,
Я пойму, что тебе это сложно,
От проблем и забот не уйдём, не сбежим,
Всё что помним, останется в прошлом.

Закричать я хочу: — Не молчи, посмотри,
Как легко мы любовь потеряли.
Это замкнутый круг, наш с тобой лабиринт,
Мы, наверно, и вправду устали.

Разговор не спасёт, снова сядешь курить,
Едкий дым даже в душу впитался.
Ты один. Я одна. Вместе больше не быть.
Лишь окурок от жизни остался.

* * *

Я искала тебя в темноте
Среди лиц бесконечно печальных,
Гасли звёзды, и мир опустел
На просторах дорог вертикальных.

По следам слёзно-серых дождей,
Оставляющих лужи, как метки,
Я бегу всё быстрее и быстрее,
Полагаясь на случай, но редкий...

Я читала тебя между строк,
По обрывкам трёхтомника Блока,
Как поэт в бездну страсти увлѣк
Осторожно. Боясь монолога.

Нет коротких дорог для меня,
Что, спасая, ведут до надежды,
Там, где ты, там, где я — сохраняют
Навсегда неразлучное «между».

Отголоски разорванных фраз,
Серый пепел, сгорают страницы,
Создавая твой профиль, анфас,
Над землёй воспаряя, как птица,

Мир сложился из двух плоскостей —
Горизонта и бездны-преграды...
Я искала тебя в темноте,
А ты солнце встречал с кем-то рядом.

Моя душа

Ты кто — моя душа? Тебя не знаю,
Без имени, без веры, без любви,
Ты, как и я, ты тень моя косая,
Израненная с ног до головы.

Мы вместе оглянуться не хотели
Туда, где смерть или любовь-игра...

Ты — боль моя, блуждающая в теле,
От помыслов сквозящая дыра,

Кто, ты — душа? Чужая и родная,
Чьим именем в Рожденье нарекли,
Моё второе я — но точно знаю:
Её зовут душа! Кричу ей — не скули!

* * *

Наизнанку любовь,
В перерывах звонков
Шѣпот скованных губ,
Тишина, однолюб.

Голос, свет, пустота,
Вечер тихий настал,
Перекрёстная ложь,
Фраза: — Всё же уйдешь?

Запах резких духов,
Ближе шорох шагов,
Безмятежность души,
Тише, раны свежи.

Гордость, боль пополам,
Ты не здесь, я не там,
Разность двух полюсов,
Наизнанку любовь.

* * *

Не дари мне цветов полевых,
И подснежников ранней весною,
Я в глазах твоих вижу пустых,
Что ты там, где-то там, не со мною.

Громче слов по ночам говорит
Твоё сердце — из страха и боли,
Так зачем? Уходи! Я навзрыд
Не хочу больше плакать в неволе.

Обнимаешь, но руки, как лёд,
Холодны, остаются чужими,
Это — нашей любви эшафот,
Это наши ушедшие зимы.

Отпусти из тяжёлых оков,
Я хочу ощущать свои крылья,
Чтоб узнать, что такое любовь,
Я с тобой их сожгла от бессилья.

Сибирские морозы

Скрипят сибирские морозы
За зиму третий раз подряд,
И нервы шатки, на износе
От цифры минус сорок пять.

Уже февраль, и солнце ярче
Спешит пробить моё окно,
Но зыбок луч, морозом схвачен,
Стекло всё так же ледяно.

И в ряд дымятся печи гордо,
В единый дым, в одну гурьбу,
Пав пеленой над речкой твёрдой,
Для звёзд оставили тропу.

В объятых стылой мглы — собаки
Клубком лежат, поджавши хвост,
И дремлют в холоде бедняги,
А в вышине мерцанье звезд.

Ещё денёк бы продержаться,
Неделя, месяц — плен спадёт,
И календарь спешит ужаться,
И жаждет, ждёт тепла народ.

Но снова утро, щёки щиплет
Мороз трескучий — не унять,
Погода. Диктор. Голос хриплый:
«В Сибири — минус сорок пять».

ВИТАЛИЙ ЗОРКИН

Нерасторжимый ансамбль

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД «ТРИПТИХОМ О БАЙКАЛЕ»

Размышления Виталия Зоркина над «Триптихом о Байкале» — настоящее литературное исследование, подготовленное известным иркутским учёным и публицистом-просветителем.

Думаю, читатели сумеют правильно понять и оценить эту весьма достойную публикацию.

В.П. ВЛАДИМИРЦЕВ (1930–2007),
доктор филологических наук,
профессор ИГУ

ЗОРКИН Виталий Иннокентьевич (1937, с. Маяки Читинской области — 2019, г. Иркутск). Исследователь-историк, филолог, писатель, журналист, путешественник, фольклорист. Окончил Иркутский государственный университет, в котором и трудился более 40 лет на научно-педагогическом поприще. Профессор, кандидат филологических наук, действительный член Петровской академии наук и искусств. Автор более тысячи публикаций в журналах и газетах России, 15 книг, из которых наиболее значительны: «Роковая любовь великих людей», «Бывают странные сближения. Пушкин и Сибирь», «Иркутские градоначальники: воеводы и вице-губернаторы. 1661–1764 гг.», «Иркутские градоначальники: губернаторы и генерал-губернаторы. 1765–1805 гг.», «Не уйти от памяти». Лауреат и дипломант многих литературных премий и конкурсов. В 2015 году удостоен звания «Иркутский мэтр журналистики» с вручением золотого знака с бриллиантом. Заслуженный работник культуры России. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Размышления над «Триптихом о Байкале» взяты из книги «Не уйти от памяти».

Как журналист, я не обижаюсь на судьбу. За годы работы в газете и за время почти 30-летнего преподавания на отделении журналистики ИГУ она, судьба, подарила мне сотни замечательных встреч, порою — с людьми выдающимися. Это писатели и поэты В. Шукшин, П. Антокольский, Б. Слуцкий, В. Пиккуль, Ф. Чуев; это артисты Б. Штоколов, Э. Пьеха, Ю. Никулин, М. Козаков, Л. Гурченко, Г. Великанова, М. Ладынина, И. Кобзон, А. Ларионова; это учёные и деятели культуры. После публикации того или иного моего материала в редакцию нередко приходили отклики, замечания и предложения. Но, пожалуй, ни разу я не получал столько откликов, сколько получил их Анатолий Сосунов на свою небольшую публикацию под названием «Триптих о Байкале».

Почему она вызвала такой всплеск эмоций?

О том, что всем нам было давным-давно и хорошо известно (Байкал губят, и его надо защищать), Анатолий Сосунов впервые сказал так пронзительно глубоко и в то же время лирично. Эта маленькая трилогия о Байкале стоит многих иностранных писаний, в том числе и авторов именитых. Мал золотник, да дорог.

Отклики разные. Одного «Триптих о Байкале» поверг в раздумье, и он, много лет не писавший в газету, вдруг взялся за перо. Другой назвал триптих превосходной публицистикой (с чем я вполне согласен). Третий заметил, что таких людей, как Анатолий Сосунов, нам явно не хватает. Читательница Ирина Емельянова вполне справедливо посчитала автора одним из интереснейших людей современности, а Галина Погодаева попросила рассказать на страницах газеты о жизни и деятельности Анатолия Сосунова.

И вот я, старый газетчик, решил тоже взяться за перо. О Байкале писано и переписано — всего не перечтёшь. Но Анатолий Сосунов написал так, что задел за живое. И писать после него плохо — не хочется, а хорошо — может и не получиться; читатель Вадим Избеков верно сказал, что Анатолий Сосунов “взглянул на Байкал с высот духа”.

Начну с того, что показалось мне особенно интересным и важным: на полном серьёзе начался и пошёл разговор о **культурной компетентности**, которая должна предшествовать компетентности научной. Учитель истории мировой художественной культуры школы № 40 Виталий Черошников пронизательно отметил в связи с этим, что *“Анатолий Сосунов мимоходом, словно невзначай подарил нам, культурологам, прекрасную культурологическую категорию. Примем её и скажем ему за это спасибо”*. Со своей стороны укажу, что если термин «культурная компетентность», без сомнения, имеет право на жизнь, то тем более имеет это право **разработанный и впервые правомерно введённый в литературу Анатолием Сосунвым новый жанр**, обозначенный им как «триптих» (этот термин он заимствовал из области изобразительных искусств, где триптихом называется композиция из трёх частей).

Попытки создать литературный триптих предпринимались не раз, но если и завершались, то сотворением **мнимых триптихов** — далеко не всякую трёхчастную вещь можно назвать триптихом. Характерно, что в литературоведении нет понятия «триптих» в значении жанровой формы.

В художественной энциклопедии триптихом называется *“произведение изобразительного искусства, состоящее из трёх частей (картин, рельефов, рисунков и т.д.), объединённых общей художественной идеей, темой или сюжетом и образующих **нерасторжимый ансамбль**”*. Пытаясь определить жанр, в котором создан «Триптих о Байкале», мы снова и снова неизбежно будем приходить к выводу, что ни под один из нам известных литературных жанров он не подходит. Он именно триптих и только триптих. Подлинный.

Чисто техническая сторона дела заключается здесь в том, что одна и та же тема варьируется трижды по законам трёх различных жанров, умело соединённых в одном **принципиально небольшом** произведении (маленькая трилогия). Такова «диалектическая механика» возникновения этого нового жанра.

“Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?” — воскликнул Николай Васильевич Гоголь, а древний мудрец Лаоцзы заметил: *“Три порождает всё сущее”*. Гегель утверждал, что трёхчастная структура в силу своей устойчивости и завершённости есть структура универсальная, и это утверждение заложил краеугольным камнем в фундамент своей диалектической логики. В нас живёт неистребимая вера в чудодейственность числа «три»: мы трижды клянёмся, трижды плюёмся, трижды целуемся... Герои наших сказок и былин — три богатыря, три сына — скачут три дня и три ночи в тридевятое царство — тридесятое государство, проходят через три испытания, разгадывают три загадки, бьются с трёхглавым змеем и т.д. и т.п. С «тройкой» связаны сюжеты и названия многих известных литературных произведений: «Три сестры» А. Чехова, «Три мушкетёра» А. Дюма, «Три Дюма» А. Моруа, «Три товарища» Э. Ремарка, «Три толстяка» Ю. Олеши, «Три пальмы» М. Лермонтова, «Сердца трёх» Дж. Лондона, «Трое в лодке (не считая собаки)» и «Трое на велосипеде» Дж. К. Джерома, «Троецарствие» Ло Гуаньжуна, «Любовь к трём апельсинам» К. Гоцци... (оставляю всем желающим возможность продолжить этот увлекательный литературный розыск). Считается, что число «три» символизирует духовный синтез; *“это формула для творения каждого из миров”* (Х. Керлот «Словарь символов»).

Вот эта магия «тройки» и определила направление творческого поиска Анатолия Сосунова, задумавшего усилить созидательную и разрушительную мощь публицистики. Он достиг задуманного, утروив её воздействующий потенциал.

* * *

В основу правой части «Триптиха о Байкале» (далее при обозначении частей триптиха я буду пользоваться понятиями, принятыми в изобразительном искусстве, — из соображений чисто методологических) — «Прости, Байкал...» — положена притча (редуцированная) о петухе и жемчужном зерне, известная в фольклорных модификациях едва ли не всем народам мира (нам она знакома прежде всего по басне Крылова). Это сюжет архетипический, т.е. он связан своим происхождением с коллективным бессознательным — памятью всего человеческого рода, нашей прапамятью. Воплотившись из смутных мотивов бессознательного, архетипические сюжеты обладают способностью в свою очередь активно действовать на бессознательном уровне психики. **Они имеют повышенную силу внушения. Притча с архетипическим сюжетом захватывает глубоко и надолго.**

Есть в этой части триптиха вскрик — три строки, ради которых (или из которых) — по моему глубокому убеждению — и сотворён весь «Триптих о Байкале». **Три строки.** Но они прорвались из глубин нашего общего бессознательного и теперь будут мучить, жечь сердце каждого россиянина, кому дорог Байкал:

“Что мы наделали? Не схватиться ли нам за голову и не повернуть ли её, непутёвую, глазами к осквернённым красотам? Не пора ли знать торговцев из храма?”

В отличие от правой части триптиха левая его часть — «Память воды» — как «раздражитель» работает прежде всего на уровне эмоциональном. Задача — немедленно воздействовать на читателя, вызвать безотлагательную реакцию. Соответственно выбрана и наиболее подходящая для этой цели жанровая форма — письмо. Вопрос, поставленный автором, действительно безотлагателен: в открытом Жаком Бенвенистом и Г. Шангиным-Березовским феномене «памяти воды» Анатолий Сосунов усмотрел основание для вынесения недоверия всем современным гидроочистным сооружениям как малоэффективным по большому счёту. Эта часть триптиха своим краем задела проблемы нашего — и без того незавидного — здоровья и, естественно, привлекла к себе наиболее пристальное внимание читателей:

“Я бы это «Письмо» расклеила по всем углам и столбам не только всего Иркутска, но и всей России” (Людмила Добровольская);

“Давно стоило заглянуть так глубоко в суть этой проблемы” (Вадим и Людмила Ивушкины);

“Что у воды существует «память», для меня вообще стало открытием. Как же всё-таки мы должны быть осторожны и предусмотрительны и не полагаться на учёное всезнайство” (Лариса Стасова);

“Люди, опомнитесь! Мы ещё живём, но можем погибнуть — все, вместе с нашими детьми и внуками” (Наталья Кириллова).

* * *

Лаконизм — определяющая черта публицистики Анатолия Сосунова; его фразы сродни жестам: они экономны и выразительны. ***“Культурная компетентность — она должна предшествовать компетентности научной”***. Это уже афоризм, синтезис триады, вокруг которой закручивается спираль центральной части триптиха — «Символы и параллели. Мысли профана». Тезисом послужи-

ло высказывание — тоже афористичное — академика Грачёва о том, что “наука только потому и существует, что мы чего-то не знаем”. Антитезис принадлежит Сосунову: “Культура существует потому, что мы имеем кое-что помимо науки”.

Что же кроется за игривым “чего-то” и взвешенным “кое-что”? Рассуждения Анатолия Сосунова подводят к мысли: “мы не знаем самого главного”, а не просто чего-то там, и мы имеем нечто такое, что позволяет поставить культурную компетентность впереди компетентности научной.

Чего же мы не знаем “самого главного”?

Врач Людмила Добровольская в своём отклике пишет: “Если человеку будет суждено когда-нибудь узнать тайну Жизни, то это открытие, определённо, будет связано с водой — колыбелью, а может быть, и основой всего живого на Земле”. И поскольку мы не знаем этой тайны, мы действительно не знаем самого главного.

Ну а что же мы знаем?

“Я знаю только то, что ничего не знаю”, — этот бессмертный парадокс великого грека я вспомнил, читая строки Анатолия Сосунова о современниках Аристотеля, об относительности научных построений и непостижимости конечного смысла вещей. Сам факт наличия культуры уже предполагает безусловное осознание предельности чисто человеческих возможностей. **Мудрость самоограничения** — вот мысль, на которую наводит неторопливого читателя Анатолий Сосунов.

Со своей стороны добавлю, что понятия «культура» и «культ» (взаимоотношения со священным объектом) связаны не только этимологически — они понятия тесно соотносительные; более того, есть весьма убедительные доводы в пользу теории происхождения и развития культуры из культа (Макс Вебер и др.).

Н. Рерих последовательно и настойчиво сближал понятия «культура» и «просветление».

Оригинальное отождествление Анатолием Сосуновым культуры с **осознанной одухотворённостью** не только интересно, но, по-видимому, и правильно, поскольку ничем иным, кроме как одухотворённостью, не объяснить таких, например, явлений, как **несомненная** (несмотря ни на что) культурность Сергея Есенина, воспитанного в крестьянской среде.

Духовные корни культуры и являются главным основанием для утверждения культурной компетентности впереди компетентности научной.

Не могу удержаться и не привести ещё раз уже процитированную в «Триптихе о Байкале» строфу великого русского учёного и своеобразного поэта Александра Чижевского:

**Не потому ль спокойна так природа,
Не оттого ль безумствуем мы так,
Что мраку мысли не видать исхода,
Вселенной же неведом этот мрак.**

Написанная в форме эссе, центральная часть триптиха рассчитана на вдумчивое чтение и размышление над прочитанным, её предназначение — будить собственную мысль читателя, т.е. действовать на уровне интеллектуальном.

Такова «техника тройного удара» автора «Триптиха о Байкале» (как известно, публицистика — всегда борьба, скрытая или явная, и настоящий публицист — всегда борец и боец).

* * *

Анатолий Сосунов показал нашему брату, как надо писать сегодня и что значит творчески решать проблемы. Жанр триптиха оказался удивительно ёмким и современным. Но почему же другим журналистам не пришло в голову обратиться к триптиху? Попробую объяснить.

Что такое жанр?

Известный литературовед, историк и публицист Вадим Кожинов определяет его как *“конкретное единство особенных свойств формы в её основных моментах — своеобразной композиции, образности, речи, ритма”*. Проще говоря, жанр — это общий для целого ряда отдельных произведений «облик», всеобщая их форма. Жанры зависят от времени: смена литературных эпох — это и заметные изменения в составе литературных жанров. Жанры рождаются или умирают, чтобы через столетия воскреснуть для новой жизни. Жанры нередко связаны с личностью писателя, в творчестве отдельных художников слова они развиваются и изменяются. Антон Павлович Чехов устами одного из своих героев сказал: *“У каждого в душе свой жанр”*.

Что такое Сосунов? Что за явление, или, говоря словами Чехова, — что за жанр?

Представьте себе человека, который: достиг невероятных успехов в борьбе с уголовной преступностью, став героем комсомола 60-х годов; на вершине славы превратился в преследуемого властями инакомыслящего бунтаря, завершив эту стезю в годы перестройки *“живым символом неформального Иркутска”* (газета «СМ Номер один», 12.07.2001 г.); и при всём при этом, будучи профессиональным биологом, вёл неустанные орнитологические изыскания, добившись и на этой стезе *“достижений не только всероссийского, но и мирового уровня”*, как пишут о нём специалисты-орнитологи (газета «Ямщик», 21.09.2001 г.). Трудно представить? Да, так же трудно, как сказать об этом на одном дыхании, выразить одним предложением. А если короче — прославленный сыщик, воинствующий диссидент и тонкий натуралист в одном лице. Это и есть Сосунов.

Как-то один художник в разговоре со мной признался, что, задумав создать триптих, он познакомился с работами признанных мастеров этой формы, и у него просто руки опустились — понял, что не сможет.

Мне припомнился этот давний разговор, когда я, решив написать «Триптих о триптихе» (об Анатолии Сосунове), вдруг засомневался в правильности выбранного жанра. Лучше Сосунова не напишешь — думалось мне — и вообще, может статься, что этот жанр органически присущ только Анатолию Сосунову как проявление особенностей его сложной, неповторимой *натуры* и никому, кроме него, он, триптих, не подчинится.

Так я думал. Но в одном не сомневался и не сомневаюсь: как публицист, Анатолий Сосунов удивительно чутко и верно уловил дух нового времени и связанные с ним новые требования литературы. Открытие состоялось.

* * *

Гёте спрашивал: *“Как можно познать самого себя?”* И сам же отвечал: *“Только путём действия, но никак не путём созерцания. Попытайся выполнить свой долг, и ты узнаешь, что в тебе есть”*.

Большой тяжело и неизлечимо, Анатолий Сосунов свой долг выполнил с че-

стью. Не случайно он оказался в числе *трёх байкальских подвижников*, заочно избранных в Республике Бурятия почётными членами Фонда Байкала (вместе с академиком Григорием Галазием и писателем Валентином Распутиным).

...Он бился за Байкал *“пером и шпагой”*: в бурные восьмидесятые, когда «Триптих о Байкале» впервые увидел свет (на страницах «Восточно-Сибирской правды»), его автор во главе организованного им «Движения в защиту Байкала» (прозванного в народе Байкальским движением) буквально поднял на дыбы Иркутск.

Теперь дело за нами. Борьбу за Байкал надо продолжать. Пусть кто-то возьмётся за перо, чтобы создать свой триптих о Байкале, кто-то — за шпагу, а кто-то... Да разве можно предрекать пути и средства новым защитникам Байкала? Ведь *“у каждого в душе свой жанр”*. Но почему-то я верю, что жанру, зачинателем которого стал Анатолий Сосунов, суждена большая, долгая жизнь. Как и Байкалу.

ХАРАКТЕР И ТАЛАНТ

Вода, впадающая в Байкал, отстаивается в нём около 400 лет, т.е. за это время, считается, происходит полное обновление воды славного моря. Вполне можно допустить, что сегодня мы допиваем воду из Байкала времён Бориса Годунова, когда шло освоение Сибири, строились города Мангазея, Томск, Иркутск. Эта чистая вода — символ ещё той, здоровой и жизнерадостной природы, не испытавшей техногенного прессинга.

Какую воду будут пить наши потомки через 400 лет?

Если вода обладает «памятью», то сам Бог велит подумать об этом. Изучение свойств воды продолжается на всё более высоком уровне, и, видимо, многие открытия ещё впереди.

«Триптих о Байкале» Анатолия Сосунова и «Нерасторжимый ансамбль» (размышления над «Триптихом о Байкале») Виталия Зоркина написаны талантливо. Оба публициста показали себя настоящими мастерами слова и мысли.

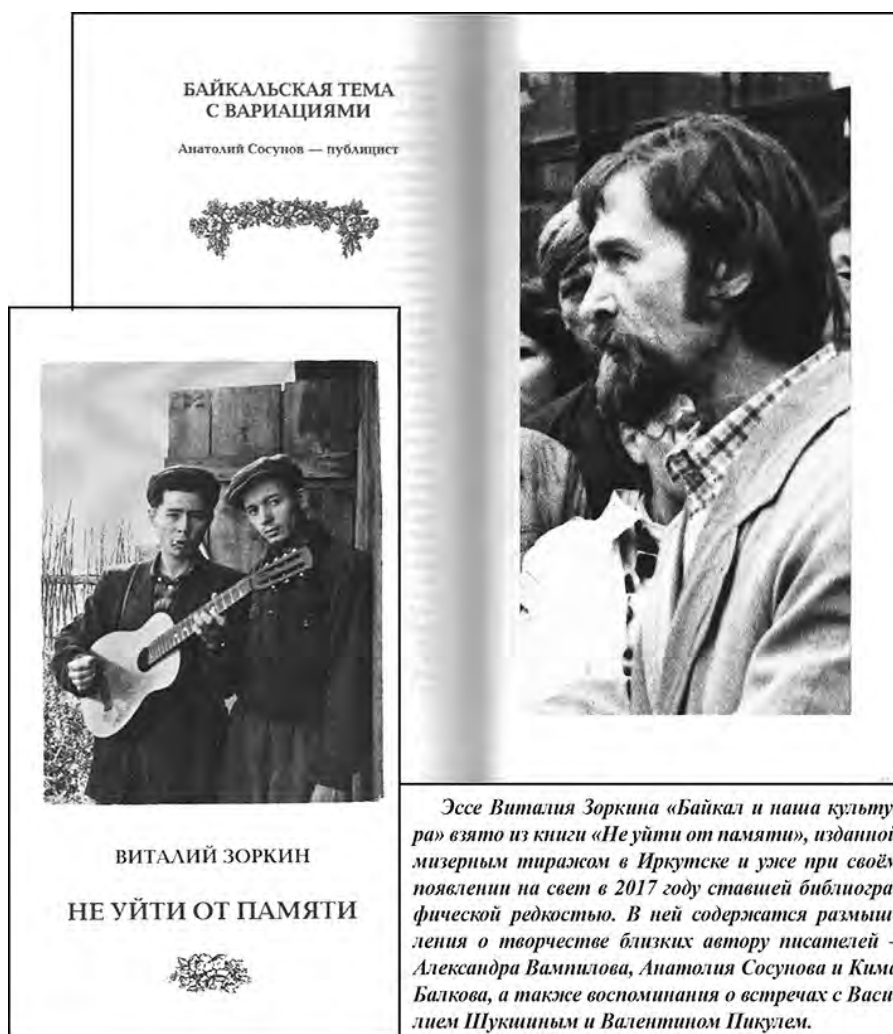
И вспомнил я слова Гёте: *“Таланты рождаются в тиши, характеры — среди житейских бурь”*.

Вспомнил не случайно: ***истинный публицист — это характер, возведённый в степень своего таланта.***

П.Н. ЯРОВОЙ,
доктор физ.-мат. наук, профессор

Байкал и наша культура

НОВЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАД «ТРИПТИХОМ О БАЙКАЛЕ»

О Байкале пишут много.

Пишут хорошо, и небольшому произведению очень просто затеряться в этом отрадном множестве.

«Триптих о Байкале» не затерялся.

Почему много лет спустя, уже в наши дни, эта маленькая трилогия Анатолия Сосунова продолжает привлекать к себе внимание читателей, публикуется в периодике и даже отмечена золотой наградой?

В «Триптихе о Байкале» легендарное «славное море» **высвечено** средствами художественной прозы как культурный концепт «Священный Байкал», как локальная константа русско-бурятской культуры. Обстоятельство далеко не маловажное, если принять во внимание, что многими современными культурологами духовная культура рассматривается как совокупность концептов и отношений между ними. Концепты “...не требуется создавать заново, они уже

есть, они — «константы». Но, конечно, среди них можно выбирать, что высвечивать» (академик Ю. Степанов).

Что такое «культурный концепт»?

Что такое «константа культуры»?

Можно сказать так: культурные концепты — это социально расширенные понятия, ставшие смысловыми образованиями в коллективном сознании; это объединяющие идеи, основополагающие понятия в культуре.

Концепт — один — замещает собой целую систему сопряжённых понятий, представлений, знаний, ассоциаций. Он не столько мыслится, сколько переживается.

Образное определение концепта дал академик Юрий Степанов: *“Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё”*.

Наверное, самой удачной иллюстрацией к сказанному будет концепт «Родная земля» — константа русской духовной культуры, равновеликая таким базовым концептам, как «Человек», «Мир», «Душа», «Любовь», «Вера».

Константы в культуре — это фундаментальные концепты, существующие долгое время и устойчиво вызывающие определённые культурные переживания. Их количество невелико — несколько десятков, но они играют громадную роль в духовной жизни общества, отражают состояние его культуры (в триптихе Анатолия Сосунова: *“Байкал — зеркало нашей культуры”*).

Как соотносятся концепт «Священный Байкал» и озеро Байкал — гидрогеологическая структура рельефа Земли?

Академик Юрий Степанов говорит: *“... в культуре нет ни «чисто материальных», ни «чисто духовных» рядов — «концепты» связаны с «вещами», а вещи сопровождаются концептами”*. Озеро Байкал является выразителем, «носителем» концепта «Священный Байкал» так же, как, например, действующий храм — выразителем концепта «Вера».

Выдающийся теоретик учения о концептосфере академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв считал, что концепт — результат *столкновения* формального значения слова с личным и народным опытом, а *“потенция концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека”*.

* * *

Итак, Байкал — природный комплекс, природный фактор и одновременно — фактор нашей духовной жизни, объект наших культурных переживаний.

Какие из этого можно сделать выводы?

Мы должны спокойно относиться к тому, что Байкал не даёт нам обилия потенциально заложенных в нём материальных благ: у объектов культуры иное назначение — давать блага духовные.

Мы должны перестать сокрушаться над тем, что опека Байкала требует немалых затрат и приносит материальные убытки, — это в порядке вещей: в современном обществе все объекты и учреждения культуры существуют в основном за счёт дотаций.

“Байкал вдохновит новых творцов на создание новых шедевров взамен утраченных человечеством. Но все творцы человеческие вместе взятые не смогут сотворить Байкал, если мы его потеряем” («Триптих о Байкале»).

Анатолий Сосунов определяет культуру (в смысле внутренней культуры человека, личности) как привычное повседневное *состояние одухотворённости*, культ духа: “...культура, которую я разумею, — это одухотворённость, личная одухотворённость, пробуждённая осознанием и приятием одухотворённости мира” («Триптих о Байкале»).

Одухотворённый Мир...

Одухотворённый Байкал...

Одухотворённый Человек...

На память приходят строки знаменитого бодлеровского сонета «Соответствия» (для сохранения точности мысли привожу подстрочный перевод):

*Природа — это храм, в котором живые колонны
Издают время от времени неясные слова;
Человек проходит в ней через лес символов,
И они следят за ним понимающим взглядом.*

Достоинство любого определения состоит в его лаконичности и точности. Определений понятия «культурный человек» существует немало. И в каждом есть свои плюсы и минусы. Как подойти к определению Анатолия Сосунова? Как соотносить с ныне популярным — едва ли не модным — понятием «духовность»?

В контексте размышлений Анатолия Сосунова слово «одухотворённость» имеет более сложную семантику, более сложную структуру, чем в словаре С.И. Ожегова; сквозь привычное *значение* этого слова начинает отчётливо проступать более глубокий его *смысл*.

Вопрос интересный, непростой и требует обстоятельного, отдельного разговора.

Современный английский учёный Питер Вашингтон заметил: “Взгляд на нашу планету как на единый живой организм, тенденции рассматривать Землю в широком космическом контексте побудили многих мыслителей считать экологические проблемы вопросами духовного порядка, духовной прерогативой”.

* * *

Оригинальность взглядов Анатолия Сосунова на проблему озера Байкал была отмечена сразу же, при первой публикации «Триптиха о Байкале» в 1988 году. Хорошо помню появление притчи «Прости, Байкал...» (третья часть триптиха) в газете «Восточно-Сибирская правда». На берегу Байкала, в Листвянке, работала первая Всесоюзная социально-экологическая экспертиза, проводимая советскими и американскими учёными для выработки новых подходов к решению ситуации вокруг знаменитого озера. Притча Анатолия Сосунова появилась на первой полосе газеты в самый разгар оргдеятельностной игры «Байкал» — начального этапа экспертизы. Она была напечатана вверху, справа от логотипа, и сопровождалась следующей ремаркой: “*ОТ РЕДАКЦИИ. Как нам кажется, А. Сосунов предлагает ещё один взгляд на роль и значение Байкала в нашей жизни, который может представить интерес для организаторов и участников организационно-деятельностной игры «Байкал»*”.

Этот текст был написан ответственным секретарём газеты Олегом Басниным (ныне покойным), человеком во многих отношениях прозорливым и проницательным. Потомок известных сибирских купцов-меценатов и ортодоксальный комму-

нист, пришедший в газету из аппарата обкома КПСС, он в своих публикациях буквально терзал иркутских неформалов ироническими крючками и крючьями.

Но к «главному неформалу» — Анатолию Сосунову он питал вполне определённые симпатии и однажды — в статье «Выберем точку отсчёта...» — прямо об этом сказал: *“Сразу же оговорюсь, что с большим уважением отношусь к автору опубликованной выше статьи, так как вижу в нём честного оппонента и глубоко порядочного человека, который в самых сложных ситуациях не опускался до мелочного эгоизма, умел стать выше сугубо личных взаимоотношений, неизбежно складывающихся между людьми, занятыми, как говорится, в «одном деле». В заключительных строках статьи А. Сосунов говорит, что будет рад не только доброземельным сторонникам, но и добросовестным оппонентам. А поэтому, не связанный с Анатолием Александровичем дружескими отношениями, считаю необходимым откликнуться на эти его слова”* («Восточно-Сибирская правда», 20.09.89 г.).

Крушение советского строя Баснин переживал тяжело. Из газеты ушёл. Работал где-то дворником, потом кровельщиком. Ходили слухи, будто у него возникли серьёзные проблемы с психикой...

Мир праху его. Русский писатель и религиозный мыслитель Дмитрий Мережковский заметил как-то, что ветры безумия носятся над всеми головами, но чьи головы выше — над теми сильнее (не уверен, что цитирую дословно, поэтому и не закавычиваю).

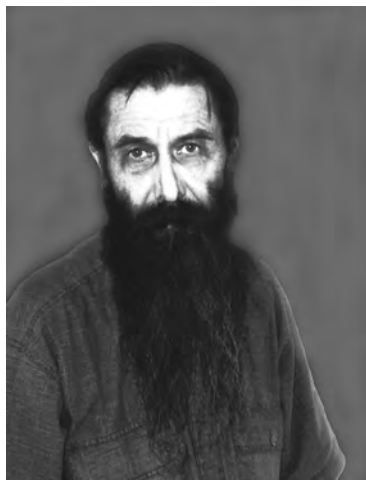
* * *

Свои размышления хочу закончить словами Анатолия Сосунова: *“Нашлись учёные, которые открыли у воды память — найдутся учёные, которые эту память у воды отшибут; но как поведёт себя вода с отшибленной памятью? Останется ли надёжным источником и проводником жизни? И разве у воды, кроме памяти, не может оказаться других замечательных свойств, о которых мы даже не подозреваем, даже не смеем думать?”*

Первая часть триптиха — «Память воды» — это развёрнутая метафора, образное предупреждение о возможных драматических последствиях нашего самонадеянного, невежественного отношения к сокровенному чуду природы — воде.

«Триптих о Байкале» нам нужен, он работает, и его должен прочитать каждый.

АНАТОЛИЙ СОСУНОВ

Триптих о Байкале

СОСУНОВ Анатолий Александрович (1941, Иркутск). Публицист и общественный деятель. В 1965 году окончил биолого-почвенный факультет Иркутского государственного университета. С мая 1965 года — член Союза журналистов СССР. 24 июля 1965 года постановлением бюро ЦК ВЛКСМ занесён в Книгу почёта ВЛКСМ за мужество и отвагу, проявленные в борьбе с уголовной преступностью в рядах созданного им оперативного комсомольского отряда; специальным отдельным указом Президиума Верховного Совета РСФСР награждён медалью «За отличную службу по охране общественного порядка», а министром внутренних дел республики — именными часами. Как один из героев книги «Звёзды первой величины» был почётным гостем XV съезда комсомола. В 1971 году был исключён из Союза журналистов СССР за инакомыслие; восстановлен в 1989 году по инициативе нового руководства, но от членства отказался. Организатор и лидер неформального общественного объединения «Движение в защиту Байкала» (1987 г.), вскоре переросшего в массовое общенародное движение. 22 ноября 1987 года в порядке защиты Байкала от губительных для него загрязнений организовал и провёл по центральным улицам Иркутска первую в истории СССР массовую демонстрацию протеста. В 1991 году на отчётной конференции в городе Улан-Удэ избран почётным членом Фонда Байкала вместе с академиком Григорием Галазием и писателем Валентином Распутиным. В 2021 году награждён Российской академией естественных наук медалью академика Моисеева за большой личный вклад в дело ликвидации Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Автор первых в официальной советской печати публикаций о необходимости советской социалистической многопартийности и преобразовании комсомола в плюралистический Союз Советской Молодёжи. В 2013 году награждён в Москве дипломом Российского Союза Молодёжи за заслуги в деле воспитания молодёжи, а в Иркутске удостоен звания «Почётный член Иркутского областного комитета Российской Союз Молодёжи»; тогда же Союзом охраны птиц России награждён Почётной грамотой *“за выдающиеся достижения в экологическом просвещении населения и большой вклад в дело сохранения птиц России”*. Основатель массового российского культурно-экологического движения «Покормите птиц!» с «Воробушкиным днём» и «Синичкиным праздником» в его контексте. Инициатор создания в Иркутске архитектурно-художественного ансамбля «Площадь Птиц» и вступления города в Союз охраны птиц России в порядке коллективного членства. В 2023 году избран почётным членом Союза охраны птиц России. Многолетний автор и ведущий пресс-акций «Священный Байкал» (120 выпусков в газете «Деловая неделя») и «Покормите птиц!» (100 выпусков в различных иркутских газетах). Пресс-акцией «В защиту Птичьей гавани» спас в черте города от уничтожения уникальный озёрно-болотный комплекс, в итоге получивший статус особо охраняемой природной территории. Автор и ведущий пресс-акции «Славянство: что это?» в газете «Мои года». Победитель, лауреат и номинант многих литературных и экологических конкурсов, в том числе — лауреат двух конкурсов международных. «Иркутский журналист года» — 2003, 2004, 2005. В 2022 году награждён правительством Иркутской области дипломом «Журналист года»

Иркутской области», мэром Иркутска — Почётной грамотой “*За неравнодушие к городу, области и окружающему миру*”, а Общественной палатой города — Почётным знаком «Активный гражданин Иркутска». Печатается преимущественно в газете «Мои года». О жизненном пути Анатолия Сосунова опубликован историко-публицистический коллаж «В небесах отгорели зарницы...» (журнал писателей России «Сибирь», № 371/4, 2018 г. — http://dom-lit.ru/?page_id=1991). Живёт в Иркутске.

Память воды

Письмо байкальчанке

2 декабря 1988 г.

Вы помните? — зимний день в Иркутске, «Пост защиты Байкала», сбор подписей, и — Вы, с уверенностью круглой отличницы защищающая свой *«родной»* Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат и его *«самые лучшие в мире»* очистные сооружения. Зимний день прошлого года... Вспомнили?

И я вспомнил.

Я вспомнил этот день и Вас, когда прочитал о научной сенсации года уже нынешнего: летом мир узнал о невероятном открытии французского учёного Жака Бенвениста, суть которого можно свести к тому, что вода с растворёнными в ней биологически активными веществами продолжает специфически действовать на живые клетки даже после разбавления этого раствора до степени нулевой концентрации, когда в нём биологически активных веществ ни теоретически, ни практически уже совсем не осталось — ни одной молекулы! Чистая вода, в которой когда-то *что-то* было, но уже ничего нет, действует так, будто в ней по-прежнему есть это самое *что-то!* У воды, которую наши пращуры вполне серьёзно считали живой и вещей, наши современники обнаружили *память*.

Но десять лет назад это открытие было уже сделано советским учёным Г. Шангиным-Березовским. Он работал с мутагенными и канцерогенными веществами и, обнаружив столь неожиданное свойство воды, почувствовал *«что-то вроде страха: холодную дрожь в спине»*.

Сенсации у нас не произошло. Работу Жака Бенвениста тоже встретили сдержанно. Почему? Ни тот ни другой учёный пока не могут дать объяснения такому загадочному явлению, как *«память воды»*. Они только констатируют факт, подтверждённый крупнейшими лабораториями разных стран, факт, который сегодня не даёт спокойно спать учёным всего мира.

...Но вернёмся к нашему разговору у «Поста защиты Байкала».

Насколько эффективны *«самые лучшие в мире»* очистные сооружения в свете открытия Ж. Бенвениста и Г. Шангина-Березовского? Напомню, что сточные воды БЦБК содержат и мутагенные, и канцерогенные вещества — эксперты «Движения в защиту Байкала» неопровержимо доказали это в своём официально составленном заключении.

Какой-нибудь академик типа Жаворонкова (или Грачёва) — очередной химик, возможно, успокоит нас очередной научной сказочкой — сказочкой о беспамятстве воды. Мы ведём себя так, будто знаем о воде — всё, а между тем может оказаться — мы не знаем о ней самого главного.

Но поиск идёт. И какими будут очередные открытия искателей добросовестных? Узнаем ли мы с вами о них?

Что нас ждёт? «*Конвейером смерти*» предугадчиво назвали сибирские учёные промстоки ещё только проектируемого БЦБК.

Дай бог, чтобы память воды оказалась такой же короткой, как память человеческая. Но вода воде — рознь. Как и человек человеку. У древней байкальской воды память уж верно особая!

Будь здорова, как вода! — говорили в старину на Малороссии. Смогу ли я пожелать вам этого?..

Ваш случайный знакомый и собеседник — Анатолий Сосунов.

Нашлись учёные, которые открыли у воды память, — найдутся и такие, которые эту память у воды отшибут. Но как поведёт себя вода с отшибленной памятью? Останется ли надёжным источником и проводником жизни?

А разве у воды, кроме памяти, не может быть других удивительных свойств, о которых мы даже не подозреваем, даже не смеем думать?..

Видимо, у воды — добрая память. Нам многое прощается. Слишком многое — понимаем ли мы это?

СИМВОЛЫ и ПАРАЛЛЕЛИ

Что представляет собой Солнце для современного человечества? Не более как явление природы, подобное многим другим. Не тем было оно для наших предков... Солнце было для них мощным богом, дарующим жизнь, светлым гением, возбуждающим умы. Вся мифология древних проникнута слепящей символикой солнечного луча. Интуиция наших предков привела их к тому же заключению, что и достижения науки.

Александр Чижевский (1897–1964),
учёный-космобиолог, поэт и художник

Это удивительное творение бурятской девочки Нади Шандибаевой как немеркнущая эмблема праздника **явилося миру** на рубеже двух столетий — **27 августа 2000 года** — в День Байкала.

На небе Солнце, на земле Байкал — великий, священный Колодец Земли.

Байкал — символ. Священный символ Сибири. Символ первозданной чистоты и красоты. Интуиция наших бурятских и русских предков живёт в нас, движет нами; Байкал становится сегодня символом нашего единства в борьбе за экологическую безопасность, мир и братство с природой — общечеловеческим символом живой Земли.

Символ — это знак. Означивание мира, мышление символами (*символирование*) — прерогатива Творца и привилегия Человека. *Природа означена с божественным совершенством, поэтому эстетически выразительна и, следовательно, прекрасна.*

В русской культуре *СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА* символы считались ключами жизни, посредством которых человек получает доступ к скрытому значению вещей. Роль символов в нашей жизни настолько велика, что многими мыслителями (начиная с Гёте и Гегеля) культура вообще рассматривается как более или менее систематизированная совокупность символов, а немецкий философ Эрнст Кассирер назвал человека *символирующим животным*.

* * *

Символами и параллелями свершается культура — одухотворение человека.

Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат опасен не только Байкалу: монстр со зловещей аббревиатурой «БЦБК» прочно обрёл значение классического символа экологического зла, и, действуя в этом своём значении, он порождает в сознании людей беспросветное чувство экологической безысходности, безверие, безволие и пессимизм. В социально-психологическом аспекте его следует рассматривать как *дестабилизатор высокой мощности*.

БЦБК необходимо ликвидировать — во имя культуры, в интересах её оздоровления, во благо её развития. И в обезвреженных, парализованных корпусах комбината основать для грядущих поколений мемориальный комплекс, подобный «Освенциму» и «Бухенвальду», — всемирный музей экологического зла.

* * *

“*Наука только потому и существует, что мы чего-то не знаем*”, — кокетливо ввернул один приблизительно крупный спец (академик Грачёв — химик, бесцеремонно орудующий в области байкалоохранных проектов и глубокопрезираемый враг общественного Движения в защиту Байкала).

“*Чего-то*”!.. Да уж не думает ли всерьёз этот проворный спец без тормозов, что мир теперь нам более понятен, чем современникам Аристотеля?

Чем больше узнаю, тем меньше понимаю...

Мы не знаем *самого главного*. Истинные учёные всегда имеют в виду относительность научных построений и непостижимость конечного смысла вещей. И мудрое смирение отличает их от учёных пигмеев, горделиво толкущихся в потёмках мысли.

*Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.
Для общей славы Божества
Там равна сила Естества.*

Михайло Ломоносов

Чувство благоговейного восторга перед жизнью и БЕСКОНЕЧНЫМ, из которого берёт начало наша жизнь и с которым она сливается, предсуществляет высшую форму сознания человека — сознание *космическое*. Это сознание выделяло великие умы русской науки и культуры: К. Циолковского, В. Вернадского, П. Флоренского, А. Чижевского, Н. Рёриха... Трудно представить себе этих учёных в роли «культурпреобразователей» Байкала. Трудно представить, чтобы они, решая сегодня вместе с нами судьбу Байкала, стали бы рассчитывать ПДК и понесённые убытки. Планетарная роль Байкала — его космическое предназначение — от этих умов не осталась бы сокрытой.

*Не потому ль спокойна так природа,
Не оттого ль безумствуем мы так,
Что мраку мысли не видать исхода,
Вселенной же неведом этот мрак.*

Александр Чижевский

Мы поражены недугом бескультурия, и наши учёные не составляют исключения — не тратятся на культуру, которая, по их замеру, требует больше, чем даёт. Чтобы быть правильно понятым, поясняю, что **КУЛЬТУРА**, которую я разумею, — это **ОДУХОТВОРЁННОСТЬ**, одухотворённость личная, пробуждённая осознанием и приятием одухотворённости мира.

*Один лишь ДУХ, коснувшись глины,
творит из неё ЧЕЛОВЕКА.*

Антуан де Сент-Экзюпери

ДУХ есть высший разум — отсюда смысл мира; ДУХ есть благое совершенство — отсюда сущность мира (благодать); ДУХ есть сокровенная истина — осветлённая субстанция мира, другая (оплотнённая) составляющая которого есть плоть. *Жизнь — это стадия и форма временно воплощённого существования организованных сгустков ДУХА, то есть души, как неперемного условия их развития и участия в творческой эволюции мира.*

Писатель Андрей Платонов (близкий к идеям *РУССКОГО КОСМИЗМА*) понимал одухотворённость как осознание возвышенности смысла жизни, а что такое культура личности в своей основе, если не культивирование возвышенности смысла жизни, не возвышенный образ жизни? При таком понимании сути культуры её высоты доступны многим.

КУЛЬТУРА есть всё, что возвышает **ДУХ ЧЕЛОВЕКА**, *культурная потребность* — это потребность в возвышенном.

ВОЗВЫШЕННОЕ не отрешает от земного, наоборот — это благое поле деятельной связи земного и небесного, это благо взаимного дарения и получения, благо совместного творения в процессе эволюции на Земле. **Мы призваны в БЫТИЕ, чтобы на фундаменте законов ПРИРОДЫ строить СОБОР МИРА по законам ДУХА. Творчество — идеальное состояние души.**

Возвышенность смысла и духовность основ Мироздания — общая вера всех культурных людей, религиозных и нерелигиозных; возвышенный образ жизни, возделывание духа — своего и общечеловеческого (*культивация духа*) — путь следования этой вере. Только на этом пути возможно постижение и тайны жизни, и смысла смерти — того *самого главного*, чего мы не знаем. Вся история человечества — недозавершённый драматический путь от человека разумного к человеку культурному, недосвершённая эволюция от *существа символизирующего* (мыслящего символами) к *существу духокультивирующему*. **ВЫСОКАЯ РЕЛИГИЯ** и **ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО** — одного происхождения и одному служат делу: творению **ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ**, одухотворению человека. Ниспровергать религию так же нелепо, как ниспровергать поэзию или музыку. **КУЛЬТУРА — это ВЕРА, вера в ДОБРО и КРАСОТУ.**

Даже самые далёкие предки наши были в некотором смысле культурнее нас. Их зов рождает в наших душах щемящую боль, равновеликую ностальгии, —

боль тоски по единству с природой. Это томление души (*натюральгия*) вселяет надежды. Ничто — искусство в том числе — не пленяет так человеческий дух, как природа. Только нужно видеть, как видят дремучий люд и художники: **Природа — творящая наперсница Творца, она — Твориня.**

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.*

Фёдор Тютчев

Эстетические достоинства природы — в особо совершенной выразительности всех её форм и явлений, природа и прекрасна потому, что в совершенстве выразительна. Но главное — ПРИРОДА прекрасно выражает идею ЖИЗНИ и *естественной красоты*, идею, над которой нам, как старателям КУЛЬТУРЫ и ревнителям *красоты искусственной*, следует основательно поразмыслить и призадуматься.

Мировая культура теряла многое. Байкал вдохновит новых творцов на создание новых шедевров взамен утраченных человечеством. Но все творцы человеческие вместе взятые не смогут сотворить Байкал, если мы его потеряем.

Байкал — зеркало нашей культуры.

Проворный спец Грачёв сказал, что, не будь наука компетентна, появилось бы на Байкале не два целлюлозных комбината, а 20... 30... 50...

Масштабное наступление индустриалистов на Байкал было приостановлено не компетентностью науки, а протестами видных деятелей культуры. Будь наука культурна, на Байкале не появилось бы ни одного комбината: *культурная компетентность* — она должна предшествовать компетентности научной. Культура и существует потому, что — слава Богу — мы имеем кое-что помимо науки.

Наука служит цивилизации, культура — хранит мир. Уровень нашей цивилизации стремительно растёт — уровень нашей культуры катастрофически падает. Знание в руках некультурных людей — опасная разрушительная сила. Неодухотворённая наука способна погубить мир.

Мысли культурного учёного рождаются в голове, но в мир выпускаются через сердце. Одухотворённые люди одухотворённого мира — вот культурный облик корифеев русской науки. Только одухотворённая **ВЫСОКАЯ НАУКА** имеет право быть и вместе с **ВЫСОКОЙ РЕЛИГИЕЙ** и **ВЫСОКИМ ИСКУССТВОМ** составлять *незыблемый треножник* **ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ**.

Культурный человек красив. И дела его — красивы, потому что вершатся они в высоком стремлении к подлинности и предельному совершенству (кстати, в обиходе слово «культурно» нередко употребляется в смысле «красиво», или наоборот: культура воспринимается как особого рода красота). И знаменитую цитату из Достоевского о красоте хочется понимать так: **КРАСОТА совершенствует МИР — и в этом его СПАСЕНИЕ.**

Культуру, там, где она есть, невозможно скрыть — ни в убогой одежде, ни в корявой речи: **КУЛЬТУРА — это ВЫСОТА ДУХА.** Совершенный человек будущего — это *человек духокультивирующий*.

* * *

Наша *общественная культура* — в распадае. Мы привыкли — и уже не видим и не чувствуем, что разговариваем друг с другом грубо, что ведём себя неприлично. Опьянённые свободой действий, обуреваемые страстью к наживе, мы напрочь забыли о долге, чести, справедливости...

И только совесть — за всеми этими *благовспомогательными разговорами* о «духовности» и «патриотизме» кроются мучительные судороги нашей несчастной совести.

Вот что страшно: у нас не стало народной ОБЩЕЙ ЗАБОТЫ, и мы не замечаем, как шаг за шагом теряем *родину*, которой мы нужны, и остаёмся при *государстве*, которому нужны не мы, а деньги.

Да, символами и параллелями свершается культура. Прости, Байкал... Прости за то, что наша любовь к тебе оказалась недостаточно беззаветной, а наша верность не выдержала испытания временем. Прости, что у великой России не нашлось *великого Александра*, который, не тратя времени на поиски запряганных концов байкальской проблемы, одним взмахом меча рассёк бы *гордиев узел*, стянутый на твоём горле ушлыми хитроплётами (новым российским «великим» — *старый Плутарх не по уму*).

* * *

Жизнеутверждающая по цели и характеру *экологическая политика* несовместима с насилием над природой и невозможна в условиях тотального прессинга *техногенной контркультуры* — *техногенного фашизма* в сущности. Разгул **научно-технической революции** и *диктатура инженерии* (технократизм) уже поставили нас перед фактом трагическим и очевидным: *в природе нет ничего лишнего, кроме человека*. Мы создали и развили *мировоззрения*, которые разъединили нас не только с природой, но и друг с другом. Мы утратили, не сумев оценить по достоинству, от сотворения заложенное в нас *мирочувствие* — прекрасную и мудрую особенность древнего человека чувствовать себя, других и весь мир как ЕДИНОЕ. И чтобы вновь обрести утраченное, нам придётся допустить в наше сердце, в наше сознание и в нашу жизнь другую революцию — мирную, гуманную и, быть может, последнюю — **революцию культурно-экологическую**.

* * *

Чтить Творца — значит беречь и постигать прекрасное Его Творение — Природу, учиться у Него и у Неё высокому искусству строить Мир.

Как правильно понимать известное выражение “*возврат к Природе*”?.. **Что такое натюрлизм?**

• Это нравственная позиция, средоточие которой — СПРАВЕДЛИВОСТЬ как признание ПРАВА на ЖИЗНЬ всеземным и всеобъемлющим.

• Это незыблемые ПРАВА ПРИРОДЫ, принятые *совершенным человеком будущего* — ПРАВЕДНИКОМ.

• Это обличение неПРАВДЫ в ПРАВДОподобии всех проявлений антропоцентризма — *преображённый гуманизм* эпохи развитой экологической культуры — **ПРАВДА НОВОГО ЧЕЛОВЕКА**.

Жизнь не даётся даром, она — СЛУЖЕНЬЕ ПРАВДЕ, и в этом её смысл: каждое живое существо несёт БРЕМЯ ОПРАВДАНИЯ своей жизни — вот Путь и ПРАВДА ЖИЗНИ.

Прости, Байкал...

*Наиёл петух жемчужное зерно
и загоревал, что нельзя это зерно съесть.*

Нашли люди Байкал... Что там петух! — человек не всякий сумеет оценить истинную драгоценность. Настоящих знатоков и ценителей мало. А ведь мы всегда спешим. Нам всегда некогда. Суетимся! — в суете. И прицениваются к нашим драгоценностям завхозы да макулатурщики: почём Байкал?

Не потерять — продешевить боимся!

Спорим, как в условиях **индустриализации** сохранить Байкал, и не хотим понять, что о другом нужно говорить, о другом спорить: можно ли в условиях безоговорочной неприкосновенности Байкала развивать при нём эту самую «**индустрию**»?

Называем Байкал священным — и святотатствуем.

Называем жемчужиной — и в кашу.

Что мы наделали!.. Не схватиться ли нам за голову и не повернуть ли её, непутёвую, глазами к осквернённым красотам? Не пора ли гнать торговцев из храма?

А торговцы нас пугают: дорого... дорого... дорого...

А мы им ответим: дорого, да мило, дёшево, да гнило.

Разве грех искупить — просто и дёшево?

Прости, Байкал, а уж мы за ценой не постоим!

ВИКТОР БАРАКОВ

Николай Зиновьев

КРАТКИЙ ОЧЕРК О СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ПОЭТЕ

Часть первая. Земная доля Николая Зиновьева

«Такого поэта в России больше нет», «сравнить его не с кем», — эти и подобные им изречения с завидным постоянством появляются в статьях и заметках о русском лирике Николае Зиновьеве.

Поражает единогласие пишущих о нем: все как один слишком скуп и почти безучастно сообщают о его личности. Быть может, неприметная внешность тому виной: скромный, даже застенчивый облик (несмотря на сократовский лоб), тихий голос, спокойный и незлобивый нрав... Между тем, в общении Зиновьев несколько иной. Кротость и безмятежность его только внешняя — внутри бушует настоящая буря.

И еще одно обстоятельство, причем самое важное, отвлекает от его персоны: слишком хороши и удивительны его стихи. Их с нетерпением ждут, читают и перечитывают, и каждое последующее обращение к ним открывает все новые двери на пути к чему-то очень и очень важному.

Что такое быть поэтом сейчас, и чем сегодня является настоящая поэзия — Зиновьев знает твердо:

Это только слов игра,
Это мыслей перепляска,
Это тонкая игла,
Это чувственная сказка.

Это — тоненький рожок,
Петь его не приневолишь.
Это только смерть, дружок.
Только смерть, дружок. Всего лишь...

(«Поэзия»)

Нынешнее рубежное и смертельное время, увы, ни с чем не сравнимо: ни с меланхолическими семидесятыми, ни с танцующими и безрассудно-расточительными восьмидесятыми... Нечто жуткое, злобное, с грохотом взрывов и молчанием ягнят вошло в закатные часы северной «странной страны»: «Необычная эпоха, / Несуразные года!»

У монахов есть молитвенный подвиг общения с Богом. У поэтов свой подвиг самоотречения. Поговорив с небом в согласной тишине, они выходят с жертвенной и пламенной проповедью к людям. Николай Зиновьев проникает своими стихами в самую душу русского человека, страдающего, растерянного, упавшего неожиданно-негаданно в самый разлом времен.

Простой человек не безгласен (об этом, например, свидетельствуют кричащие «Русские письма» в книге Олега Павлова), но поэт, в отличие от него, наделен особым даром слова. И кому, как не ему, заповедано быть эхом народным?..

Память для поэта — чуть ли не последняя отрада, он помнит спокойное дыхание могучей Родины, слышит прозрачную мелодию детства, но и ее заглушает пронзительно щемящая нота:

Мы спали на русской печи,
Счастливые русские дети.
В печи мать пекла калачи,
Вкусней не встречал я на свете.

Ты, память, давай, не молчи!
Как вены, вскрывай свои дали
Про то, как на этой печи
Мы русские сказки читали.

Где нынче та русская печь?..
А там, где и русская речь.

Разговор вроде бы не нов: о матери, о России, которая «всех любит без разбора», и о нем, о русском человеке:

Он в пороках неуемен,
Невоздержан на слова,
Но душой еще не темен,
Потому что мать жива.

Есть еще кому молиться
За него сквозь дымку слез.
Долго ль это будет длиться? —
То уже другой вопрос.

(«Мать»)

Причина такого состояния — не пресловутая «вековая усталость», а давным-давно известные ловушки от лукавого:

Что теперь искать причины?
Что искать следы беды?
Мало что ли чертовщины:
Водка, глупость, лень, жида.

Последние, кстати, в стихотворениях Зиновьева говорят «знаковыми» фразами «околовсяческих» терцев и познеров:

Хотя и в дурдоме «неплохо»:
Там кашу дают из пшена...
Такая вот сука-эпоха!
Такие вот, б..., времена!

(«А жить все страшней и страшнее...»)

Противостояние неизбежно, потому что они отличаются от нас, потому что они — иные:

Иным и солнце всходит с Запада,
Иные — с низкою душой,

Иным легко и локоть цапать-то
Зубами — локоть-то чужой.

Иным совсем не надо веры,
У них и совести-то нет,
Им подавай всего без меры,
Им, как кротам, не нужен свет.

Они зовут себя «элита»,
У них везде не брат, а блат,
Для них любая дверь открыта,
Но шире всех — ворота в ад.

(«Иные»)

«— Судя по твоим стихам, ты не интернационалист.

— Ни в коем случае. Хватит с нас интернационализма, дети по-русски разучились говорить. Образование... Недавно статью читал: до революции Россия была безграмотна, но она была образована. То есть каждый человек, вплоть до безграмотного крестьянина, имел образ.

— Образ Божий? То есть образование — это не сумма знаний.

— Это стержень. А мы все со средним и высшим образованием, очень грамотны, информации много знаем, а ОБРАЗА не имеем».

*(Из беседы с журналисткой Ниной Роженко. —
«Кореновские вести» от 17 мая 2010).*

Приметы и причины национальной трагедии на самом деле еще более глубоки и зловещи. О них Зиновьев рассуждает в одном из своих лучших стихотворений:

Который год над нашим краем
Не пролетают журавли,
А мы живем и умираем
В заботах мелочных, в пыли.

В сердцах своих не носим света,
Живем бездумнее травы.
Я сам приветствую соседа
Кивком небрежным головы.

Не подаем убогим хлеба,
А с раздраженьем гоним прочь.
Христу, все видящему с неба,
Как от тоски не изнемочь?

В молитве рук не простираем
При виде утренней зари,
И потому над нашим краем
Не пролетают журавли...

(«Журавли»)

«Мы считаем себя цивилизованным народом, Европой, — рассуждает Зиновьев. — Но взять наши корни — редко кто дальше прабабушки, прадедушки что-то знает о своих предках. А африканские племена, дикари с нашей точки зрения, до 27-го колена знают, кого как звали, кто чем занимался, кто там был шаман, кто колдун. Ну, и кто из нас цивилизованней?» (Из беседы с Ниной Роженко).

Говорит писатель Илья Бояшов: «Если малые народы, живущие с нами бок о бок, после исчезновения империи в большей степени занялись собой и своими маленькими национальными делами, то русские, будучи государственным «становым хребтом», давно отказавшимся ради государственных задач от своих родоплеменных связей, оказались в самом плачевном состоянии. Клановость исчезла, а имперских сверхзадач никто не ставит, никому не нужны сверхидеи, под которые русские как этнос и «затачивались». Не важно, было это построение коммунизма или попытка штурма космоса. Обратите внимание — у русских разрушены или почти разрушены практически все родственные привязанности. Современный русский — человек, который в лучшем случае имеет жену, сына, дочь, родителей и сестру или брата (и то многие со своими родными братьями-сёстрами почти не общаются). Что касается двоюродных, а тем более троюродных — отношения окончательно разрушены. Русский человек в массе своей атомизирован и бесконечно одинок. За столом теперь большими родовыми кланами не собираются — так, два-три близких родственника. Друг другу почти не помогают, каждый выживает сам» («Лит. газета» от 25 мая 2011 г.)...

Он за сто лет так был напуган,
Что стал послушен, как овца.
Ослаб он телом, пал он духом,
И терпеливо ждёт конца.

Философ Константин Крылов в своем объяснении происходящего идет еще дальше: «Репрессии государства — вот главная и основная причина отсутствия солидарности у русских людей. Как только русские тянут руки друг к другу, им бьют по рукам, а потом эти руки ломают. В результате русские не просто боятся проявлять солидарность — они уже почти разучились это делать. Солидарность — общественный институт, тут одного желания мало. Солидарность — как игра на скрипке, ее надо еще уметь реализовывать. Так вот, нам не позволяют даже учиться этому... Мы являемся своего рода палестинцами, лишенными родины. Это нужно открыто признать и из этого исходить... Все, что было наговорено про русскую идею, про русский народ-бессребреник (замечательная идея, очень полезная народам-сребролюбцам), про народ, которому ничего не нужно и т.д. и т.п., — все это должно быть целиком и полностью отвергнуто. Нам нужна власть, собственность и идейное влияние. Вот главное» («Лит. газета» от 30 мая — 5 июня 2007 г.)...

Стало мало русского в России.
Всё заморье к нам переползло,
Исподволь подтачивая силы,
Молча мировое сея зло.

Издаёт бесовские законы —
На костях устраивать пиры...
Отчего ж мы, русские, спокойны?
Потому что это до поры...

Жажда правды в поэзии Зиновьева вполне сопоставима с христианским подвижничеством: «Блаженны алчущие и жаждущие правды». Поэт не осуждает, не кликушествует, а обличает:

Уберите лавровый венец —
Никогда не ходил я в кликушах,
Но я знаю, что света конец —
Воцарение тьмы в наших душах.

Он проповедует, не зная покоя, и платит за это самую высокую цену, ведь он пишет кровью собственного чуткого сердца, а значит, добывает и его своей неизбывной мукой: «Ведь душа лишь болью / Выдает себя»:

Ужасная эпоха!
За храмом строим храм,
Твердим, что верим в Бога,
Но Он не верит нам.

Сентенция «все поэты — пророки» давно стала банальностью, но, если вдуматься, есть в ней какая-то великая и страшная тайна. Не случайно мистическая мудрость ветхозаветных старцев воскресает и в пророчествах нового времени:

И понял я на склоне дня,
Когда закат тек речкой алой:
«Не я свой крест, а он меня
Несет по жизни небывалой».

(«Крест»)

От мира — прогнившего склепа,
От злобы, насилия и лжи
Россия уходит на небо,
Попробуй ее удержи.

(«Исход»)

«Талант Зиновьева, — писал Валентин Распутин, — отличен от других еще и тем, что он немногословен в стихе и четок в выражении мысли, он строки не навевает, как это часто бывает в поэзии, а вырубает настолько мощной и ударной, неожиданной мыслью, мыслью точной и яркой, что это производит сильное, если не оглушающее впечатление»...

Стих мой и короток и сух,
Похож на щёлканье затвора.
Недаром, видно, вражий слух
В нём ловит нотки приговора.

Секрет этого впечатления заключен не в одной только мысли. Сама по себе мысль, пусть даже самая точная и «абсолютно» неопровержимая, — мертва, если ее не коснулось горячее дыхание жизни. Холодная мудрость прагматиков — не для России. Она верна разуму, а не рассудку: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом» (1 Кор. 3, 18–19). Сердечное сокрушение, терпение скорбей, внутреннее созерцание собственных грехов ведет к иному — к разумению истины. У лирического героя Зиновьева плач о своих грехах становится все-

общим. За его спиной — миллионы рыдающих и скорбящих. Тут и горькие вдовы, и инвалиды Чечни, брошенные дети и окоченевшие от холода старики, озлобленные безработные и отчаявшиеся матери... Целые реки русских слез. Вот отчего стало мудрым сердце поэта. Седым и поэтому мудрым.

Лирический герой стихотворений Зиновьева принимает в себя нашу боль — всю разом, страдая не только от подлых ударов врага, но и от исконной мягкотелости российской, от доверчивости бескрайней, от духовной дикости и обычной людской глупости. Его жизнь — это жизнь России, все остальное не суть важно. Россия страдает — и поэт горюет вместе с ней. Надеется на Бога — уповает на Него и певец. Такова земная доля печальника народного во все времена.

Россия для него — не страна, не государство, не территория. Она — Мать. И этим словом все сказано.

Николай Зиновьев знает и исполняет непреложный закон реалистической поэзии: «Ничего придумывать не надо, / Все уже придумано давно». Афористичность, безусловно, самая яркая примета его стиля, но далеко не единственная. Есть еще один идейно-художественный канон, который выдерживается до конца сборника: от земной юдоли — к душевному перевоплощению, а от него — к преображению духовному:

В так называемой глуши,
Где ходят куры по дорогам,
Я понял, кто я есть. Души
Своей ходатай перед Богом.

В лирике Зиновьева чувствуется несомненное влияние поэтики великого земляка Юрия Кузнецова: балладный шаг стиха, роковая схватка света и тьмы в нем, перелицованные притчевые сюжеты (в стихотворениях «Старинное оружие», «Новый мавзолей», «Левша», «Сон», «Чудак»); но здесь Юрий Кузнецов выступает скорее как союзник Зиновьева, он не подавляет «младшего по рангу» своим авторитетом и мощью. Зиновьев сам по себе значителен и наделен от Бога только ему известной сверхзадачей.

Поэт легко и непринужденно оперирует образами, ритмика его стиха разнообразна. Отталкиваясь от первой фразы, он плавно и спокойно плывет по течению русской речи:

Моей души пейзаж невзрачен,
Коль он бывает у души:
Река с водой непрозрачной,
Поломанные камыши.

И вдруг с размахом и ожесточением бьет тем же самым блоковским «золотым веслом» по ее зеркальной глади:

Они кормили голубей,
Потом катались в лодке зыбкой.
Он рыцарем казался ей,
Она была его улыбкой.

В обнимку всюду шли они,
Еще нескладны и неловки...
Кто знал, что вечером они
Умрут от передозировки?

(«Подростки»)

Свежесть и неординарность его слога заключается именно в этой абсолютной свободе, не приобретенной, а дарованной свыше. Ведь там, где любовь, — там и свобода.

Словарный запас поэта, несмотря на краткость и лаконичность его стихотворений, весьма богат и многообразен. Нет у него и ложной стыдливости, он не стесняется использовать — вкуче с библеизмами и классическими формулами золотого века русской поэзии — разговорную речь на самой ее грани:

Вполне понятное явление:

«Портвейн» мы пили, а не квас,
И вот теперь с недоумением
Глядит Христос: куда деть нас?

(«Потерянное поколение»)

В его стихах порой встречается своеобразная и неожиданная самоирония:

Земного владычица рая,
Прости, что слукавить не смог,
Но ты — мне опора вторая,
А первая — все-таки Бог.

Такое я мнение имею,
И истины нету другой.
Но все же куда я сумею
Допрыгать с одною ногой?

(«Еще жене»)

А порой — такой же ироничный, но грустный юмор:

Тесен мир. Уже не странно,
Вынув руку из кармана,
Ощутить чужую в нем, —
Что поделать, так живем.

Встречаются, к сожалению, в книгах Зиновьева и стихотворения, в которых нет образности, лишь одна прямая публицистическая речь («Несостоявшийся разговор о сталинизме»), но такие стихи все-таки большая редкость, что само по себе говорит о незаурядности его лирики и выдающихся ее качествах.

Николай Зиновьев, как и всякий человек и поэт, не безгрешен, бывают и у него промахи и ошибки, но то, что выходит из-под его пера — это настоящая русская поэзия, искренность и глубина которой подтверждена всей его жизнью.

Вот что пишет прозаик Сергей Шаргунов: «Здесь дышат почва и судьба, вот что. Зиновьев современный, он своевременный, он нужный, у него сердце болит за сегодняшний и всегдашний день родных людей. Он может самое сложное: писать легко и просто, но мастерски. Тихий скромный треснутый голос приобретает силу пророка и трибуна... Нет пустых стихов. Все слова — выразительны, точно подобраны, завязаны на финал. Каждое стихотворение заострено — афоризм, каламбур, парадокс, рассказанная история. Почти все неожиданны, оригинальны. И обязательно высокое соседствует с низким, пафосное с бытовым, что придает этим стихам античное изящество. Главное — знаете что? В стихах этих — искренняя боль» («Книги» с Сергеем Шаргуновым на радио «Вести ФМ» 21 августа 2010 года).

Литератор Петр Ткаченко подтверждает слова коллеги: «Его лаконичные, точные, бесстрашной искренности стихи подчас знают не только по книгам и публикациям, но запоминают и передают что называется из уст в уста, в чем мне приходилось убеждаться. Такого в нашей литературе последнего времени уже давно не было» («Так мне пророчествует лира» // Альманах «Соленая подкова» — <http://www.pohog.ru/aljmanah-solenaya-podkova-/tak-mne-prorochestvuet-lira.html>).

Летом 2010 года в «Литературной России» развернулась дискуссия о творчестве Н. Зиновьева. Началась она со статьи Владимира Шемшученко «Когда совсем нет света» (№ 25), — статьи на редкость злобной, несправедливой, полной зависти и откровенной лжи. Я послал в газету заметку в поддержку Зиновьева, но ее почему-то не опубликовали (наверное, опоздал).

Уровень дискуссии, особенно «интерпретации» некоторых стихотворений поэта, был удручающий. Складывалось впечатление, что его критики просто не знают элементарной вещи: художественный образ в поэзии — это не идеология, в нем скрыта масса смыслов, которые со временем только множатся.

О Владимире Шемшученко... Не раз говорили, что он поэт талантливый. Задолго до дискуссии я неоднократно изо всех сил пытался найти хоть искорку того дара, который отличает подлинную поэзию от стихотворчества, но не сумел. Теперь понимаю, почему.

Своим выпадом против Н. Зиновьева В. Шемшученко уничтожил не его, а себя. И этим поступком только подтвердил очевидное: он не верит в свой талант.

Зиновьев, кстати, ответил недоброжелателям:

Я самый слабый из поэтов,
К тому ж безграмотен на диво.
И нос мой красно-фиолетов
От самогона и от пива.

А вы все классики живые,
Уже вас в школах изучают.
Вы величины мировые,
Вас фейерверками встречают.

А я во тьме брожу кругами,
Я не нашёл свою дорогу,
Я пыль под вашими ногами...
Теперь довольны? Слава Богу.

(«Завистникам»)

Пожалуй, по-настоящему только Валентин Распутин сумел определить то место в русской поэзии, которое занято Зиновьевым, и только им: «В стихах Николая Зиновьева говорит сама Россия». Но там, «наверху», ее не слышат и не желают слышать...

Не только русский мир рушится — гибнет все, потому что, кроме нас, живущих в православной стране, некому удерживать «сынов Адама» на самом краю обрыва:

В погибающей нашей Отчизне,
Где живущим свет белый не мил,
Засыхает само древо жизни
И протяжно скрипит на весь мир.

(«Скрип»)

Поэт не выходит за пределы, поставленные Промыслом. Ведь «знают только свыше», что ожидает нас впереди. Впрочем, не мешало бы вспомнить вечные глаголы: «Испытания даются на благо, / Нет блаженнее русской души». Тем более что есть, есть утешение и в мире, пока видится в нем хотя бы капля ликующей радости:

Хоть каплю радости, судьба!
Яви отрадную картину.
Я вышел в степь, на луговину,
И что я там увидел, ба!

Зарю, что зорям всем заря —
Корову пасшего мальчишку,
Он Нового Завета книжку
Читал, губами шевеля...

Часть вторая. Ключ от русской души

Писать Николай Зиновьев начал примерно с 1982 года под впечатлением стихов, опубликованных в журнале «Кубань»: «Я купил журнал «Кубань», который у нас издавался, прочитал стихотворения и думаю: дай я напишу, ну, и штук 6-7 написал, отослал. Приходит мне письмо: приезжай. Я приехал, поговорил со мной редактор, кое-что подправил и дал в следующем номере мою подборку — это была моя первая публикация, которой я безумно гордился, даже гонорар получил: 66 рублей». В 1987 году в Краснодарском книжном издательстве вышла первая книга стихотворений Николая Зиновьева «Я иду по земле». Впрочем, сам Зиновьев довольно сдержанно к ней относится: «Из первой книжки у меня одно стихотворение вошло в книжку, в какую, не помню. «Куда меня ночь морозная вынесла», вот с такой длинной, не свойственной мне строкой. И мне сейчас кажется, что оно не моё». Подлинное признание поэта из провинции пришло позже, в 90-х годах, и само по себе оно было почти чудом. Стали выходить книги в московских и местных издательствах: «Полет души», 1997 г.; «Седое сердце», 1999 г.; «Дни, дарованные свыше», Москва, 2003 г.; «На самом древнем рубеже», Краснодар, 2004 г.; «Новые стихи», Москва, 2005 г.; «Я наследник любви и печали», 2007 г.; «Души печальные порывы», 2006 г.; «Вкус огня», 2007 г.; «На кресте», Новосибирск, 2008 г.; «Я — русский», стихи, Киев, 2008 г.; «Я — русский» стихи, Краснодар, 2008 г.; «Призрак оптимизма», стихотворения, Краснодар, «Советская Кубань», 2010 г.; «Дождаться воскресения», стихи, Ростов-на-Дону, «Ирбис», 2013 г.; «Ночной дневник», Ростов-на-Дону, «Ирбис», 2015 г.; «Стена», Ростов-на-Дону, «Ирбис», 2016 г.; «На родине», Ростов-на-Дону, «Ирбис», 2016 г.; «Сборник стихотворений» Краснодар, «Традиция», 2016 г., «Портрет неизвестного», Ростов-на-Дону, 2020 г. и др., многочисленные подборки стихотворений в различных журналах и газетах. Писатели Николай Дорошенко и Петр Ткаченко в один голос говорят, что «Николаю Зиновьеву удалось прорвать информационную блокаду, устроенную русской литературе. Причём, казалось, без каких бы то ни было усилий с его стороны... Николай Зиновьев покорила читателей не упованием на «новую литературу», а установкой на «классическую лиру», вполне осознавая, как это «несовременно», наконец, как это невыгодно в обществе...».

Об афористичности стихов поэта говорилось неоднократно. Композиция его стихотворений строится по раз и навсегда выбранному принципу: первая строфа даёт картину современности, вторая — подвергает её сомнению на прочность, с точки зрения христианской нравственности, и делается вывод:

По округе взор мой бродит:
Не крадётся ли где тать?
И врагов не видно вроде,
И России не видать.

Некоторые стихотворения состоят из одной строфы, другие — из нескольких, но структура их остается неизменной. Никуда не исчезло и зинovieвское чувство юмора:

Прогресса поступь мне знакома,
И ясен смысл его нагой:
Мы вышли в космос, а из дома,
Едва стемнеет — ни ногой.

Зинovieву часто ставили в упрёк то, что он пишет «на злобу дня». Ответ поэта был таким: «Пожалуй, я перестану писать на «злобу дня», когда исчезнет злоба, и настанет Вечный день, и Поэзия станет надсобытийной»; «сейчас, по-моему, просто кощунственно писать о розах, о соловьях...» — намек на слова Ф.М. Достоевского о стихотворении А. Фета «Шёпот, робкое дыханье, трели соловья...»: «Положим, что мы переносимся в восемнадцатое столетие, именно в день лиссабонского землетрясения. Половина жителей в Лиссабоне погибает; дома разваливаются и проваливаются; имущество гибнет; всякий из оставшихся в живых что-нибудь потерял — или имение, или семью. Жители толкаются по улицам в отчаянии, пораженные, обезумевшие от ужаса. В Лиссабоне живет в это время какой-нибудь известный португальский поэт. На другой день утром выходит номер лиссабонского «Меркурия» (тогда все издавались «Меркурии»). Номер журнала, появившегося в такую минуту, возбуждает даже некоторое любопытство в несчастных лиссабонцах, несмотря на то, что им в эту минуту не до журналов; надеются, что номер вышел нарочно, чтоб дать некоторые сведения, сообщить некоторые известия о погибших, о пропавших без вести и проч., и проч. И вдруг — на самом видном месте листа бросается всем в глаза что-нибудь вроде следующего:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья...

...Не знаю наверно, как приняли бы свой «Меркурий» лиссабонцы, но мне кажется, они тут же казнили бы всенародно, на площади, своего знаменитого поэта... Мало того, поэта-то они б казнили, а через тридцать, через пятьдесят лет поставили бы ему на площади памятник за его удивительные стихи вообще, а вместе с тем и за «пурпур розы» в частности. Выходит, что не искусство было виновато в день лиссабонского землетрясения. Поэма, за которую казнили поэта, как памятник совершенства поэзии и языка, принесла, может быть, даже и немалую пользу лиссабонцам, возбуждая в них потом эстетический восторг и чувство красоты, и легла благотворной росой на души молодого поколения. Стало быть, виновато было не искусство, а поэт, злоупотребивший искусством в ту минуту, когда было не до него...». То, что это не догадка, а подлинная мысль Н. Зинovieва,

подтверждает он сам: «А вот не помните, как у Достоевского о поэте, который сказал одни и те же слова, а после землетрясения — его рукописи разорвало, а потом пришёл другой поэт и сказал те же самые слова, и его подняли на руки».

Но в последние годы социальность в стихотворениях Зиновьева стала уходить на второй план, точнее, в глубину постижения духовных причин происходящего с нами. Так, в одной из подборок 2012 года на сайте газеты «Российский писатель», состоящей из 17 стихотворений, чуть ли не в каждой строфе присутствует библейская лексика: «Безверье, рабы грехов, Бог, небесная рать, ад, рай, Второе Пришествие, молитва, юдоль, Небесное Царство, нечисть, воскресенье...» Неужели лирик ушёл в так называемую «духовную поэзию», стал православным поэтом? Сам Зиновьев это отрицает, но с оговоркой: «Если я скажу «да», то в этом будет какой-то элемент гордыни, если же «нет», в чём-то солгу. Пока сказать, как требует Святое Писание: «Да — да или нет — нет» — я, к сожалению, не могу. Но мне очень бы хотелось БЫТЬ православным поэтом». Зиновьев понимает, что дело не в тематике, не в лексике, не во внешних признаках «православности» поэзии, а в подлинности её содержания: «Хорошая поэзия — от Бога. Несомненно, в ней, как и в религии, много мистики, порой она алогична, но всегда — истинна. А поэзия не от Бога — лжива, надуманна, прикрывает свою неискренность какими-то блестками, словесной пиротехникой, постоянно меняющимися «новыми формами». Разумеется, хорошая поэзия — это не только гражданская и любовная лирика. Тема не так важна. Она может быть надсобытийной — едва уловимое движение души, необъяснимый поворот мысли, неожиданно нахлынувшее чувство... Все, что связано с нашим бытием, — со-бытие. А что над бытием? Только Бог, который непостижим. А как можно писать о непостижимом? Только каким-то непостижимым образом и никак иначе. Вот для этого Богом нам и дана поэзия...».

Ту же мысль он высказывает и в стихотворении «Собрату по перу»:

Хочешь знать, где я был?
В этом нету секрета.
Я в себя уходил
Не на миг — на все лето.
Исхудавший как пес,
Я вернулся обратно.
Что оттуда принёс,
Записал аккуратно:
«О душе не пиши
Так темно и убого,
Знай, от русской души
Ключ хранится у Бога».

Поэтические перемещения в пространстве и времени удобнее всего проводить на страницах лирического дневника: «Веду уже я много лет / Дневник (или ночник?) души». Одна из недавних подборок стихотворений Зиновьева так и называется: «Из дневника» (2016). Это не просто лирические записи личных впечатлений и переживаний, это летопись судьбоносных событий:

Не пишу об Украине
По одной простой причине:
Я с ума сойти боюсь
И молюсь, молюсь, молюсь.

Впрочем, молиться надо не только сердцем, но и разумом. Зиновьев ставит в тупик всех тех, кто известный евангельский призыв молиться «за врагов» считает универсальным. Поэт отвергает этот бездумный штамп:

Сердце ноет. Время мчится.
Мать с утра печет блины.
Не могу я научиться
Много лет уже молиться
За врагов моей страны.
По ночам мне снятся старцы, —
Не могу припомнить всех, —
Говорят они: «Сквозь пальцы
Смотрит Бог на этот грех.
Если мы тебе явились,
Значит, нет в тебе вины.
Мы и сами не молились
За врагов своей страны».

«...Ближним сегодня считаются все, кто ни попадя, — пишет Н. Зиновьев, — любой, оказавшийся рядом с нами, «в контакте», так сказать. Вы спросите: кто же на самом деле близок православному христианину? Обращаясь к святоотеческой литературе, можно сказать, что только единоверный, единокоренный, соратник. И никто другой! Только за такого человека — ближнего своего — Господь призывает «положить душу свою». Игумен Борис (Долженко) объясняет:

«Любите врагов ваших». Речь идет о врагах личных, вражда с которыми возникает по обыденным, бытовым причинам, но никак не о врагах Отечества или врагах Божиих.

К врагам Отечества относятся те, кто сознательно покушается на его границы, политическую и экономическую независимость, а также на само бытие народа, или на те основы народной жизни, без которых он не может существовать. Это нравственность, культура, историческая память, рождаемость, здоровье, прожиточный минимум и другое подобное.

К врагам Божиим, без сомнения, следует отнести бесов, затем сознательных служителей сатаны; с некоторыми ограничениями и тех, кто открыто и нагло попирает закон Божий, борется с христианством и Церковью.

Хорошо высказался по этому вопросу митрополит Московский Филарет: «Люби врагов своих, бей врагов Отечества и гнушайся врагов Божиих».

Непонимание (и неисполнение) фундаментальных нравственных законов — главная причина происходящего в стране:

Мы перестали быть народом,
Мы стали рыночной толпой, —
Толпа редет год за годом
И тает в дымке голубой.
Наживы ветер всюду свищет,
И карлик смотрит свысока.
А выход где? Никто не ищет,
Хотя он есть наверняка.

Интересно, что в этом стихотворении присутствует прямая перекличка с известными стихами иеромонаха Романа:

Вожди живут себе в угоду,
Во власти полный паралич.
Мы перестали быть народом —
И засвистел кавказский бич...

Спорить приходится не с отцом Романом, а с теми, кто не видит истока наших всеобщих бедствий — давней повреждённости души:

Это свиньи утонули.
Бесы выжили вполне.
Что им время? Дотянули.
И вот несколько — во мне.

Что вы вздрогнули-застыли?
И не надо прятать глаз,
Остальные бесы в вас,
Просто вы о них забыли.

Так вот с бесами и ходим
Много лет уже подряд.
Нам и в справках пишут: «Годен»,
Но куда не говорят.

Помрачнели ваши лица?
Выход есть. Один. Молиться.

Не только духовные опоры держат нас на земле, исторический опыт переплетается с личным:

Вот старый пруд с рекой в соседстве,
Пищит кулик среди куги.
А по воде бегут круги
От камня, брошенного в детстве.

(Видение)

Поэтический образ несёт в себе ещё и мистическое восприятие времени, в котором «...один день как тысяча лет, и тысяча лет как один день».

Я сегодня дежурный по классу,
Я полил все цветы на окне,
Стёр с доски непотребную фразу,
Я сегодня на белом коне, —
Я и весел, и горд, и послушен...
Но теперь, через тысячу лет,
Ощущенья того, что я нужен
Не себе одному, больше нет.

(Из детства)

В народе о разрыве времён говорят с чёрным юмором: «Кем ты был в прошлой жизни?» Политики старательно обходят этот скользкий вопрос стороной, поэт же воспринимает время по-своему, «с точки зрения вечности». Подлинно лирическими становятся только те стихотворения, в которых есть подобные образы, а не

просто сентенции «по случаю». Лучшими, на мой взгляд, являются следующие стихотворения Зиновьева: «Талант от Бога скорбен духом...», «Это свиньи утонули...», «Два отца», «Воспоминание», «Глядят с икон святые лики...», «Я в детстве жил на берегу...», «Не обмануть души поэта...». «Из детства», «Безответное», «Старушка»:

Седая, в беленьком платочке,
Суха, как пламя, и быстра,
Идет из храма, где с утра
Молилась о запившей дочке.

Молилась слезно и о сыне,
Который был убит давно
Среди чужой и злой пустыни,
Но для нее жив все равно...

Придя домой, заварит чая
Из трав заброшенных полей,
Так и живет, не замечая
Ни лет, ни святости своей.

После такого стихотворения обвинять поэта в унынии и пессимизме опрочетливо, но обвинения в его адрес идут одно за другим: «Пессимизм захлестнул его лирику и берёт в свои цепкие руки души читателей... Большинство лучших стихотворений Николая Зиновьева, к великому сожалению, порождает у читателей отчаяние. А отчаяние — это капитуляция духа. Ничто так не подрывает веру в свои силы, как неверие в них. В этом, на мой взгляд, главная беда поэта» (Валерий Румянцев); «Удивительным образом повлияло, по-моему, погружение в веру: вместо радости она принесла уныние, сомнение, самобичевание...» (Ольга Сумина. — Позднее она увидела «прежнего Зиновьева». — В.Б.); «Не грех ли такое уныние, дорогой Николай Александрович, для верующего человека?» (Валентина Ефимовская). Думается, здесь произошло недоразумение в восприятии наиболее откровенных лирико-философских признаний автора. Его скорбь — не уныние, а видение и осознание своих грехов, что само по себе — добродетель («Блаженны плачущие...»). Ответом Валентине Ефимовской стали, вероятно, следующие строки Зиновьева:

А ощущать свою греховность,
Как говорится, в полной мере —
И есть та самая духовность,
Что пролагает тропку к вере.

В чём можно упрекнуть Зиновьева, так только в «грехе», свойственном чуть ли не всем литераторам, — в спешке. Некоторые стихотворения, в которых присутствует мысль, но нет образности, можно было не публиковать, доработать, дать им «отстояться»: «Он для общества член не полезный...», «Я из страны, где радость умерла...», «Вот грибочки, вот капуста...», «Мелькает в мыслях разное...» Этот вечный спор между душой поэта и внутренним редактором можно разрешить только во времени. Да, порой у Зиновьева «стихи небезупречны — безупречна Поэзия. А Поэзии в стихах Николая — бездна» (Александр Суворов). Кстати, не только в поэзии: «Любому будущему историку, который начнёт изучать

последний четвертьвековой период в истории страны, надо будет сначала прочитать всё, написанное Зиновьевым, а потом уже приступать к изучению материала, который ему понадобится. Именно такая последовательность даст правдивый взгляд». (Юрий Брыжашов). Почитатели поэзии Зиновьева благодарны ему в главном: «Дорогой Николай! Слежу за вашим творчеством и радуюсь тому, что вы — моя духовная поддержка в нашей чудовищной действительности...» (Нина Черепенникова). Остаётся надеяться, что эта поэтическая сила слова будет нам помогать ещё очень и очень долго.

Часть третья. Мотив ностальгии в поэзии Н. Зиновьева

Я был в раю, и время то
До самой смерти не забуду,
Хотя в заношенном пальто
Мальчишкой я уже не буду.

Всем с восхищеньем говорю,
Терпя теперешние боли:
«Ребята, я ведь был в раю!
Чего ж еще желать мне боле?»

Ностальгия (от греч. *nostos* — возвращение и *algos* — боль) — явление широко распространенное в современной России. «Россияне затосковали по Советскому Союзу: число сожалеющих о распаде СССР достигло максимума за последнее десятилетие. Таковы данные опроса «Левада-центра» (признан иноагентом). Сейчас ностальгию по советскому государству испытывают две трети россиян, в течение 10 лет этот показатель не поднимался выше 61%. Основные причины, по которым россиянам не хватает Советского Союза, — это разрушение единой экономической системы и потеря чувства принадлежности к великой державе».

Кинорежиссер Карен Шахназаров добавляет конкретики, когда говорит о преимуществах советского строя: «Уровень образования. На мой взгляд, в СССР он был очень высоким. Гораздо выше, чем сейчас. Включая и уровень образования обычных людей. Но главное, что я не могу забыть, в Советском Союзе была какая-то внутренняя энергия. Мечта. Цель. У СССР была цель. Которая, к сожалению, сейчас в нашей жизни не просматривается... . СССР — несомненная вершина российской цивилизации, потому что в СССР единственный раз за последние 500–600 лет незападная страна сумела — в технологиях — превзойти западные».

Для большинства из нас гибель СССР стала катастрофой. Это был не только огромный тектонический разлом наций и территорий, а слом прежде всего метафизический, смысловой, перекалечивший всех без исключения, — даже тех, кто презирает прошлое (их, видно, ударило особенно крепко). Наиболее известное стихотворение, посвященное этой теме, стало хрестоматийным:

У карты бывшего Союза
С обвальным грохотом в груди
Стою. Не плачу, не молюсь я,
А просто нету сил уйти.

Я глажу горы, глажу реки,
Касаюсь пальцами морей.
Как будто закрываю веки
Несчастной Родине моей...

(Николай Зиновьев)

Не стоит укорять автора за сентиментальность, ностальгию и поэтизацию империи, которая, конечно же, была далеко не идеальной. Ведь память сердца неизбывна. Глеб Горбовский, поэт той эпохи, дал в свое время отповедь всем тем, кто склонен видеть в прошлом только атеизм и ничего более:

И пусть — дракон ее язвы —
Жизнь пропиталась липкой ложью...
Ведь ностальгия по любви —
Не ностальгия по безбожью.

На самом деле это поколение — не потерянное, наоборот, его уникальный жизненный опыт (Максим Амелин, например, с удивлением пишет: «Мне тридцать лет, а кажется, что триста...») позволил соединить несоединимое: в нашей памяти соседствуют и пионерские песни и «Отче наш»:

Нет! Сквозь елей церковных песнопений
Я вижу — от молитвы горяча,
Безбожница в четвертом поколенье
Слезами оплывает, как свеча.

Сжигает душу-живу, чтоб отныне
На этом смутном страшном вираже
И крестные, и красные святыни
Единокровно ужились в душе.

(Диана Кан)

Владимир Скиф — лишь один из многих поэтов, ностальгирующих о «прошлой жизни»:

Иней в ночь насыпал проседи,
Равнодушный космос мглист.
Позлащённый в горне осени,
Мне из тьмы сияет лист.
Он один такой, оставшийся
От сердечной и простой,
В прошлом веке затерявшейся,
Невозвратной жизни той.

Речь идет о так называемом «застое» (1965–1982 годов), презираемом нашими либералами и мифологизированном ими до чудовищной степени.

Поэт Николай Зиновьев вспоминает:

Мне всего двенадцать лет.
Горя я еще не видел.
Дымом первых сигарет
Пропитался новый свитер.

На экране Фантомас
С комиссаром бьется лихо.
Там стреляют, а у нас — тихо.
Не до этого, мы строим
Тыщи фабрик и дворцов.

Назовет потом «застоем»
Это кучка подлецов.
На уроках я скучаю
И гляжу воронам вслед.
Мне всего двенадцать лет,
Счастья я не замечаю.

(«1972 год»)

И он в своих ощущениях не одинок. Вот еще одно свидетельство из прошлого: «Земля, ее недра при Советской власти на самом деле принадлежали народу. Плата за газ, отопление, свет, воду не отягощала бюджета семьи (как и квартплата). Граждане Туркмении, например, и сейчас чувствуют, что нефть у них действительно достояние народа. У нас квитанции ЖКХ вызывают сердцебиение, нервные расстройства. Моя семья за отопление и горячую воду ежемесячно платит столько, сколько стоит недорогое золотое кольцо (и это при теперешней цене на золото), т.е. наш народ золотом платит за нефть, которая по конституции принадлежит народу. А цены на холодную воду, газ, свет — фантастические! Кстати, и в лес мы, говоря словами Высоцкого, «ходили безбоязненно». Теперь даже не верится, какими сказочно низкими были цены на транспорт. Смешные деньги мы платили за билеты на самолет, а не только на поезд. А сколько копеек, именно копеек, стоили билеты в метро, на трамвай, автобус, троллейбус?

При Советской власти люди ездили к родным на юбилеи, свадьбы, похороны близких, есть ли теперь такая возможность у большинства? Нас практически лишили возможности общаться. Раньше в праздники люди засыпали друзей и родных поздравительными открытками. Теперь пенсионеру, чтобы поздравить даже одного друга, надо заплатить 40-50 руб. за приличную открытку.

Трещат, что зарплаты у нас были маленькие. А вы прибавьте к ним деньги за бесплатное образование, лечение, дешевый транспорт, доступные цены на книги, прессу, театр, кино, музеи, спорт, низкую стоимость услуг ЖКХ? Не такой уж маленькой была бы у нас зарплата.

Мы гордились своей страной. А это дорогого стоит. Мы гордились челюскинцами, ворошиловскими стрелками, сталинскими соколами: В. Чкаловым, Г. Байдуковым, А. Беляковым, М. Расковой, П. Осипенко, В. Гризодубовой... Гордились стахановцами, лучшим в мире метро, Днепрогэсом, Комсомольском-на-Амуре, нашими театрами, балетом, фильмами, которые признал шедеврами уже тогда весь мир («Броненосец Потемкин», «Пышка»), гордились Великой Победой, Верховным главнокомандующим генералиссимусом И.В. Сталиным, при появлении которого Черчилль и Рузвельт испытывали желание встать. Мы гордились нашими успехами в науке, космосе, спорте. Наши хоккеисты и мастера фигурного катания пользовались такой всенародной любовью, что даже медсестры в госпитале не решались выключить телевизор до окончания матча или соревнования на первенство мира: во-первых, это явно сказалось бы на самочувствии больных, а во-вторых, они сами, будучи горячими патриотами, не могли оторваться от экрана.

Скажите, положив руку на сердце, можем ли мы сегодня гордиться страной? Страной, где планомерно проводится геноцид народа, где не удается остановить его вымирание, где миллионы бомжей и беспризорников, безработица, где сотни тысяч матерей мечтают о «железном занавесе», оберегающем их детей от наркотиков, насилия педофилов, преступности. Нельзя гордиться страной, где тотальная коррупция, где не может быть равных возможностей для всех граждан, если нет бесплатного образования. Нельзя гордиться страной, где постоянно гремят взрывы, почти ежедневные теракты, пожары, в которых заживо сгорают старики.

Хозяином земли, ее недр, шахт, заводов, фабрик, пароходов должен быть только народ. Никаких «работодателей», хозяев предприятий. Ценности социализма вошли в плоть и кровь советского человека. Все ли было так хорошо, почему распался Советский Союз — это совсем отдельная тема. Но могу твердо заверить — будущее все равно за социализмом».

Предстоятель Русской Церкви Святейший Патриарх Кирилл считает, что советский народ оставался религиозным, сохраняя христианские нравственные ценности: «Если говорить о коммунистической идее, то, по крайней мере, в нашем российском изложении, в нашей национальной интерпретации эта идея заимствовала христианскую этику», — заявил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в авторской программе на «Первом канале» «Слово пастыря». — «Вообще возникло странное явление. Бога ликвидировали, марксистская философия Бога отрицала, а этику христианскую заимствовала, и получилось так, что у нас общество формально атеистическое жило, тем не менее, по принципам христианской этики. Общество, конечно, так в полной мере не жило, а вот господствующие этические взгляды укладывались, может быть, не в полной мере, но, тем не менее, укладывались в схему христианских нравственных ценностей. И поэтому все то доброе, что происходило в советское время, в том числе и героизм людей, подвиг, в том числе и межнациональный мир, который имел место, и многое другое, было обусловлено не атеистической идеологией, а рудиментарной религиозностью, которая жила в нашем народе и поддерживалась этической системой, которая была принята в стране».

Известный русский историк Игорь Фроянов прокомментировал слова Предстоятеля Русской Церкви о религиозности советского народа: «Святейший Патриарх Кирилл уловил некие подспудные моральные течения в человеческой жизни вообще и, в частности русского народа. Связь коммунизма с христианской этикой, Христианством, в принципе подмечена давно. Давно существовало представление о схожести социализма с Христианством. Существует даже такое понятие, как «христианский социализм». Думаю, что Патриарх правильно указал некоторые общие тенденции между христианской и коммунистической идеей, между христианской и коммунистической моралью. Ведь христианская идея, в сущности, коммунистическая идея, если, конечно, отбросить ее атеистическую компоненту. Все остальное в коммунистическом учении тесно соприкасается с Христианством».

Писатель Валентин Распутин говорил: «Советское имеет две характеристики — идеологическую и историческую. Была петровская эпоха, была николаевская, и люди, жившие в них, естественно, были представителями этих эпох. Никому из них и в голову не могло прийти отказываться от своей эпохи. Точно так же и мы, жившие и творившие в советское время, считались писателями советского периода. Но идеологически русский писатель, как правило, стоял на позиции возвращения национальной и исторической России, если уж он совсем не был зашорен партийно.

Литература в советское время, думаю, без всякого преувеличения могла считаться лучшей в мире. Но она потому и была лучшей, что для преодоления идеологического теснения ей приходилось предъявлять всю художественную мощь вместе с духоподъемной силой возрождающегося национального бытия».

Исчерпывающий вывод делает философ Александр Молотков: «Может быть оправдан антикоммунизм как несогласие с марксистской идеологией, но не может быть оправдан антисоветизм — как непризнание общенародного советского выбора, ставшего новым историческим воплощением русской цивилизации, олицетворением Родины и Отчизны. Здесь любой антисоветизм оказывается предательством — политический и либеральный, зарубежный и почвенный, националистический и православный. Ибо предается сама национальная история в ее Реальности, отрицается Промысел Божий, ее определяющий.

Парадоксально: бывший отсталый Китай, мудро сохранивший во «времена перемен» свое «советское» прошлое, уверенно выходит в мировые лидеры; а еще недавно могучая Россия, упорно отрекаясь от него, — умирает и вырождается. Что может быть нагляднее?!».

Для Николая Зиновьева ностальгия — сквозная тема (есть даже стихотворение с таким названием!), постоянный мотив. Поэт называет себя «гражданином несуществующей страны», в которой «жизнь была на жизнь похожа», где «жизнь текла, а не казалась», но парадоксальным образом, силой поэтического слова, он отправляет нас в будущее, в котором всё возродится:

Всем счастья и здоровья!
В степи встает рассвет.
Гоню пасти коров я,
И мне двенадцать лет.

Летает в небе птица,
Течет в реке вода.
Всё это повторится.
...Не спрашивай, когда.

(«Мистика»)

Убежденность поэта в том, что ностальгия поможет сохранить память о прошлом и подготовит Россию к неизбежным социалистическим преобразованиям — не просто хороший знак, это поэтическое пророчество. А такие пророчества обычно сбываются...

Часть четвертая. Пророческие стихи Николая Зиновьева: опыт прочтения

Николай Зиновьев обладает редчайшим свойством предвидения. Как отмечает Л.И. Соболева, «пророк воплощает власть духовную — и противопоставлен власти земной». Одаренность в таком случае дается «бесплатно», а вот все остальное — тяжелейшая работа мысли. Стихотворение Николая Зиновьева «Спасет ли нас небесный витязь...» написано за несколько лет до известных событий, но его содержание — сегодняшнее:

Спасет ли нас небесный витязь
Или взликует воронье?
Наденьте чистое белье
И, на колени встав, молитесь!

Сбежали крысы все из трюма
К заокеанским берегам.
А мы спокойно и угрюмо
Глядим в глаза своим врагам.

Еще более давнее пророчество — стихотворение «В детском саду», конца 1990-х годов!..

Над клумбой бабочки порхают,
И небо льется синевою.
В тени песочницы играют
Солдаты Третьей мировой...

В 2013 году Зиновьев, размышляя о новом веке, соединил прошлое и будущее одним трагическим бытийным содержанием:

Ночью звездною по речке
В утлой лодочке скользя,
Понял я, что вновь от печки
Начать жить никак нельзя.

Все что было — в горле комом,
Но дает душе покой
То, что в веке незнакомом
Те же звезды над рекой.

Те же ивы, те же вербы,
Тот же тихий плеск волны
Успокаивает нервы.
И как будто нет войны...

Зиновьев тысячу раз подумал, и многое прочел, прежде чем создал стих «Враг народа»...

Боящийся шороха мыши,
Покорный всегда, как овца.
Считающий всех себя выше.
Забывший и мать, и отца.
Не ищущий истины-брода.
Прислуга на шумных пирах.
Носящий лишь званье «народа».
Такого народа — я враг.

Мы все привыкли в неурядицах и поражениях винить власть, высшее руководство, и не без оснований. Однако и на нас лежит вина в том, что происходит. Святой праведный Иоанн Кронштадтский писал: «Земное отечество страдает за грехи царя и народа».

До военных очистительных событий большинство народа жило только материальными интересами, забыв о духовной войне добра и зла: «Корень всех зол, всех грехов, власть дьявола над душами человеческими — в любви к материальным ценностям, к миру и тому, что в нем. Если бы люди исполнились подлинной решимости рассчитаться со своими грехами, Господь тотчас же даровал бы им жизнь и радость. У Него всегда есть, что нам предложить взамен нашего убожества. Но вот, поставленные перед необходимостью отказаться от своих грехов и от своего мнимого богатства, люди предпочитают оставить своего Спасителя», — пишет протоиерей, писатель Александр Шаргунов. А потом невидимый бесовский легион стал видимым: «В Евангелии от Марка Христос спрашивает бесноватого: «Как тебе имя?» И тот отвечает, вернее, бесы за него отвечают: «Легион имя мне, потому что нас много». Легион — это огромное войско. Бесы воюют против Бога и человека. И в сегодняшней войне против православия и нравственных устоев легионы бесов вторгаются в нашу Россию. Особенность последней, третьей мировой войны — соединение войны земной и войны небесной. Одновременно организуются легионы враждебных России формирований, чтобы уничтожить ее. И для подавления всякого сопротивления сатанинская власть будет готова использовать легионы, в буквальном смысле, мировой военной силы. «Нас много», — хвастаются бесы, и в этих их словах вдруг начинает звучать как бы вызов Самому Христу. «Нас слишком много, чтобы кто-то мог нас одолеть. Нас много, и мы едины». Бесов много, но они — один легион, направленный на осуществление единой цели. Сколь зловещим может быть единство без добра, без истины, без Христа! И мир, мы знаем, все более устремляется к такому единству. Какая это грозная сила! Кто устоит перед таким легионом? Какой человек, какой народ, какое человечество? Мы не можем сказать, что у нас достаточно сил, чтобы отразить нашествие наших врагов, видимых и невидимых. Но в Господе и с силой Его мы можем победить».

Да, наступили тяжелые времена для всех. И только Бог не подведет, не обманет:

В который раз нам это слышать:
«Вновь у ворот стоит беда.
Сцепите зубы, надо выжить»,
О, Господи, а жить когда?!

Психолог Л.П. Репина дает краткое определение понятия «историческая память»: «Историческая память понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы), или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом — как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом...». Именно она нам и поможет в тяжелейших испытаниях:

Вновь стучится война у ворот,
Что-то страшное с нами случится,
Но меня успокоил народ:
«Да она к нам с рожденья стучится.

Ты в минувшее наше взгляни:
И отцы воевали, и деды,
Потому что, увы, без войны
Никогда не бывает Победы»...

(«Глас народа»)

Еще одна беда подтачивает силы — ложь откровенная, привычная, ставшая частью природы:

Ложь проникла повсюду, как газ.
Лгут министры вовсю Президенту.
Президент лжет, не глядя на нас.
Ложь взяла наши души в аренду...

«Пятая колонна» не исчезла, не сбежала, ее представители сидят во власти, более того, как отмечал Ф.М. Достоевский, «они всё ещё продолжают смеяться над народом, хотя и заметно притихли их голоса. Почему же они смеются, откуда в них столько самоуверенности? А вот именно потому-то и продолжают они смеяться, что всё ещё почитают себя силой, той самой силой, без которой ничего не поделаешь. А меж тем сила-то их приходит к концу. Близятся они к страшному краху, и когда разразится над ними крах, пустятся и они говорить другим языком, но все увидят, что они бормочут чужие слова и с чужого голоса...».

Наша сила таится в божественных откровениях Евангелия:

Россия воскреснуть должна! —
Мы чуть не в литавры забили,
А мысль, что безмерно важна,
Забыли.

Голова готова треснуть,
Коль её в виду иметь:
Для того, чтобы воскреснуть,
Прежде надо умереть.

Эта битва происходит не только на войне. Вот что писал Святитель Игнатий Брянчанинов: «...Кто таким образом очищает любовь от самолюбия и страстия, тот обретает в себе чистую любовь, любовь в Боге. Для приобретения этой любви заповедано нам самоотвержение; такое значение имеют слова Господа: «Иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю» (Мф. 16:25). В этих словах повеление соединено с обетованием. Напротив того, кто вздумает найти душу свою в исполненном обольщений мире, т.е. захочет исполнять свои неочищенные пожелания, тот погубит ее. В самоотвержении — спасение».

В заключение приведем не апокалипсическое, а счастливое пророчество Николая Зиновьева:

И все ж, несмотря на все беды
И множество грустного,
Таится в крови ген Победы
У каждого русского.

Пока мы выносим все пытки,
Из вечности скачет гонец,
Он свиток везет, в том свитке
Одно только слово: «Конец».

Конец истязателям нашим,
Исчезнут они навсегда.

Мы снова поля свои вспашем,
Построим опять города.

Исчезнут все прежние беды,
Забудем о всех подлецах.
Таившийся в нас ген Победы
Опять загорится в сердцах.

(«Ген Победы»)

Вместо заключения: «Поэты не рождаются случайно...»

ТВОРЧЕСТВО КОРЕНОВСКОГО ПОЭТА Н.А. ЗИНОВЬЕВА. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАКЛАДКА.

Николай Александрович родился 10 апреля 1960 года в городе Кореновске Краснодарского края. Н.А. Зиновьев член Союза писателей России с 1993 года, лауреат многих престижных литературных премий, конкурсов, имеет различные награды, в том числе лауреат международных конкурсов. Он «Заслуженный деятель искусств Кубани», «Герой труда Кубани», «Почетный гражданин города Кореновска». Николай Александрович — автор более 3 десятков поэтических сборников, вышедших в Москве, на Кубани, в Иркутске, Киеве, Новосибирске, Ростове. Стихи переведены на армянский, белорусский, чешский, хорватский и другие языки. В его книгах стихи, искренние и взволнованные, никого не оставляют равнодушными. Они пронизаны глубоким, трепетным сыновним чувством. Любовью к человеку, любовью к Родине. Он считает себя в ответе за все, что происходит в России. Стихи поэта всегда обращены к самому сокровенному в душе каждого — к истокам. Родная земля, родная вера, родной дом — вот, что держит человека в любых испытаниях, не дает сломаться. Песни на стихи кореновского поэта «В степи», «Благовест», «Русская дорога» исполняет Государственный академический Кубанский казачий хор, они входят и в репертуар известных исполнителей. Его стихи ценят за глубокий патриотизм, за четкость выражений и за гражданскую позицию» (https://vk.com/wall-204698512_95).

Николай ДОРОШЕНКО, секретарь правления Союза писателей России, директор издательства «Российский писатель»:

«Один из крупнейших современных поэтов — Николай Зиновьев, пожалуй, является единственным, кто вполне преодолел затянувшуюся уже на четверть века информационную блокаду русской литературы. Будучи человеком непубличным, истинным затворником, он, тем не менее, стал самым цитируемым поэтом если и не в литературных статьях, то — в самой нашей устной речи от Сахалина до Калининграда. Так что даже и в детективном телесериале «Версия» интеллектуал-следователь Желвис вдруг мимоходом декламирует уже как хрестоматийные вот эти зиновьевские строки: «И человек сказал: «Я русский», //И Бог заплакал вместе с ним».

Кто-то однажды сказал мне, что Зиновьев — поэт одной ноты. Возражая, я пару лет назад издал его «Избранное» из восьми разделов, из восьми раз но-

чащих «нот». При этом я понимаю, что в русской литературе пока еще слишком непривычен и необычен поэт абсолютно светский, но принявший судьбу поэта с той высочайшей духовной сосредоточенностью и личностной ответственностью, с какой постигаются лишь в монахи. Да, монах и плачет, и смеется только как монах. Так и Николай Зиновьев уже давно не написал ни одного светского слова, ни одной строчки в авторском восторге перед их самодостаточной красотой. Поэзия его куда более плотна, чем повести о Руфи или Эсфири, она, как гнев и плач Исаяи или Иезекииля, лишена телесности, обращена лишь к высочайшим смыслам нашего краткого бытования на земле.

Впрочем, если уж обстоятельнейше поискать то, что в мировой поэзии было зиновьевской поэзии подобно, то как не вспомнить вот эти, высеченные в мраморе, строки Симонида Кеосского на месте величайшего Фермопильского сражения: «Путник, пойди возвести нашим гражданам в Лакедемоне, // Что, их заветы блюдя, здесь мы костями полегли». И это дает мне право считать поэзию Николая Зиновьева в высшем смысле оптимистичной. Только вера в то, что русский человек и русский народ не исчезает сегодня с лица земли, а всего лишь терпит на переднем крае в мировой битве со злом, придает, скажем так, невеселой интонации зиновьевской поэзии значение воистину животворное, для жизни вечной оберегающее в нас образ и подобие Божье».

ЕВГЕНИЙ ХАРИТОНОВ

«От войны и до меня залп ракетного огня...»

* * *

Между мною и войной —
Меньше часа по прямой.
От войны и до меня —
Залп ракетного огня.

Здесь, на западе страны,
Сёла в коконе войны.
И с разорванным лицом
Хата матери с отцом.

ХАРИТОНОВ Евгений Николаевич родился и живёт в г. Белгороде. Член Союза Белгородских литераторов. Автор двух поэтических сборников: «Абрикосовая осень» (2022) и «Мотыльки» (2023). Лауреат международных и всероссийских литературных конкурсов. Публиковался в периодических изданиях России и стран СНГ: «Наш современник», «Молодая гвардия», «Литературная газета», «Подъем», «Берега», «День и ночь», «Александръ», «Пересвет», «Нижний Новгород», «Приокские зори», «Невский Альманах», «Воин России», «Краснодар литературный», «Крым», «Северо-Муйские огни», «Звезда Востока» и в других изданиях. Стихотворения Харитонова переведены на белорусский, украинский, ингушский языки. Живёт в г. Белгороде.

Нежданный гость

Ложатся осени янтарные оттенки
Поверх извилистых дорог и тротуаров.
Туман застенчивый, белей кофейной пенки,
Плывёт в объятия проспектов и бульваров.

Смотрю в окно. А в это время из-под рамы,
Сдувая пыль и вековую паутину,
Сквозняк задиристый, подобно хулигану,
Со свистом треплет мне дырявую штанину.

И пусть он гость в моём убежище незванный,
Я не сказал ему, приставшему, об этом.
В осенний день, такой спокойный и желанный,
Хоть кто-то в дом решил пожаловать к поэту.

* * *

У костра бойцы сидят,
Разговор не клеится.
Поутру был жив бурят,
А теперь... Не верится.

Разгорается в груди
У солдат пожарище.
Хоть буди, хоть не буди —
Крепок сон товарища.

Что ни день, то на краю —
Так всегда — с разведкою,

Сколько он спасал в бою
Верной пулей меткою.

А теперь в одном строю
Павших в ополчении.
Нынче даже не поют
Соловьи вечерние.

Хоть огонь костра погас,
Парни не расходятся.
За бурята, за Донбасс
Тихо Богу молятся.

Города

В глухой асфальт закатаны луга,
От бывших рощ едва найдутся щепки.
А небо, прежде синяя дуга,
На вид не лучше выстиранной кепки.

По ржавым трубам мечется родник,
Его теперь не выпить без фильтраций.
Лишь птичья трель — унылый проводник
В потерянный уют цивилизации.

Осень в деревне

Утихло летнее веселье.	Земля, листвою набив карманы,
Ветра, схватив в ладони косы,	Готова впасть до марта в спячку.
Срезают листики с деревьев,	И только кони равнодушны,
Как рожь мужи на сенокосе.	Что всё в округе по-иному.
Дымят без устали туманы,	В дощатой дедовской конюшне
Укрыв в речном затоне прачку.	Смакуют мордами солому.

Сводки

Этой ночью опять не уснёт старый пёс Аполлон,
Хоть усталость заметна в его беспокойной походке.
И, прижавшись к ногам, по-собачьи расплачется он
От разрыва вдали... Ну а после, из утренней сводки,

Как ни в чём не бывало мы снова прочтём имена
Тех, кто всё же уснул... Навсегда этой проклятой ночью.
Жаль, не всем удалось осознать то, что эта война
В каждом списке имён оставляет для нас многоточье.

* * *

Сойдёт весною благодать	Как о весне пришедшей весть,
На каждый метр земли России.	Весне желанной и прекрасной!
И все мы сможем наблюдать,	И шаг за шагом, по чуть-чуть,
Как жизнь в земле находит силы.	Росток окрепнет под дубами,
Былой покой нарушит песнь	Как тот малыш, сосущий грудь
Лесной малиновки горластой.	Своими пухлыми губами.

Как все

Кричать мне хочется о многом,	Вот и молчу, как все другие,
О чём народ привык молчать.	О жизни тягостной молчу.
Да как-то стыдно перед Богом	Чтоб не слышали глухие,
За крик тот будет отвечать.	Какую ношу волочу.

* * *

Не время, брат, с тобой нам пить вино.
Плесни-ка лучше в чашки лимонада.
Почти два года длится СВО.
И знаешь что? Помочь ребятам надо!

Да знаю, знаю... Чёрт тебя дери!
Позволь сказать, а после проповедуй!
Душа скрипит, как петли на двери,
Когда летит над маем «День Победы».

Пока мы здесь сидели в стороне,
Наш старый враг не брезговал насильем.
Не так страшусь увечий на войне,
Как слышать стон израненной России!

Тебе ль не знать фашиста дикий нрав?
В его мечтах — оставить Русь вдовой.
Чего притих? Я прав или не прав?
Кивни в ответ хотя бы головою!

Вот то-то же! Тогда за дело, брат!
Почти два года дали нам поблажки!
Бери рюкзак — пойдём в военкомат.
Пришла пора и нам надеть тельняшки!

Осенние мысли

Прибило к дому моему	Они сорвались в пустоту,
Листву осеннюю из парка.	Но перед смертью не кричали.
И мне, не знаю почему,	Вы этой смелости черту
Те листья стало как-то жалко.	В себе давно ли замечали?

Вторая осень

Шагал сентябрь по выгоревшим тропам,
Звучал ветров унылый контрабас.
Как вдруг волна промчалась по окопам —
Снаряд взорвался где-то возле нас.

Зажглась свечой трофейная «Буханка»,
Накрыла пыль позицию плащом.
И вновь снаряд из вражеского танка
Вцепился в землю огненным клещом.

Седой старлей отстреливался матом,
Не веря в то, что взвод наш обречён.
Гуляла осень в платье желтоватом.
Вторая осень... Сколько их ещё?

Стихия

Я играл с судьбою в прятки	До бессилия порою
И какой тому итог?	Рылся в собственном мозгу.
Сердце требует заплатки,	Так в войну окопы роют —
Ноги босы, без порток.	Через боль и «не могу!»

В залы славы я не метил,	И зачем в душе стихию
Не скакал вперёд седла.	Невзначай разворошил?
Спал, бывало, там, где ветер	Лучше б все свои стихи я
Ночью выл из-за угла.	Прямо в сердце задушил!

* * *

В семиста́х километрах от МКАД,
Где нарушена жизнь благодатная,
Над селом разгорался закат
И звучала стрельба автоматная.

Горло рвал на заборе петух,
Пахла с поля трава ароматная.
И всё больше тревожила слух —
Не смолкала стрельба автоматная.

Но едва показалась луна,
Как слышались взрывы раскатные.
И, как будто взрывная волна,
Пролетело «Ура!» многократное.

Облегчённо вздохнул стар и млад
В том селенье с судьбой перекошенной.
В семиста́х километрах от МКАД,
На границе, войной припорошенной.

В. ИВАНОВА

Сквозь промытое стекло

О повести М. Тарковского «42-й до востребования»¹

Мир мальчика в лирической повести М. Тарковского «42-й до востребования» возникает из небытия, словно утро просветляется из тумана или появляется оконце чистой воды среди прибрежных камней после осевшей мути. Попадая в поток авторской речи, оказываешься в расширяющемся пространстве, которое помимо твоей воли втягивает тебя в невидимое движение. Мальчик льнет к окну, к своему «оку несмыкаемому». А за ним всё: моют лыковой мочалкой собаку по кличке Эра, она дрожит среди просыпающейся весны, и ребенок «шкурой» чувствует, как стыло, зябко собаке на ветру. Дальше по значимости — длинный, темный, бесконечный коридор, вдруг вспыхивающий ослепительным светом, когда открывается уличная дверь. И тогда доски пола светлыми полосами-рельсами уходят в лучистое марево, зовут вдаль. Такой же тоннель в подзорной трубе уведет взгляд мальчика к птицам, к их движениям, разноцветному, словно райскому, оперению, к таинственной и скрытой от человека жизни.

Двор у дома приближается ушибами, ссадинами и шрамами — памятной болью. А еще сугробом под стеной с сиротливыми сухими елками и забытой серебряной дождевой водой на сквозных ветвях. В сугробе можно рыть тоннели для танков — до самого вечера, до жаркого пота и шапочной сырости на лбу. А резиновые медвежата, которые должны были охранять военные сооружения, не успели до них добежать — перехватила бабушка. Утром же, вот досада, ни следа от сделанного. За кирпичной стеной двора — Тот двор, куда ходить запрещено. А там горка. Улицы Москвы открываются прогулками с бабушкой. Вот мальчик остановился посреди дороги, смотрит, замерев. Удочка троллейбуса бухнулась, а женщина-водитель долго, по-кучерски не может приладить «вожжи». Так же заморожено, до самой ночи на набережной — на сбрасывание снега с самосвалов в Москву-реку с высокого берега. Снег комками, сыпучими прядями падает и падает с одной, с другой, с третьей машины. И уже шеренга пятящихся самосвалов одновременно поднимают кузова у темной воды. Под синими неоновыми фонарями снег светится белыми лентами, и снежные горы потом медленно плывут по реке.

Дороги с бабушкой по России вписаны в начальный мир — «...в моё окошко, в мой дом и двор, с которым я сросся до самых тополиных корней». Приезды и жизнь в Кинешме на Волге, Игнатёве на Москве-реке, Ладыжине на Оке, Оптинской пустыни, поездка на пароходе до Астрахани и обратно, ощущение каждой из увиденных рек, вплоть до Енисея, — все близкие и дальние места раздвигают пространство дома, открывают мальчику Родину. Бабушка ежегодно на лето ищет

¹Тарковский М.А. 42-й до востребования / дизайн И.Е. Лукьянов. — Тобольск : Общест. благотвор. фонд «Возрождение Тобольска», 2023. — 528 с.

для себя и внука место «поглуше, попервозданней». Сухонькая, не старая, она объезжает, обходит, примеривает быстрыми, мелкими шагами дали. Выбирает, устраивает. На Оке «жили мы лицом в поле, которое начиналось сразу за забором. К середине лета за калиткой стояла ровная и словно каменная стена пшеницы. Крыльцо выходило в тень, его окружали липы и яблони, а малина была столь высооченной, что я бродил в ней, как по лесу, собирая огромные, еле держащиеся ягоды». Старинные русские города, деревни, пристани, реки, поля, леса, тропинки, травы — щедрый для впечатлительной души мир. Вместе с мальчиком и читателю эти просторы кажутся хоженными, знакомыми, родными.

Но ребенок живет не только лицом в поле, но и лицом к русской литературе. Благодаря бабушке, ее чувству слова, внук с детства окружен сказками Пушкина, «Лукоморьем», «Евгением Онегиным», «Вещим Олегом», стихами Лермонтова, романами — «Братья Карамазовы», «Война и мир», «Обломов». Взрослый и ребенок вслушиваются в слово писателя, рассуждают, думают, удивляются, смеются и принимают его в свой пейзаж, свое состояние, жесты — в свою жизнь. Они принимают реальность персонажей, как и близость к себе судьбы автора. Иногда жизнь и впрямь сплетается с литературой, как в неожиданном появлении на глухой лесной дороге взмыленного коня после прозвучавших пушкинских строк. Литературный мир, поэтическое слово становятся личным кодом общения бабушки и внука — указателями на пути взросления.

Вместе с расширением пространства, его географии, расширяется и круг людей. Первыми для ребенка оказываются бабушка, прабабушка, мама. Отношения с бабушкой Марией Ивановной становятся дружбой, основанной на «большущей любви». «И любовь-то эта напоминала дорогу, реку ли, полноводную, толстую и счастливую. Или даже канат, который по мере моих безобразий истончался, и вот теперь, после заключительной выходки, обратился в тоненькую ниточку...». Нить истончалась, но не обрывалась. Именно бабушка дает внуку урок особого такта, деликатности ребенка по отношению к взрослому в истории с «котлеткой». Отпечатались в сердце и бабушкина «стыдобушка». Все вместе родные люди создают для мальчика принимающее и прощающее пространство. Обнимают теплом, строгостью, мудростью, преображая песчинку в жемчужину — душу чуткого, вдумчивого, благодарного человека. Материя творения осязаема в слове писателя. Зло проходит мимо. А добро и понимание заполняют его место. Полуслепая прабабушка угощает цветными леденцами напугавшего ее малыша. Фанерка отпиливается руками дяди Гриши и встает на место разбитого стекла на веранде. Вместе с такими ответами на шалость приходит расплата — стыд, памятный через годы. Так «целое скопище прекрасных людей» встречает читателя на страницах повести. Не все лица знакомых в детстве помнит мальчик, но выразительность характеров, действий, слов этих людей остаются. Их множественность собирает Россию.

Мир открывается мальчику звуками. Привычный стук в окно: «Стаканчика не найдётся?». Такая же привычная реакция бабушки, словно по уговору. Стаканчик неизменно возвращается домой. Музыкально-заунывная дверная песня из магазина «Напротив» и мягкий, шепчущий, улетающий вверх стук печатной машинки из весеннего окна «Гипрожира». Мальчик и сам звучит печатной машинкой, проигрывая мелодию пальцами по невидимым кнопкам-клавишам. Окно в окно, стык в стык. Ребенок осваивает, осязает границы, грани звукового мира — миг рождения звука, длительность, возвращение. Незнакомое пространство соединяется

звуками, смыкается формами, связывается людьми. Незримо создается материя жизни нового человека. Место соединения — он сам.

Ребенок принимает нутром стихию родного языка. Она захватывает, несет, тормозит его мысль. Истошные подхватывы: «Миванна! Миванна!» на обращение соседки к бабушке: «Мари-Ванна, к телефону!». Слово поет, звуки сцепляются с другими — в новые слова, в сгустки смыслов, неожиданные для стороннего слушателя. Названия улиц и мест Замоскворечья волнуют дыханием старины, истории — Житная, Валовая, Стремянный, Мытная, Зацепа. У каждой улицы свой нрав, мимика, произношение, она по-человечески откликается на внимание к себе. Жили на Щипке. Бабушка объяснила внуку, что здесь, на заставе «щипали» купцов, въезжающих в город, то есть брали таможенный сбор. А мальчик «...забавлялся, представляя, как толстого купца щиплют за бока, а он елозит и жмётся». Новое слово дарит ребенку открытие, будит воображение. Названия улиц Москвы теснят друг друга: Котельническая набережная, Краснохолмский мост, Большой Каменный. И заветный бабушкин перечень железнодорожных станций и окрестных рек: Вичуга, Нёмда, Решма. Мальчик произносит слово, пробует его на слух — ощущает его манящую силу, размышляет о нем. Звуковые ассоциации сплетают корнями, силовыми линиями окружающий мир, особенный, интересный и многообещающий. Связи делают пространство речи уютным родным домом, полным возможностей, игр и затей. Язык становится средой для взросления и творчества, ощущения счастья и радости жить.

Внутренним сюжетом проходят образы птиц. «До сих пор не знаю точно, сам ли полюбил природу или бабушка наладила», — задумался главный герой. Рассказы бабушки об охоте отчима, о ее видах, любовь к лесу, реке, к зверью и птицам, походы в зоопарк, зоомузей и провидческие слова: «...вырастешь, будешь жить в лесу». Синичка качается на ниточке с салыцем в дальнем окне Фелицаты Евгеньевны в Солнечногорске, вольно свистит снегирь, цветные щеглы сели на припорошенный снегом черный репейник. Взгляд ребенка не отрывается от фантастического сочетания цвета в окраске щеглов — красного, белого, черного, желтого, рыже-коричневого. Переливы перьев, движения на ветке пеночки, коноплянки и большого пестрого дятла, непостижимого во всем. А в поле — перепела, коростели. Книга из школьной библиотеки «На родине птиц» не дала мальчику ответов на вопросы. Зато открывает судьбу книга Промптова «Птицы в природе», с дарственной надписью Фелицаты Евгеньевны и печатью «Из книг Ивана Николаевича Крупина». Ответы на вопросы приходят из журнала «Юный натуралист». Ученый-орнитолог называет сизоворонкой удивившую школьника «райскую», изумрудно-синюю птицу. И подбитая Сережкой ласточка с темным пятнышком крови на голове и орел в горячечном сне продолжают этот сюжет.

М. Тарковский — мастер запоминающегося предмета, детали в обстановке, одежде, домашней среде. Предметы остаются в памяти причастностью к человеку, метафорой его характера, судьбы. Злющий, стреляющий кран на общей кухне; латунная затертая ручка двери, с которой мальчик проделывает шутки; леденцы в железной коробочке у прабабушки Веры; индийский черный чай с яблочным мармеладом и бабушкина мечта о полосатой белёвской пастиле; холодный, склизкий, остро пахнущий клей в кармане у мальчика и рука, завязнувшая в нем, во время концерта в консерватории. Папироска «Север» или «Прибой» в худощавых пальцах бабушки — знак скрытой от всех боли, сдержанного и терпеливого сердца. Осязаемы, словно от твоего собственного прикосновения, предметы в родном

доме и домах, где бывал мальчик, — шкаф, стол, диван, буфет, блюдечко, граненые стеклышки, вазочка с вареньем, в тяжелом мешочке тубики с красками, измятые и сыто налитые. И кусок черного хлеба, намазанный бабушкиным земляничным вареньем, с которым мальчик бежит по деревне, — как Галка. Покой и ровное сияние излучают предметы, вещи — части самих людей.

Образ сандалика с хлябкими ремешками проходит через повесть. В предисловии он связан с памятью и ощущением зыбкой тайны воспоминаний. Позднее, в событийном ходе сандалик попадает в коровью лепешку, и мальчик долго пытается отереть его о траву. Холод сандалий с весомостью тянущихся в грязи-жиже ремешков ребенок ощущает, упав на проселочной дороге среди разлитого молока. А порванный ремешок на сандалиии у Любки, нечаянно запнувшейся о комок глины, стал поводом для внимания красавицы. Образ сандалика с ремешком, хлябким, растянувшимся или порванным, в повести связан с дорогой и движением человека по ней. Он, как и в реальной жизни, предметно соединяет человека с землей, в метафорическом плане — с людьми, с прошлым.

Ощущение «я — не я» мальчик испытал в детстве, сидя в осажденной крепости с наготовленными для обороны снежками, в игре, затянувшейся до ночи, — недетское чувство сопричастности огромному миру, раскинувшемуся над головой звездному небу. Словно пробуждение от сна, открытый диалог с мирозданием. Мгновение душевной тишины как пройденные века. Прикосновение к смыслу рождения, нахождения на земле. «...В какой-то неведомый момент притихнут, отодвинутся детские крики, городской шум, и только колкая звёздочка над лепной стенкой крепости дрогнет и словно поплывёт куда-то... А потом замрёт, чудно приблизившись, и словно целую вечность перелистнуло, промакнуло оцепенелыми веками...». Вместе со звёздочкой замирает мальчик, оказавшись наедине с тайной.

Испытанное однажды и возникающее иногда ощущение «я — не я» связано с особым восприятием времени, чувствованием его стыков. Время на стыке стянуто реальным пространством, местом, в котором соединяются события, люди, голоса. Специальный бабушкин голос, чуть ниже обычного в словах о том, что в 41-м танки с Красной площади шли прямо на фронт. Когда они с внуком идут по отпечаткам гусениц от танков, проехавших на парад. И сказанные, как бы ненароком, слова о будущем мальчика. И разговоры перед сном о сроке жизни, молчанием, недосказанностью отправленные в будущее. Все оставляло у ребенка чувство включения прошлого в настоящее, настоящего — в будущее. То же чувство при посещении мест, где проходили детство и юность бабушки. И где время утраивалось при возвращении туда взрослого внука. Стык времени особенно ощутим в местах боев — в близости противоположного берега реки, где шла линия фронта с окопами и мерзлыми воронками. И живой еще дядя Лёня, серый от усталости, смотрит оттуда в бинокль на сына Тольку, катящегося на лыжах с горы. А Толька «...и не знает, что отец его видит! Это самое главное — не знает! И не крикнуть». И так остро чувствует Мишка тягу дяди перейти по льду реку, вдохнуть родной избяной запах, броситься к детским кроваткам. «Дядя Лёня, я здесь!» — мысленно кричит Мишка из своего 66-го.

Восстановленное время проявляется в единении молодости главного героя и бабушки Марии Ивановны. Вместе с юностью в душе взрослеющего человека возникает образ девочки, потом слушательницы курсов — «Толстого в юбке», и уже молодой женщины, матери двоих детей. Жизнь начинается заново. Прошное

становится настоящим. Вот Маруся тащит по лесной дороге санки с продуктами, обмененными на перешитые вещи в дальнем селе, вот идет за 30 км в лес за черникой, плачет над мужниными стихами и письмами. Вот багром выталкивает на берег мерзлое бревно и, ухнув под воду, прорывает сомкнувшиеся над головой льдины, лицом в лед ползет к детям. А, выбравшись из реки, мокрая, бежит с ними домой. Дети видят все, они растут рядом, сын и дочь — Андрей и Марина. Это о них с фронта завешание отца, Арсения Тарковского: «Первое — о детях. Под твоим присмотром они вырастут хорошими, я это знаю, и ты это должна всегда помнить...».

Тема Тарковских входит в повествование почти незаметно. Появляется в первой части как тихая, едва слышимая мелодия в имени дяди Аси. Мысль еще какое-то время качается паутинкой среди множества событий. Поэзия детства не отпускает, держит, приглушает робкое звучание новой мелодии. И вдруг — мгновение, и все связывается в биографический узел. Лица, ситуации, подробности, судьбы, места — в единую связь: Тарковские.

Письмо-документ из 42-го ощущается сгустком времени. В нем неразличимо прошлое, настоящее и будущее. В нем — о далеком и близком, о возможном и невозможном, желаемом и недостижимом. В нем — о никогда не сказанном вслух, о сокровенном. В нем — о творчестве, о надежде на издание, о продолжении жизни в слове. Отправленное в будущее, оно достигло адресата. И поскольку отправлено до востребования, сейчас и востребовано — в сложное, беспокойное, после пережитых 90-х и начала 2000-х годов, время. В 42-м оно было долгожданным для любящей женщины, жены, молодой матери, и несло утешение в ненадежные военные годы. Несло примирение страдающей душе среди голода, нехватки одежды и обуви, тепла. Покаяние, прощение и прощание накануне неизвестного будущего. То будущее состоялось, и фронтовое письмо передано нам — из рук в руки.

Сквозь промытое стекло памяти виднее прошлое: оно живо. Время в повести восстанавливается вниманием к людям, городам, поселкам, лесу, травам, птицам, истории страны, — силой тех впечатлений, которыми одарил человека мир, где он имел счастье родиться. Повесть, несмотря на изображенные невзгоды, трудности, боль, пронизана светом, идущим из чуткого, памятливого сердца. Способностью преодолевать страдания, способностью прощать одарил его мир. В пространство этого выстрадавшего тепла попадает читатель.

Композиция частей повести может вызвать недоумение. Нет равновесия замкнутого в себе текста. Первая часть — самая длинная, вторая — чуть меньше, еще меньше третья. Четвертая состоит из одной главы. Логика угасания очевидна. Но, уменьшаясь в объеме, каждая последующая часть оставляет все больше места читательской мысли. Авторское слово как бы входит в нашу жизнь. Слово писателя передается читателю, становится общим словом людей, объединенных языком, землей, мироощущением. Повесть открыта и направлена к читателю неравновесием, необычной композицией. Это тоже расширение — самого текста. Единственная глава четвертой части приглашает нас стать участниками в сохранении мира, душевного и окружающего, — своего дома.

А сквозь промытое стекло в дом входит больше солнца.

Николай Рубцов и «первооткрыватель» деревенской темы Евгений Евтушенко

Вместо предисловия. Очерк Валерия Скрипко (ж. «Сибирь», № 5, 2023 г.) оживил во мне недавнее прошлое, когда я вплотную занимался творчеством Рубцова и Евтушенко... С Евтушенко я познакомился случайно, пребывая, в разное время, в двух официальных застольях, произошедших в 70-е годы прошлого века. Евтушенко — в зените славы! Я — начинающий кропатель стишат. Однако, в одном из застолий мой приятель Борис Рыбинцев (ведал кино-, фотолабораторией на секретном п/я 79, теперь АЭХК) толкает меня в бок: «Саня, почитай ты этому козлу свои стишата». Я прочитал стихотворение по мотивам «Я сибирской породы».

Евтушенко — любитель неожиданных слов в стихах — обратил своё и моё внимание на слово «баббита», состоялся краткий диалог... «Да подай ты ему его сборник для автографа» — шепчет опять же Боря. Подаю сборник «Я сибирской породы. 1971 год». Пишет автограф «*Дорогому Сане Обухову — от товарища по забою баббита. Ев. Евтушенко*». Сладко-приятным был в то время сей автограф. Прошли годы моего становления как инженера; как-то формировался мой стихотворческий и литературоведческий стиль. Опубликованы стихи, статьи по творчеству Пушкина, Есенина, Рубцова и вот — Евтушенко...

* * *

Возможно, что данная статья и не появилась бы на свет, если бы не книга Комина В.В. и Прищепы В.П. «Он пришел в XXI век. Творческий путь Евгения Евтушенко» (1). Эти маститые исследователи продемонстрировали с удивительной скрупулезностью глубокий, многоплановый, всесторонний анализ творчества Евгения Евтушенко и пришли к выводу, что он является первооткрывателем «деревенской темы».

«Е.А. Евтушенко, необыкновенно чуткий к тем новым веяниям, которые только-только намечаются в обществе, выступил первооткрывателем основной темы «тихой лирики», указав на неё целому отряду «младших» поэтов-шестидесятников» (1, 19).

«По существу, он одним из первых (если не первым) среди отечественных литераторов высмотрел и рассказал о бедах и болях «сирых изб» русской деревни, как говорил его последователь Н.М. Рубцов, о «людях окраины древней». Обнаружив «деревенскую» тему, Е. Евтушенко, как это случалось не однажды, «пройдёт» мимо неё, оставив её идущим вослед представителям «тихой лирики». В статье о Владимире Соколове Е. Евтушенко справедливо предъявляет себе эту «вину»: «Очертя голову, я лихорадочно кайлил то тут, то там, потом, не додалбливая, может быть, нескольких сантиметров до золотого слова, бросался на другое место и снова кайлил» (1, 46–47).

«Успевающий всегда и во многом быть первопроходцем, Е.А. Евтушенко, выпуская по 4–5 новых книг в год (*гонимый-то поэт, как он себя постоянно выставлял. — А. О.*), невольно оттеснял (выделено мною — *А. О.*) с первых позиций

«тихих» и «интеллектуальных» лириков (что, естественно, их поэзию не делало ни лучше, ни хуже), способствуя тем самым и формированию оппозиционного андеграунда. Занятый во второй половине 60-х и начале 70-х годов «собой любимым», он редко откликался на новое поэтическое имя, опоздав к «именинам» и Николая Рубцова, и Ксении Некрасовой» (1, 137). «Успех «эстрадной» поэзии в определенной мере «затруднял» путь к читателю некоторым талантливым лирикам» (1, 45).

Названный «первопроходец» не «невольнo оттеснял», не «в определённой мере «затруднял» путь», а преднамеренно оттеснял, затруднял появление в печати «тихих» лириков, о чём мягко, но всё-таки вынуждены писать исследователи.

Однако вернёмся к тому, как Евтушенко «...выступил первооткрывателем основной темы «тихой лирики», указав на неё целому отряду «младших» поэтов-шестидесятников».

В качестве доказательства этому Комин с Прищепой приводят стихотворение «Ирпень» 1961 года, датируя этим начало «деревенской темы» у Евтушенко.

Нет, эпоху я матерью не назову,
Она хочет отнять у меня синеву,
И траву и листву, и тебя и меня...
Не дожётся она долгожданного дня!
И за это за всё, за позор мой и ложь
Я всажу ей согретый за пазухой нож!
Как трясына, сырая осенняя мгла,
Лакировщики мрачно играют в «козла».
Что, — я этой эпохи лелеянный сын?
Оцепляется проволокой Берлин.
Голодает деревня, редеют леса,
Но зато космонавты
летят в небеса.

(1961 год)

Не анализируя подробно стихотворение, можно дать комментарии к нему. На ударно-зловещий вопрос к эпохе (*советской — А. О.*) «Что, — я этой эпохи лелеянный сын?», следует дать однозначный ответ: «Нет-нет! что Вы, Евгений Александрович! Какой же вы лелеянный сын? — ведь Ваши стихи издавали всего-навсего 4-5 книжками в год. А «невольнo оттесняемых Вами «тихих» лириков», — Ваших «товарищей издавали по одной книжке и не каждый год. Среди них Рубцов, Передреев, Прасолов». И что же такой «подлой», «нелюбящей» Евтушенко эпохе он обещает? Да просто: «Я всажу ей согретый за пазухой нож!». Думается, что даже последний вор-грабитель, разбойник никогда не сделает такое Родине, какая бы власть-эпоха в ней ни была.

По русским меркам, держать нож за пазухой — последняя ступень нравственного падения. Нож всегда был в русской литературе символом предательства, подлости, низости. Герой стихотворения Евтушенко давно держит нож за пазухой — он даже (!) согрелся.

Посмотрим на состояние этой темы, развиваемой якобы вослед Евтушенко представителями «тихой» лирики — Рубцовым и другими поэтами этого направления.

...Попытка 14-летнего Коли Рубцова поступить в Рижское мореходное училище закончилась неудачей, и огорчённый паренёк возвращается обратно в село

Никольское. Приметливый неудачник по пути следования не мог не заметить поразившее его передвижение, перемещение людей по трактам, дорогам и столпотворение на пристанях, на вокзалах. Вопрос о том, что заставляет их идти, ехать, плыть, растревожил отроческое сердце и душу. Именно эти картины отразились в его стихотворении «Два пути» (2, 13).

Но мечтая, видимо, о чуде,
По нему, по тракту, под дождём
Всё на пристань
 двигаются люди
На телегах, в сёдлах и пешком.

А от тракта, в сторону далёко,
В лес уходит узкая тропа.
Хоть на ней бывает одиноко,
Но порой влечёт меня туда.

1950, с. Никольское

В 1953 году напишется стихотворение «Деревенские ночи», в котором ярко проявится лиризм будущего поэта, и проходящее через его творчество, так любимое «звёзд мерцание», ивы, скошенные травы, «ржание стреноженных коней».

Ветер под окошками, тихий, как мечтание,
А за огородами в сумерках полей
Крики перепёлок, ранних звёзд мерцание,
Ржание стреноженных молодых коней.
Всё люблю без памяти в деревенском стане я.

Годы 1955–1959 памятны стихотворениями, где деревенская тема уже не по-детски отражена Николаем Рубцовым, например, «Встреча» («Ветер зарю положит...»).

Вот трактор прибавил газу,
Врезая в дорогу след,
Мне тракторист чумазый
Машет рукой «Привет!»
Мычащее важное стадо
Бредёт луговинной в лес.
И сердце до боли радо
Покою родимых мест.

(1955)

Идиллическая деревенская картина трогает лирического героя Н. Рубцова, приехавшего в село. Никакая боль пока не бередит его душу, не рвёт его сердце — поэт рад «Покою родимых мест». Подобное же состояние наполняет стихотворение «Прекрасно пробуждение земли...»

Бросаю радость полными горстями.
Любому низко кланяюсь кусту.
Выходят в поле чистое крестьяне
Трудом украсить эту красоту.

(1957)

Однако покой временен, обманчив и — появляются тревожные нотки:

Игры юности, игры любви —
Почему я их больше не вижу?
Чей-то смех у заросших плетней,
Чей-то говор всё тише и тише,
Спор гармошек и крики парней —
Почему я их больше не слышу?

«Где весёлые девушки наши?» (1957)

В 1959 году в районной газете «Трудовая слава» Николай Рубцов публикует стихотворение «Быстрее мечты». Несмотря на то, что Николай Коняев иронично именует его «шедевром» (3, 102), тем не менее, строки этого несовершенного стихотворения отражают состояние лирического героя, который и в космосе не забывает о земле.

Пропала вдруг пределов власть.
Лишь мрак. И звёздные костры.
Ошеломлённо сторонясь,
Мне уступают путь миры.
Хотелось крикнуть им, что я
Посланец русских нив и рек...

В это же время (4, 65) пишется неопубликованное Рубцовым стихотворение «Грусть», в котором есть такие строки:

Любимый край мой, нежный и весёлый,
Мне не забыть у дальних берегов
Среди полей задумчивые сёла,
Костры в лугах и песни пастухов.

Приведённые примеры не свидетельствуют о зрелом мастерстве Рубцова, но что для них является характерным, так это сокровенная, неразрывная связь с полями, лугами, крестьянами, украшающими землю трудом.

Следующий 1960 год ознаменуется появлением подлинных стихотворений-шедевров: «Видения в долине» (в окончательном варианте «Видения на холме»), «Добрый Филя», «Долина детства», «Меня звала моя природа...» и многих других, продолживших славу русской литературы и поставивших Н. Рубцова в один ряд с её классиками. Вот некоторые, ставшие хрестоматийными стихи, которые характеризуют видение жизни 24-летним уже зрелым Поэтом:

Я запомнил, как диво, Тот лесной хуторок, Задремавший счастливо Меж звериных дорог...	Филя любит скотину, Ест любую еду, Филя ходит в долину, Филя дует в дуду!
--	--

Там в избе деревянной, Без претензий и льгот, Так, без газа и ванной, Добрый Филя живёт.	Мир такой справедливый, Даже нечего крыть... — Филя! Что молчаливый? — А о чём говорить?
---	---

Добрый Филя, 1960

Думается, что русскому человеку не требуется перевода на прозаический язык содержимого этого стихотворения — всё понятно из одной строки: «— А о чём говорить?» Эти слова афористичны, повторяются уже не одно десятилетие русским человеком, и видимо, будут повторяться в обозримом будущем. И кто знает, а тем более, помнит «сочувствующие» строки Евтушенко: «Голодают крестьяне, редуют леса, но зато космонавты летят в небеса»? Понятно, что тяжелой жизнью оплатил советский народ полёт Юрия Гагарина и все последующие. Но восприятие *этого* космического явления было искренне-восторженным! Весь народ ликова! Даже голодный крестьянин. И только герой стихотворения Е. Евтушенко грел за пазухой нож.

В связи с именем первооткрывателя «деревенской» темы естественно возникают вопросы: так кто же открыл ее? Голос «тихого» лирика Николая Рубцова или громовой эстрадного «горлана главаря» Евтушенко? А может, первооткрывателем деревенской темы был Пушкин, Кольцов, Некрасов, а ближе к нам — Есенин? А может, неведомый сказитель, воспевший Микулу Селяниновича? Но, что достоверно, — не Евтушенко.

Рубцов видит беспросветную жизнь деревенских жителей, но не может не удивляться, не восхищаться их упорством, их жизнелюбием, их незлобивостью. Многие живут по принципу: «Жила бы страна родная, и нету других забот». И нет у лирического героя, созданного Н. Рубцовым, ножа за пазухой. Неудовлетворённость бытовухой, да — это есть. Но есть и удовлетворение трудом, удовлетворение вечным земным бытием на родине.

Именно об этом строки из стихотворения «Меня звала моя природа...»

Как жизнь полна у бригадира!
У всех, кто трудится, полна,
У всех, кого встречают с миром
С работы дети и жена!

Я долго слушал шум завода —
И понял вдруг, что счастье тут:
Россия, дети и природа,
И кропотливый сельский труд!..

(1960)

Таким образом, приведённый обзор поэтического наследия Николая Рубцова даёт достаточно полную картину состояния «тихой» лирики за десятилетний период, предшествующий «первооткрывательскому» евтушенковскому описанию деревенской темы. В прояснение этого вопроса включим другие имена поэтов-деревенщиков. Вот воспоминания однокурсника Н. Рубцова поэта Бориса Примерова.

«...С Николаем Рубцовым мы поступали вместе в Литературный институт. Параллельно учились, дружили, яростно спорили. Если смотреть из сегодняшнего дня, многое покажется наивным, несобытийным, попросту маловыразительным. Но это было время великого слома, великого смещения пластов, которое подняло многих талантливых представителей моего поколения: Алексей Еранцев, Анатолий Передреев, Алексей Прасолов. Однако я уверен, каждый из них как поэт в замысле природы был гораздо больше того, что осуществил на бумаге:

Околица, родная, что случилось?
Окраина, куда нас занесло?
И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село, —

эти широко цитировавшиеся стихи А.Передреева достаточно точно и жестко констатируют факты и формулируют «беду» и «вину» моего литературного (да если бы только литературного!) поколения. Почти все мы были детьми «околицы», почти все — бросили или потеряли «крестьянские права», а потом во сне и наяву оплакивали их, очерчивая тем самым круг, за который вырваться было весьма и весьма непросто. «Меня всё терзают грани меж городом и селом», — писал Николай Рубцов. Не зная этих стихов, совсем в другом конце страны я вторил ему:

В такую же безлунность
У поля без стыда
Всю молодость, всю юность
Украли города.
Я сам умчался в город
За славой. И с тех пор
Во мне убила скорость
Пространство и простор.
Ни августа, ни мая,
Где небо? Где земля?
Ах, что-то я теряю,
Не самого ль себя?

Думаю, что если есть заслуга моего поколения, то она в том, что оно первым (еще до знаменитой впоследствии «деревенской прозы») обозначило болевые точки времени, утрачивающего, разрывающего корневую связь с землей, с заложенными в ней нравственными началами, с вековыми традициями русской жизни» (5, 54). Таково состояние дел по «деревенской» теме у других поэтов на момент появления «первооткрывателя» Евгения Евтушенко в 1961 году.

Было бы глубоко ошибочно не привести наряду с граждански-сочувственными стихами, связанными с трудовым народом, другие стихи Николая Рубцова, имеющие острую направленность в официальные, государственные места. Например, в «Осенней песне» (7) есть такая строфа, которая, по понятным соображениям, приводится не во всех сборниках.

Я в ту ночь позабыл все хорошие вести,
Все призывы и звоны из Кремлёвских ворот.
Я в ту ночь полюбил все тюремные песни,
Все запретные мысли, весь гонимый народ.

(1962)

Достаточно хорошо отражены в стихотворении «Репортаж» (2, 128) мысли Н. Рубцова по отношению к политической жизни и способу её освещения оплачиваемыми газетчиками — официальными представителями СМИ. Сколько искреннего сарказма заключено в строках, которые описывают страстное желание репортёров заполучить у измученного, затурканного мужика слова о работе «В свете новых решений ЦК». Сколь кратко по объёму и ёмко по содержанию это стихотворение!

К мужику микрофон подносят,
Тянут слово из мужика.
Рассказать о работе просят
В свете новых решений ЦК.

Мужику непривычно трéкать,
Вздых срывается с языка.
Нежно взяли его под локоть,
Тянуть слово из мужика!

Репортаж. (1962)

Только русскому человеку понятно слово «трéкать». На иностранный язык его никак не перевести, подобно есенинскому «шляться»! Потому и не понять иностранцам русскую душу. А чего стоит слово «Тянуть»! Это слово, печатаемое в некоторых изданиях (6, 133) без ь, — в варианте «тянут» — искажает его глубочайший саркастический смысл. В варианте Рубцова — «тянуть» — следует ставить ударение на первом слоге — именно в этом смысл! В этом ударении.

Стихотворение, построенное согласно замыслу в духе, в стиле репортажа, как нельзя точно передаёт картину происходящего. Рубцов хорошо различал границу между «верхами» и подлинной жизнью сельско-деревенского жителя. Не обеспечиваемые властями «призывы и звоны из Кремлёвских ворот», «новые решения ЦК» — глубоко претили поэту. И его высказывания по этому вопросу не менее резки, чем у Евтушенко, и не идут вослед за ним, но — параллелят, а в целом «деревенская тема» у Рубцова идёт намного впереди, освещена и ярче, и душевнее.

Данная статья не ставит своей целью умалить значимость Евтушенко, но указывает на недобросовестную, необъективную подачу материала читателю учёными В.В. Коминым (канд. филол. наук) и В.П. Прищепой (доктор филол. наук).

Вместо послесловия: Отзыв Бродского об Евтушенко.

Евтушенко? Вы знаете — это не так всё просто. Он, конечно, поэт очень плохой. И человек он ещё худший. Это такая огромная фабрика по воспроизводству самого себя. По репродукции самого себя. ... У него есть стихи, которые, в общем, можно даже запоминать, любить, они могут нравиться. Мне не нравится просто вообще уровень всего этого дела. *Иосиф Бродский. (Из Интернета)*

Список цитируемой литературы.

1. *Комин В.В., Прищеп В.П.* Он пришёл в XXI-й век. Творческий путь Евгения Евтушенко. 2-е издание. — Новосибирск, 2005.
2. *Рубцов Н.М.* Последняя осень. Составитель В.Калугин. — Москва, 2004.
3. *Коняев Н.М.* Николай Рубцов. Ангел Родины. — М., 2007.
4. *Кириенко-Малюгин Ю.И.* «И пусть стихов серебряные струны...». — Москва, 2002.
5. *Вакомин (Сорокин) С.А.* Свет надежды, или Русский талант. — Санкт-Петербург, 2005.
6. *Рубцов Н.М.* Стихотворения. Составитель, автор предисловия и комментариев В. Калугин. — Москва, 2006.
7. *Багров С.Д.* «За Вологодой, во мгле». Фрагмент «Не судьба». Из Интернета.

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

Михаил Трофимов — о Николае Рубцове

3 января — день рождения великого русского поэта

Всякий раз, встречаясь с Михаилом Ефимовичем Трофимовым (1936–2019), хотелось прижать его к своему сердцу: по возрасту он годился мне в отцы, а в уме всё вертелось — «Солнечный дедушка». А он и светился весь — седой бородёнкой, синими глазами, воздушным пушком на макушке, улыбкой постоянной... То ли на вешего волхва из Берендеева царства похож, то ли на доброго лешего. Немного не от мира сего, открытый и в то же время настороженный. Помню, идём с ним то ли по Тобольску, то ли по Иркутску, а он молчит и молчит, и только глаза — улыбаются, сам улыбается, а потом вздохнёт вдруг и молвит, как будто ни с того ни с сего: «Вот, когда церкви-то ломали в деревнях везде, людям-то плохо было...»

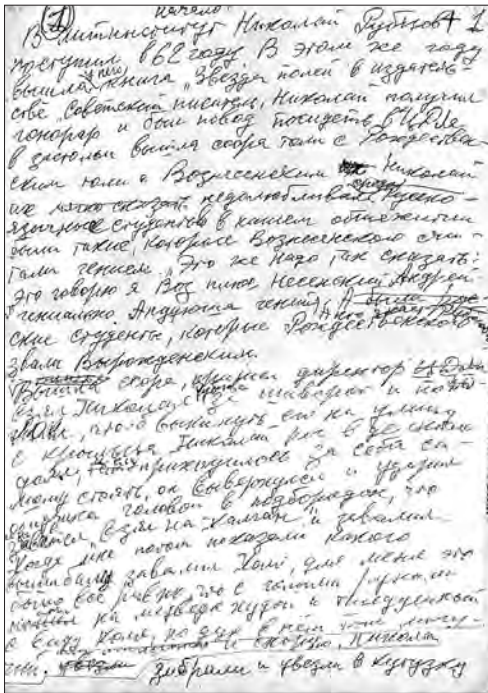
Скромный, даже застенчивый, но выходит читать свои стихи на сцену и — волшебным образом эта застенчивость превращается в такое обаяние, в такую поистине детскую непосредственность, что публика сразу впадает в восхищение.

*Я байкальску воду пил
Леденистую,
Я байкалку полюбил
Лебедистую.
А байкалка полюбила
Море-озеро,
Сердце парня пригнобила —
Заморозила.
Во кедровом во бору
Мы встречались,
Во берёзовом лесу
Мы влюблялися...*

В последние свои земные годы Михаил Ефимович обитал в мало пригодном для жилья дачном домике, потом — в доме для престарелых. Не жаловался на жизнь, считая её благодатью Божьей; довольно часто, уж и не знаю почему, звонил мне. Беру трубку — молчит. «Здравствуй, дорогой Михаил Ефимович!» — «Бог в помощь, Юра!», и снова — молчание, а потом: «Сегодня день рождения Николая Рубцова... Я с ним учился...» Прошу: «Напишешь об этом?» — «Напишу». Написал — вот эти листочки. В них не только о Рубцове...

* * *

В Литинститут Николай Рубцов (1936-1971) поступил в 1962 году. В этом же году вышла у него книга «Звезда полей» в издательстве «Советский писатель». Николай получил гонорар, и был повод посидеть в ЦДЛ, в застолье вышла ссора то ли с Рождественским, то ли с Вознесенским. Николай их, мягко сказать, недолюбливал. Среди русскоязычных студентов в нашем общежитии были такие, которые Вознесенского считали гением. «Это же надо так сказать: “Это говорю я, Воз плюс Несенский” — гениально, Андрюша гений». А были русские студен-

ты [кто знал Рубцова], которые Рождественского называли «Вырожденским».

Вышла ссора, пришёл директор, взял Николая Рубцова за шиворот и поволок, чтобы выкинуть его на улицу с крыльца. Николай рос в детском доме, и ему приходилось за себя самому стоять, он вывернулся и ударил обидчика головой в подбородок, что называется, «взял на калган», и завалил. Когда мне потом показали, какого вышибалу завалил Коля, для меня это было всё равно что с голыми руками пойти на медведя: худой и тщедушный с виду Коля, но дух в нём был могучий, и не позволил, чтоб какой-то выродок тащил русского поэта за шиворот, чтоб надсмеяться и унижить — этот вышибала мог бы брюхом его раздавить. Вызвали милицию и скорую. Николая

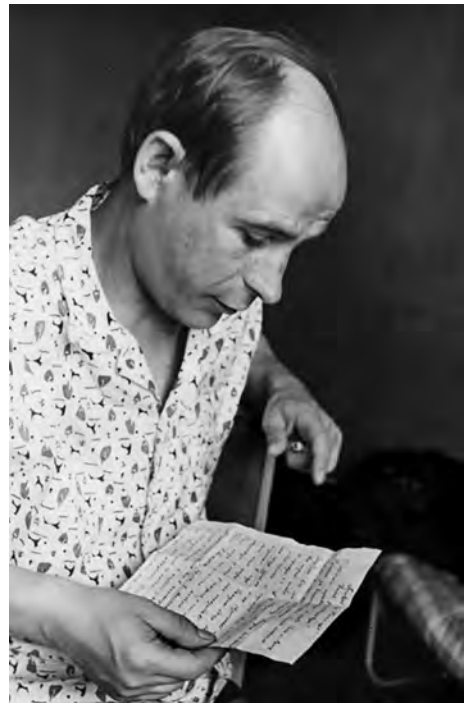
забрали и увезли в кутузку. Милиционеры говорят: «Правильно ты этого брюхана, но пять лет тебе дадут».

Исаев Е.А любил Николая Рубцова как младшего брата и звал его всегда Никола, расспрашивал о семье, о деревне. Он ему при жизни издал три книги: в «Советском писателе» — «Звезду полей», «Сосен шум», и третья книга «Зелёные цветы» не застала поэта в живых, и это жаль — Николай радовался своим книгам, как ребёнок игрушкам.

Егор Исаев никогда не был партийным, но, несмотря на это, всегда занимал высокие посты: был главным редактором издательства «Советский писатель», секретарём Союза писателей СССР и др. И, конечно, он первым узнал о бедственном положении Николая Рубцова, и в его защиту поднял большинство русских писателей: Василия Фёдорова, Анатолия Жигулина, Бориса Ручьёва, Ярослава Смелякова. Писатели встали стенкой и отстояли Рубцова. Но была и другая «стенка» из писателей, которая хотела, чтобы Рубцова посадили в тюрьму — эта стенка чувствовала в нём талант и не прощала, а сейчас и мёртвому не прощает таланта.

* * *

Рубцов нередко присутствовал на наших семинарах у Егора Исаева, и на этот

Николай Рубцов. 1968

раз он был с нами. Е.А. сказал: Валерий Козмин, Александр Целищев, Николай Рубцов и Михаил Трофимов — поедem в университет на вечер поэзии. Там нас ждал поэт Виктор Захарченко, и огромная аудитория, беспросветно черная. Виктор Захарченко — энергичный, подвижный, доброжелательный — и Егор Исаев обнялись и порадовались встрече, как старые друзья. Мы сели за стол на сцене.

— Коля, а здесь есть пигмеи?

— Вон сидят на первом ряду, маленькие, остроголовые, чёрные-чёрные и злые-злые.

— Зачем их Хрущёв привёз?

— Наверное, хочет создать новую компартию из людоедов?

Обернулся на нас и строго посмотрел Егор Ал., и мы замолчали. Коля читал «Тихую мою Родину», зал сидел тихо, наверное ритм стиха и настроение им передавались.

— Коля, если бы мы им попались где-нибудь в Африке, съели бы они нас?

— Наверное, съели.

Я сказал о Захарченко Ивану Прядко.

— Да цэ наш станичник, их девять человек, они поют казачьи песни и пляшут с шашками.

Это был кубанский хор в самых истоках, я об этом потом догадался.

И наш станичник, зачем стихи, ему бы гармошку — он бы всех черномазых на уши поставил бы, и Захарченко, он и песни и музыку сочиняет. С тех пор прошло около полувека, и этот хор стал знаменитым во всём мире. А Захарченко с тех пор таким и остался: доброжелательным, улыбчивым, энергичным и талантливым.

У нас в Православной женской гимназии работала девушка-казачка с Кубани, она преподавала литературу и русский язык, она уехала в отпуск, а у меня вышла книга «Посреди России встану» — тысяча казачьих частушек, и я послал её Захарченко, и он щедро отдался: прислал альбом кубанского хора и запись солистки Прокоскиной. «Прокоски» — это босоножки по-украински, вот тебе и босоножки, а голос соловьиный.

В. Захарченко был всегда весёлый, энергичный и доброжелательный. Таким он и остался, а прошло полвека.

* * *

Время было безбожное, в несколько лет по России закрыли тридцать пять тысяч церквей. Хрущёв обещал к 80-му году показать последнего попа, но бодливой скотинке Бог рога посшибал. У нас в «Литературке» был предмет «научный атеизм». Мы сидели на лавочке в нашем скверике, заспорили о Боге, Рубцов сказал: «Я знаю: Бог есть, и земля, и всё живое им сотворено».

— Коле надо чем-то от нас отличаться, — сказали парни.

— Может, у вас прабабушка была обезьяна, только не у меня.

И я сказал:

— Я верю, что Бог есть.

— Вот, ещё один, — сказали парни в мой адрес.

Николай пошел в общежитие, и я двинулся за ним.

Я ему рассказал, что Братское море ищет свои берега, так в поселке Карahun подмыло берег и под воду ушёл гараж с тракторами и машинами и со сторожем. А в деревне Верхний Баян было кладбище на глинистом косогоре, его подмыло на глубину 10 метров, и гробы поплыли. К посёлку Чистый приплыл гроб, его

М.Е. Трофимов

зацепили верёвкой и отвезли на середине водохранилища, но он снова приплыл к тому же месту, его снова отвезли, и он снова приплыл. Тогда его отвезли и разбили железным веслом, останки потонули, а обломки гроба снова приплыли — видно, покойник просил, чтоб его похоронили. Вербованный парень, который разбил гроб, через пару дней утонул.

Николай, видно, воспринял рассказанное мной как личную ужасную трагедию, и появились стихи «Я умру в крещенские морозы», пророческие стихи.

* * *

На лавочке в нашем скверике Борис Примеров читал стихи о соловье. Его перебил Коростелёв: «Кому нужны твои “курносые” соловьи, настоящие поэты о великих стройках пишут. Вон, Преловский уже две поэмы о БАМе написал, а ты о пташках пишешь». Мы поддержали Бориса, сказали, что стихи о соловьях важнее, чем о стройках. А Ваня Прядко, скорый на расправу, разбил Коростелёву нос за соловьёв. Я говорю: «Раз уж соловьиная война — пойдем завтра, Никола, в Останкинский парк, возьмем учебники, соловьёв послушаем, сейчас май, они и днём хорошо поют». В учебники мы и не заглянули, устроились на искусственной горке, а когда проголодались, пошли в павильон сельхозвыставки, взяли пару бутылок чешского пива «Сенатор», я только единственный раз в жизни с Николаем его попробовал — крепкое, 18 градусов. У нас с собой был сухой налим и сухая медвежатина. Поделились с соседями по столу: кому хвост, кому голова. Пива больше брать не стали, — хмельное — захмелели.

На следующий день пошли сдавать экзамен профессору Водолагину, первым пошёл Даши Дамбаев. Водолагин сказал:

— Даши-не-дыши, ты на каком языке пишешь, Даши?

— На бурятском, только на бурятском.

— Молодец, давай зачётку, Даши-не-дыши.

Даши был прекрасным народным поэтом, рано умер. Мы с ним дружили.

С Николаем профессор долго беседовал. Было видно, что они были и раньше знакомы.

* * *

Гене Сысину, драматургу из Киева, я привёз бурундучка, он просил. А ночью бурундук прогрыз коробку и забежал жене на лицо — Гена так перепугался, что стал заикаться и ночью вскрикивал во сне. Бурундучок был совсем ручной.

Меня встретил Гена Сысин: «Приходил Коля с другом», — я понял, что с Борисом Примеровым. «Ну и что они говорили?» — «Они без разрешения ели сухую медвежатину». Ну и правильно, что поели, меня ведь не было, да она ведь

жѣсткая, как кирзовый сапог, её без пива не ужуѣшь. «Ты бы им, Гена, пожарил картошки, вон в шкафу полмешка стоит, и полбутылки масла подсолнечного, своё, домашнее, ароматное, колхозное».

Мать меня заставила картошку взять: «Как ты там будешь в Москве без своей картошки», а здесь картошку продают по три копейки за килограмм, но против матери я не пошѣл. Не повезу же я её себе обратно в Сибирь — надо съесть».

«В следующий раз корми их — от меня никто голодным не уходит». У нас на Лене и сейчас кормят беглых каторжных и бродяг — над крыльцом полочка сделана: две спицы деревянные в паз забиты, и на них досточка положена, на полочку ставят кринку молока и кладут булку хлеба — он, беглый, поест и никакого вреда не причинит, и не из страха кормят бродяг, а из сострадания. Может, он невинно страдает, сколько было такого. Сибиряк — он милосердный, и поэтому в годину бед бывает смелым и мужественным и не боится смерти.

Гена был неплохим парнем, он нас с Колей возил по театрам. Ректор нашего института Пименов был театральным критиком, и было достаточно его записки, чтобы нас пропустили в любой театр, посадили в гостевое ложе (даже если билеты были за месяц [распроданы?]). Рубцов любил театр, нам не понравился театр на Таганке — ни декораций, ни костюмов, и всё на выпендрѣже.

* * *

*Портрет поэта Михаила Трофимова.
В.А. Кузьмин, 1994*

Вадим Куропаткин был другом Рубцова, я с ним познакомился на БАМе в стройотряде, он работал журналистом в газете, ему так понравилось в Сибири, что он прожил у нас всю зиму, работал в районке, ходили мы на охоту в тайгу. Вадим написал обо мне очерк и понѣс в журнал «Юность», там прочитали и спросили, живой я или уже умер, и сказали: вот когда умрѣт — приноси, напечатаем. Вадим говорил: «Мы с тобой, Миша, простые советские поэты, а Николай — классик».

Вадим перешѣл на заочное отделение и уехал в Краснодар — он готовил книгу к изданию. Был его День рождения, жена ушла на работу, закрыла его на замок. Пришли друзья, стали махать [на улице]

бутылками, Вадим стал к ним спускаться на простынях, сорвался и сломал себе позвоночник.

И Борис Примеров, друг Рубцова, ушѣл из жизни добровольно (а так ли это?). Когда началась в стране перестройка, было всем нам нелегко. Бориса можно было легко обидеть, он был как ребѣнок, и, по-видимому, не те люди оказались рядом, был бы Ваня Прядко... Душа у Бориса была ранимая.

И Рубцов трагически погиб. Из четверых остался я один, видимо, самый бездарный. Молния бьѣт в дерево, которое выше других — я оказался ниже всех.

* * *

В 1967 году у Рубцова вышла книга «Сосен шум», он заявился ко мне в комнату, потрясая пачкой пятерок, — получил гонорар — это были в то время большие деньги.

— Миша, пойдём в ЦДЛ!

Я отказался, и Николай сильно обиделся. Когда дня через три он заявился в общежитие, я позвал его:

— Коля, пойдём в столовую.

— А у меня денег нет.

— Пойдём, у меня есть.

И мы пошли.

* * *

По музыкальному искусству нам читали лекции в Консерватории им. Чайковского, а по ИЗО читали лекции в Третьяковской галерее. Мы с Николаем и Геней Комраковым, прозаиком из Кемерово, собрались в Третьяковку, Гена остановил такси и сказал: «Садитесь, ребята!» — «Нет, Гена — сказал Коля, — мы пойдём другим путём — пешком». «У, самоеды несчастные», — ответил он, хлопнул дверкой и укатил. Мы любили ходить пешком, и если время позволяло, мы даже от общежития до института ходили пешком, хоть это и не близко [нечасто — неблизкий свет]. На задворках Литинститута было кафе, там за 16 копеек выпивали по чашке кофе и закусывали булкой. Брали ещё по чашке молока — Коля любил молоко.

* * *

В Иркутске проходило «Сияние России», в этот день собирались ехать на Байкал. Кому-то не хватало места, и мне говорят:

— Ты что, Миша, Байкал не видел? Каждое лето ходишь по Байкалу под парусами! [Уступи].

Была слишком хорошая компания приезжих писателей, было бы обидно не поехать. Станислав Юрьевич Куняев сказал: «Если Миша не поедет — я не поеду, Миша — друг Коли Рубцова». Он меня как из ушата горячей водой окатил: слишком большая честь быть другом Рубцова. [Было — жили в одной [комнате], хлебом-солью делился, по театрам ходили, так что — ничего не значит]. С.Ю. жил в общежитии [с другой] стороны.

Я и сейчас не знаю, был я другом Николая или нет. Хлебом-солью с ним делился, он меня звал в деревню. «Миша, поедем, у меня там баба, дочь» — и он читал мне (пел) свою «Куклу» — «Я уеду из этой деревни...», конечно, трогало за сердце, я и сам хотел бы поехать. У нас было две сессии, и я когда второй раз возвращался из института, мне не хотели оплачивать, и я ходил в прокуратуру, а если бы я прогулял, они бы меня выгнали с работы. Я тоже Колю звал к себе в Иркутск, мне можно было взять очередной отпуск и провести его в тайге, в орешнике, но он тоже не поехал.

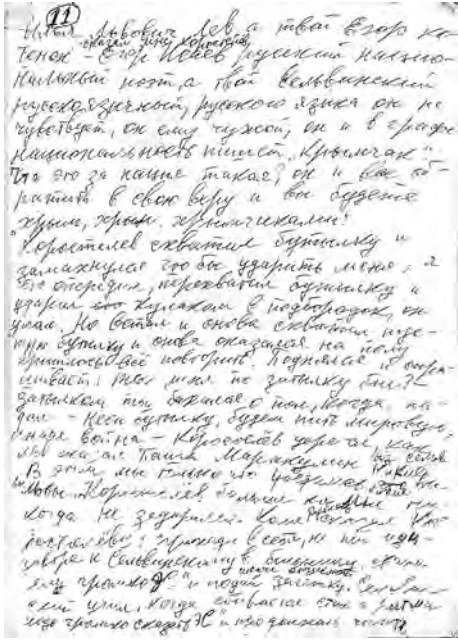
Я и раньше знал о связи потустороннего и нашего мира, и только кажется, что ни с того ни с сего Ст. Юрьевич заявил такое. Он жил в общежитии и видел отношения.

* * *

У Егора Александровича не однажды были в гостях, он был щедрый на угощение. Он любил Рубцова как младшего брата.

По Москве пешком исхожены многие километры — узнавали Москву, часто бывали в театрах. Николай говорил: «Я, Миша, в Москве — как рыба в воде, а ты — как вода в рыбе».

* * *

— Егор Исаев — русский национальный поэт, а твой Сельвинский — русскоязычный, русского языка он не чувствует, он ему чужой, он и в графе «национальность» пишет «крымчак». Что это за нация такая? Он и вас обратит в свою веру, и вы будете «хрым-хрым» — «хрымчаками».

Коростелёв схватил бутылку и замахнулся, чтобы ударить меня; я его опередил, перехватил бутылку и ударил его кулаком в подбородок, он упал. Но встал и снова схватил пустую бутылку, и снова оказался на полу. Пришлось всё повторить. Поднялся и спрашивает:

— Ты меня по затылку бил?

— Затылком ты бахался об пол, когда падал.

— Неси бутылку, будем пить мировую, иначе война.

— Коростелев дерется как лев, — сказал Паша Маракулин [неразборчиво].

— В этом мы только что убедились, какие вы львы.

Коростелёв больше ко мне никогда не задибался. Коля Рубцов сказал Коростелёву:

— Приходи в себя, не пей, иди завтра к Сельвинскому в больницу, скажи ему громко «Эс» и подай зачётку. Сельвинский учил: когда сбивается стих с ритма, надо громко сказать «Эс» и продолжать читать.

Коростелёв не мог понять это «Эс», Сельвинский ему не поставил зачёт по творчеству, и его должны были отчислить из института. Сельвинский ему поставил зачёт. Нам было непонятно это «С». Если стих сбивается с ритма — это уже не поэзия. Коростелёв говорил: «Умрёт старик — я через всю Москву буду на руках нести его гроб», он плакал, когда они пошли провожать своего учителя. Коростелёв плакал. Я был два раза у Сельвинского на семинаре, он был из первого поколения советских писателей. Так и не понял, почему они враждовали с Маяковским, вроде одного поля ягоды. Николай говорил: «Не ходи к Сельвинскому — Егор обидится», но Е.А. либо виду не подал, либо не обиделся.

* * *

Борино окно подходило почти вплотную к окнам общежития мединститута, и Борис нередко был зазывалой: «Девочки, идите к нам, будем стихи читать», — и

девочки приходили в наш скверик на лавочку. Борис и Николай читали им стихи, я не читал: у них были прекрасные, а мне казалось, что у меня стихи хуже. Но с девочками дальше стихов отношения не заходили.

Борис написал прекрасный очерк о Кильдихан Кумратовой, ногойской поэтессе. Я с нею два раза ходил в кинотеатр, и она мне говорила: «Знали бы мои братья (а они учились на Ленинских горах в университете) — они бы тебя зарезали, или меня зарезали, или сами бы зарезались».

Борис писал прекрасные стихи, чистые, как лесной ручеёк.

Я увидел его у окна.

— Пойдем на улицу, — сказал я ему.

Борис стоял, что-то кричал и махал. Напротив в окне была девушка, она тоже что-то пыталась сказать, но гром гремел не смолкая. Я вышел на улицу в плавках и босиком. Дождик был проливной, вода доходила до колена, улица превратилась в реку. Посреди улицы стояло несколько машин, их залило водой.

Гром гремел, не смолкая.

А вот и Борис с девушкой, она худенькая, ситцевое платьице ниже колен облепляет её недоразвитые девичьи формы. Она бегала, видимо, с закрытыми глазами, и налетела на меня. Я, не касаясь её руками, поцеловал в щёчку, а она мне так врезала, что искры посыпались из глаз. И я сказал потом Борису: «Ты береги эту девочку, она хорошая». И потом подумал: «Она сама себя побережёт».

А в тот день вода потоками лилась с неба и гром гремел не смолкая, вода доходила чуть не до колен.

Когда началась перестройка, всем нам было нелегко, а у Бориса была ранимая душа, и, видимо, около него были не те люди, не поддержали...

ГАЛИНА БАКШЕЕВА

УСОЛЬЕ-СИБИРСКОЕ ГОРОДСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ ИМЕНИ ЮРИЯ АКСАМЕНТОВА

Перевод с немецкого

Книги из Германии

Итак, мною получены две книги из Германии на немецком языке. Обе касаются судьбы и творчества поэта Юрия Аксаментова. Книги в твёрдом переплёте, одна из них сборник стихов «Добрый день, весёлый час!», изданный в Гамбурге в 2000 году. Автор другой — Хельга Раух, а название книги в переводе на русский «Сибирь — поиски» 2012 года издания. Книги иллюстрированы рисунками и фотографиями. По объёму небольшие: в сборнике 75 страниц, во второй — 54.

Книги немецкого издания снабжены знаком ISBN, что означает международный код издания, или международный стандартный книжный номер. Цифрами указаны номера на каждой книге. Немаловажным является и это иностранное слово «Copyright», то есть «Авторское право».

В книге «Сибирь — поиски» сделана пометка: «Немецкая национальная библиотека включила эту публикацию в Немецкую национальную библиографию; подробные библиографические данные доступны в Интернете...»

Речь пойдёт о переводах этих книг с одного языка на другой, поэтому обратимся к авторитетному мнению об этой непростой литературной процедуре. В своей книге «Высокое искусство» Корней Чуковский отмечал: «Перевод художественного текста — это нелегкий и зачастую неблагодарный труд. Особенно сложен, на мой взгляд, перевод стихов. Формальное соблюдение количества строк, ритмики, наиточнейшая передача смысла слов не гарантируют, что перевод будет хорошим.

Для наглядности приведём пример точного перевода на немецкий, а с немецкого на русский отрывка из «Полтавы» Пушкина.

Был Кочубей богат и горд,
Его поля обширны были,
И очень много конских морд,
Мехов, сатина первый сорт
Его потребностям служили.

(Перевод отрывка взят из книги Корнея Чуковского «Высокое искусство», перевел не Чуковский.)

В данном отрывке нет ни отсебятины, ни ляпсусов переводчика, основные слова все использованы те же, что и в подлиннике, смысл передан точно, но очевидно, что это даже близко не Пушкин.

У читателя такого перевода создалось бы совершенно превратное представление о гении поэта. Вряд ли читатель вообще смог бы понять, почему Пушкина так любят и восхваляют. Красоты в этих строках нет, есть только переданный смысл, но без красоты он стал бессмыслен и скучен.

Вот как эти строки звучат в подлиннике:

Богат и славен Кочубей,
Его луга необозримы,
Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы...
И много у него добра,
Мехов, атласа, серебра....

Страшно представить, что в таком коверканном виде за рубежом знакомятся с нашими поэтами. Но и в обратную сторону, к сожалению, это тоже работает, то есть и нам тоже, читая переводную зарубежную литературу, в уме приходится делать скидку на возможно неточную передачу подлинника).

Пусть эти суждения Чуковского сопутствуют и нашему восприятию переводов моих немецких книг. Начинаем со сборника стихов поэта Аксаментова, где с самого начала указано, что перевод на немецкий язык выполнен Хельгой Раух и добавлено: «С дружеского согласия союза писателей Иркутска». Далее в стихотворной форме идёт текст переводчика с её подписью. Дословный перевод этих строк таков:

Это навеяло на размышления.

Эта книжечка, обнаруженная в Иркутске,
Меня очаровала, пробудила мой интерес.
Те стихи, написанные с увлечением,
Побудили меня к переводу.

С этими чувствами я хотела думать
Направить свой дух на подобную жизнь.
Я посетила Сибирь, смогла это пережить
И позволила себе возвыситься над расстоянием.

Я любила этих людей, таких простых и бедных,
Ни в коем случае не обозлённых, полных обид.
Они любят свою страну, свой лес, своё море.
Они надеются, и тревожатся, и ждут.

Данное предисловие переводчика к стихам поэта Аксаментова по-своему хорошее и смыслы понятные. За исключением этих снисходительных и режущих слух слов — «таких простых и бедных». Но на них не стоит заострять внимание, ведь это стереотип советского человека глазами иностранцев.

По моей просьбе на русский язык данный текст и последующие два стихотворения перевела преподаватель немецкого языка. Конечно, она не пыталась их рифмовать. Для меня было важным понять смысл слов, вложенный в немецкий текст.

Обратимся к первому стихотворению Юрия Аксаментова «Старое письмо», строками из которого назван его сборник «Добрый день, весёлый час». Подлинник первых строк следующий:

«Добрый день, веселый час!».
Все мы вместе, все мы в сборе.
Было горе, — нету горя —
Сочинять письмо как раз.
Протянули понемножку
На крапиве как-нибудь,
Вот дожили до картошки —
Напиши, не позабудь...

А вот такой получился перевод с немецкого:

«Добрый день, весёлый час!»
Мы все собрались, все возле урожая.
Усталые, однако не несчастные,
Как раз чтобы написать письмо.
Проводили время здесь до картошки,
Давайте запишем, прежде чем мы это забудем...

Смешной перевод, но будем надеяться, что на немецком он звучит интереснее. Конечно, немцам не дано знать, что значит «протянули на крапиве и дожили до картошки». Перевод на русский получился без особого смысла, но будем считать, что это эффект двойного перевода.

В другом своём стихотворении «Первопахари» поэт затронул тему освоения Сибири. Время, когда простые люди «крестьяне ушли за Камень», то есть за Уральские горы. В оригинале есть такие строки:

Та Русь, что на Оке и на Тарусе,
Уже в деньгу переводила медь,
А здесь в протоках гоготали гуси
И по тайге хозяйничал медведь.

Ничья соха землицы не пахала.
На протяженье тысячи веков
От Нижнего Амура до Урала
Был край охотников и рыбаков.

Но на Руси Великой, Малой, Белой
Христолюбивый царь взошел на трон,
На слово мягкий, на правёж умелый,
С крестьян три шкуры снять стремился он.

«Чего нам жить в неволе дураками? —
Собравшись в круг, судили мужики, —
Добудем волю, все уйдем за Камень:
Земля угожа, реки глубоки!»...

Поэт Юрий Аксаментов сочинил на русском, Хельга Раух его перевела на немецкий, а мы перевели её текст снова на русский. Конечно можно посочувствовать переводчику — а ну-ка попробуйте переведите на другой язык «три шкуры снять» или «на правёж умёлый»? И всё-таки... Обратимся к последнему переводу:

Взошёл на трон любящий Христа царь
На словах мягкий, на деле — лишённый разума.
(Про «три шкуры драть», перевод невообразимый!)

.....
«Почему мы живём в рабстве у дураков? —
Собравшись в круг, обсуждали простые крестьяне.
Мы завоюем свободу. Они встретились на скале.
Земля приятна. Реки непостижимы!».

Проверяем смысл текстов: крестьяне обсуждают: «Почему мы живём в рабстве у дураков?», хотя автор в подлиннике указывает другое: «Чего нам жить в неволе дураками». Смысл приобрёл разные значения. Аналогично о царе — «на правёж умелый» переведено «лишённый разума». И первый и второй примеры это полное искажение того, что хотел сказать автор. Такой перевод считается недопустимым. Это либо очень плохой перевод, либо специально продуманное искажение.

Я не стала анализировать немецкие варианты других стихотворений нашего поэта, но интересно — почему Хельга называет себя автором переводов этих книг? Мне достоверно известно, что с русскими она общалась только через переводчика. К тому же, дочери Аксаментова Татьяне Хельга сказала, что стихи отца переводили доверенные ей люди, а она лишь оплатила их работу. Наводит на размышления и тот факт, что знакомые Хельги, с которыми я общалась, не замечали её увлечения поэзией.

Посмотрим, что будет с переводом второй книги «Сибирь — поиски». Немецкий текст был переведён на русский с помощью «Гугл-переводчика». Начинается книга с письма Иркутской писательской организации от 20.09.1991 года за подписью Станислава Китайского для Хельги Раух. О нём я упоминала в предыдущей главе. Для себя я выделила главную мысль, которую госпожа Хельга хотела обозначить в начале своей книги: Юрий Аксаментов безнадежно болен, и то, что его коллеги — иркутские писатели одобряют перевод его сборника на немецкий язык.

Краткую биографию поэта автор сопровождает своими комментариями. Вот некоторые отрывки перевода: «Юрий является выдающимся автором многих произведений. Он основал в Иркутске литературное объединение... Его сопротивление политической системе, его борьба за свободу и права человека стали его роковой судьбой. Разногласия по поводу прав человека или свободы выражения мнений могут возникнуть в любой момент... Семья на короткое время переехала в новую квартиру. Юрия «подхватили». Его шантажировали и заставили дать показания, он подвергся мучительным пыткам и жестокому обращению. Затем всю семью сослали в заброшенный казарменный лагерь на Витиме, без автомобильного и железнодорожного сообщения, расположенный в самой глубине Сибири....».

Вся информация о притеснении поэта, корреспондента и человека Юрия Аксаментова — это полное враньё. Как мог в советское время человек, который оказывает «сопротивление политической системе», быть коммунистом, работать в редакциях газет? Он один из первых в городе был принят в Союз писателей Российской Федерации. Много лет возглавлял городское литературное объединение. Жаль, что госпожа Хельга об этих заслугах Юрия Петровича не упомянула в своей книге.

Далее автор продолжает: «Юрий пишет отчет о Витиме. Это включает в себя тоску по новому дому. Юрия снова арестовывают и заставляют выполнять при-

нудительные работы... И снова удаление в 1975 году в Иркутскую психиатрическую тюрьму, где письма запрещены. Изменяющие характер психотропные инъекции обездвижили его. Худшие медицинские эксперименты мучили его до конца жизни».

Опять вопиющая ложь. Не было в биографии Юрия Петровича и его семьи никаких арестов и ссылок. В посёлок Мама Иркутской области Аксаментов переехал в связи с тем, что в редакции местной газеты «Мамский горняк» ему предложили должность заместителя редактора. А это повышение по должности и карьерный рост. При отъезде из города Усолье-Сибирское, за семьёй была сохранена их новая квартира. Позднее он в неё вернулся. Да, Юрий Аксаментов время от времени находился в иркутской больнице, но такая госпитализация была связана исключительно с его состоянием здоровья.

Вот такой перевод лжебиографии поэта Ю.Аксаментова помещён на первых двух страницах в книге Хельги Раух. Далее она даёт очень короткую характеристику его поэтического творчества, но и здесь мысли автора не меняют своей чернушной окраски: «...неисполнимая тоска, которая мучила его на протяжении всей жизни... Стремление к духовной свободе. Люди всегда были ядом... и только лес и поля могли питать его морально и физически».

Большую часть книги «Сибирь-поиски» занимают стихи Аксаментова. Меня удивило то, что они взяты из разных сборников. Перевод стихотворений, как и перевод очерка «Витимский репортаж», оказались такими же мрачными, теряющими смысл и тем более красоту художественного слова поэта.

Иногда трудно определить, какое стихотворение взято за подлинник. Вот перевод на русский язык одного из них:

Но мы, плача от отчаяния, разоренные горем, пытались справиться с этим сами, языком известных условий.

А работа, превосходившая наши силы, была возможна только ночью.

В каждой отрасли мне придавалась определенная степень напористости.

Мы как-то странно развлекались; Для себя я решил так:

Я найду что-нибудь.

Я не сказал какой результат.

Я был обречен на мучения, но чувствовал себя в глубине рожденным из формы и звука, объатым дыханием.

И таким образом я испытывал себя против всепобеждающей власти, заставляющей трепетать сердце то торжествующе, то страшно.

Специально данный текст перевода приведён с половины стихотворения и до его конца. Ничего нового читатель здесь не заметит, та же обездоленность и безысходность, и опять «...я испытывал себя против всепобеждающей власти...».

В стихотворении «Встречь солнца», где поэт словосочетание «Встречь солнца» воспринимает не только как символ нового дня, но и движение вперёд: «К океану! К океану!», а также в смысле патриотического воззвания к новым свершениям. Однако в переводе с немецкого читаем полнейшую нелепицу: «К солнцу! Там вход в русский ад». В подлиннике слова звучат по-иному: «Встречь солнца! Там, на восходе, — русский фарт!»

Хотелось бы немецкому читателю о творчестве Юрия Аксаментова сказать словами современного сибирского поэта Максима Орлова: «Для него неизменными остаются константы: это любовь к Родине и ощущение себя русским во всём:

по отношению к сибирской природе, по отношению к женщине, по приверженности к чистому русскому языку». И настоящий поэт Аксаментов виден вот в таких строках:

Глазами добрыми, открытыми
Ты смотришь вдаль грядущих лет,
Перепоясавшись орбитами
Многоступенчатых ракет.

И белым хороводам — множиться,
И таять — льдам,
и счастьем — быть,
И нам — трудиться и тревожиться,
И крепко Родину любить.

(«Расхороводилась берёзами...»)

Казалось бы, прозу Аксаментова переводить намного легче, но почему-то в переводе очерка «Витимский репортаж» читаем слова, которые не имеют авторского смысла: «Мы здесь чужие. Значит без угла, где ты родился, здесь жить нельзя»? Как такие слова могут оказаться в тексте, если журналист, описывая историю добычи слюды, рассказывает и о жизни людей, живущих в этих суровых условиях. Пафос его повествования — просто героический. Его люди честно трудятся, они любят свою работу, любят и облагораживают место, где живут.

Подводя итог, хотелось бы надеяться, что госпожа Хельга Раух имела благие намерения познакомить своих соотечественников с творчеством и судьбой сибирского поэта, но у неё не получилось показать ни истинного самобытного поэта Юрия Аксаментова, ни его человеческих качеств и духовного мира. И нам перевод на немецкий язык стихов талантливого поэта не принёс той радости и гордости за своего земляка, а наоборот, оставил горестное сожаление и вопросы, на которые нет ответов. С 2018 года автор книги «Сибирь — поиски» и автор перевода стихов Хельга Раух пребывает в мире ином. Бог ей судья.

Будем по-русски великодушными и, пока нет профессиональных переводов книг Хельги Раух, закончим это повествование её высказываниями о сибиряках. Будем надеяться, сказаны они от души:

Я любила этих людей, таких простых и бедных,
Ни в коем случае не обозлённых, полных обид.
Они любят свою страну, свой лес, своё море,
Они надеются, и тревожатся, и ждут...

Перевод книг госпожи Хельги Раух навёл меня на большие размышления, и не только о переводах стихов нашего поэта Юрия Аксаментова, но и других литераторов. Например, произведения Валентина Распутина переводились на 40 иностранных языков, в том числе и на немецкий. Где гарантия, что их перевод был хорошим. Вот и роятся мысли — информационная война с западными странами, видимо, у нас никогда не заканчивалась.

Ноябрь 2023 год.

Страницы памяти

ЮЛИЯ ПОДГОРБУНСКАЯ

Летит из колодца звезда

Воспоминания о Татьяне Суровцевой

Одиннадцатого октября у Татьяны Николаевны Суровцевой, прекрасного нашего русского и сибирского поэта, был бы день рождения... Но, к сожалению, её уже нет с нами. Начну со слегка детективной истории. У одной женщины, пока она лежала в больнице, внучка привела домой одноклассниц, после этого визита исчезла книга стихов Татьяны Суровцевой «Жизнь свою начинаю сначала...», стихи которой эта читательница любила просто самозабвенно, пропажу книги она и обнаружила по выходе из больницы. Есть вещи, которые детям нужно объяснять в первую очередь, но, что сделано — то сделано. После этого женщина едва не слегла снова... Немного оправившись от такого расстройтва и потрясения, эта женщина попросила меня продать ей сборник Суровцевой, так как у меня было два экземпляра на тот момент: я приобрела их, когда, уже после смерти Татьяны Николаевны, в библиотеку Молчанова-Сибирского привезли тираж, и теперь я, скрепя сердце, согласилась расстаться со вторым экземпляром: уж очень поклонница поэта убивалась о потере.

*Разменяв золотые года,
жизнь свою начинаю сначала,
и летит из колодца звезда
в серебристую бездну — туда,
где она при рожденье сияла¹.*

Стихи Татьяны Суровцевой настолько любимы читателями, что её небольшие сборники являются настоящей святыней для почитателей её таланта и ценятся буквально на вес золота. Этот сборник вышел незадолго до смерти поэта, и сама Суровцева говорила мне: «Хочу, чтобы у тебя была эта моя беленькая книжечка», хотела подарить, очень она ей самой нравилась. У Татьяны Суровцевой, насколько я знаю, всего вышло несколько книг: «Я не живу за каменной стеной» (самиздат КПУ), «Остров веры» (1982), «Северная песня» (1985), «Крыло судьбы» (1988), «Снежные птицы» (1999), сборник «Стихи» (2007) и наконец — «Жизнь свою начинаю сначала...» (2016), но у меня, к сожалению, есть далеко не все из них.

Когда я в две тысячи пятом году пришла в литературное объединение при Союзе писателей России, то попала к Татьяне Суровцевой. С Татьяной Николаевной мы общались ровно двенадцать лет, до самой её смерти. Эта удивительная женщина и талантливейший поэт была бесконечно искренней, порядочной... А ещё — вдохновлённой, нежной, восторженной, иногда — строгой, упрямой, строптивой, бескомпромиссной, но всегда любящей и бесконечно жаждущей любви. По любимой

¹Здесь и далее стихи Татьяны Суровцевой.

фразе Татьяны Николаевны Суровцевой: «Спасибо за то, что ты есть!», хочется сказать: «Спасибо за то, что Вы были!» В стихах Суровцевой живёт дух Байкала, самой сибирской природы. Читая её стихи, я слышу её голос, серебряный голос, как говорили о ней многие...

*Выйди, замри и прислушайся так, на пороге:
Чайки, причудливо рея, летят на Байкал.
Стебли травы оплетут нам усталые ноги...
В землю вращём мы, как эти березы у скал.*

Мне кажется, душа Татьяны Николаевны — как горный ключ. Она тоже обжигает холодом и чистотой. (Теперь уже приходится говорить — обжигала.) И умением видеть в людях нечто такое, что составляет самую суть человека, а ведь она у всех разная. Хотя иногда мне казалось, что ей хотелось видеть в других то, что ей представлялось единственно верным, и она испытывала досаду, когда этого не находила. Она порой упрекала меня за любовь к некой абстрактной красоте, так она считала. А я, скорее, люблю в других страстность души, темперамент, а ценю больше всего искренность, порядочность, умение сострадать, доброту, а также умение не сдаваться трудностям.

«Кукла фарфоровая!» — сказала она однажды про меня, когда мы были на выставке в музее в две тысячи десятом году. Я хотела было обидеться, но поняла, что слова эти произнесены... с восхищением. Странно, она восхищалась даже моей внешностью, которой я сама вечно была недовольна. Оказывается, это был комплимент...

Многие называли её моей наставницей в поэзии, но мне казалось, что мы слишком разные, а точнее, во многом противоположны. Она считала, что мне нужно уволиться, быть свободной — для того, чтобы «расписаться», то есть имела в виду, что литература должна стать моим постоянным занятием. Я же всегда мысленно помещала на первое место живопись. Анатолий Георгиевич Костовский как-то беседовал с Суровцевой. Она ему показывала «Чудесные сказки» Марии-Луизы Вэр, в своём переводе, которые я иллюстрировала... Авторы часто считают рисунки к своим произведениям своей собственностью, а не собственностью художника. Даже Татьяна Суровцева ухватилась за них, словно ребёнок за понравившуюся игрушку, и мне было неудобно настаивать. Но их пришлось забрать на пересканирование в издательство. А потом Александр Константинович Лаптев вернул их мне со словами: «Рисунки принадлежат художнику!».

После юбилея Татьяну Суровцеву называли, по сути, живым классиком. Она была рада этому запоздалому, по её словам, признанию. Она была постоянна в своих симпатиях и антипатиях, в своих привязанностях, категорична в своих суждениях и оценках, это признак прямой и цельной натуры. Суровцева резко отрицательно (и в этом я с ней совершенно согласна) относилась к некоторым проявлениям современного искусства, в частности, к скульптурам Намдакова. Мне в Татьяне Суровцевой нравилась именно её прямота и искренность. Даже если она что-то не понимала или не принимала. Но её слова всегда были гарантией того, что если она хвалит — то искренне. Если критикует — тоже искренне.

В ноябре две тысячи шестнадцатого года Татьяна Николаевна вышла из своего дома в Университетском и встретила нашу литературную группу из Дома Полевых, говорила с нами. Потом мы пошли с Татьяной Николаевной прогуляться по окрестностям, и она сказала мне, прямо выдохнула: «Ой, Юлька, как я тебя люблю!».

В больнице Татьяна Суровцева незадолго до своей смерти сказала мне: «Мысленно я свою болезнь уже победила!». Но, видно, болезнь всё же оказалась сильнее её. Она была человеком, сильным духом. И, наверное, она была внутренне одинока, потому что можно быть одиноким и среди близких, а тем более в толпе, когда вокруг люди, чуждые нам по своим ценностным приоритетам... Татьяна Суровцева когда-то давно сказала мне, когда в очередной раз была на лечении: «Я сбежала из больницы, там разговоры были только о еде».

*Хулу я поделила на хвалу.
Все не важнее травки-повилики —
здесь, где по склону кедр,
как Пётр Великий,
шагнул, корнями расколов скалу.*

Люди уходят, и понимаешь, что они любили так, как умели, и это дорогого стоит. Странно, но только после смерти человека воспринимаешь его личность целиком. Словно капля оторвалась от поверхности бытия и обрела округлые очертания. И уже ни с чем не связана, просто существует в бесконечном полёте... После смерти Татьяны Суровцевой я ощутила, что ушёл кто-то очень близкий. Учителя больше любят учеников, чем ученики — их, так же, как и родители больше любят детей. И как бы мы ни любили родителей, учителей — всё равно любовь старших чаще всего оказывается сильнее...

Татьяна Суровцева прожила трудную жизнь. Поэтому в других её это не поражало так, как меня. Но её кристаллически ясная душа тоже искала чего-то, способного её удивить. Мне она в поэзии своей иногда казалась обжигающе холодной, когда не можешь понять, по какую сторону шкалы получен ожог. Чистота, искренность, бескомпромиссность. Словно снега, лежащие на горных вершинах. Суровцева любила Анну Ахматову, я — Марину Цветаеву. Она любила больше Серебряный век, я — Золотой.

Людей с горячим темпераментом она, как ни странно, отторгала и даже считала холодными(!). Помню один разговор, который ошарашил меня. Суровцева заказала мне привезти ей диск с музыкой Шопена. Потом добавила: «Ну, и Бетховена тогда тоже!». Её музыка Шопена успокаивала. Я же считала, что Шопен у слушателей отнимает энергию. Как бы то ни было, я привезла Татьяне Николаевне оба диска.

Спустя какое-то время возвращает она диск с музыкой моего любимого Бетховена и заявляет: «Не люблю его: он холодный!». «Напротив: огненный!» — возражаю я. «Значит, не люблю огненных!» — упорствует Татьяна Николаевна. Вот и поговорили! Это заявление вызвало у меня сильные сомнения во вкусе Татьяны Николаевны. Хотя всё дело, видимо, в сходстве или различии темпераментов, характеров, энергетики. А вот относительно убеждений, мироощущения, системы ценностей — тут, наверное, напротив, важно нечто общее, здесь уже подобное будет притягивать подобное. Я заметила, что многие авторы в своих произведениях оттеняют добро — злом (Гюго), мрак — светом (Бетховен), тепло — холодом (Суровцева). Это как контрасты в живописи. И это можно найти в литературе, музыке, поэзии.

В чём в чём, а в равнодушии Татьяну Суровцеву точно нельзя было заподозрить. Она была человеком, у которого по каждому вопросу было своё, отличное и не похожее на других мнение, и эта черта проявлялась в ней ярче многих других. Однажды по телефону, рассуждая о разных поэтах, Татьяна Суровцева мне

сказала: «Если бы ко мне пришёл Есенин, я бы его на порог не пустила!». Чем-то он ей, видно, не нравился как человек. Она относилась ко многим историческим личностям так, будто знала их лично. Она жалела Гоголя, скорбела о Гумилёве, искренне сочувствовала Ахматовой.

Она переживала за каждого человека, которого могла назвать поэтом, за каждого, кто был её роду-племени. «Представляешь, она ходила в старой юбке, в старых туфлях!» — посетовала Суровцева об Анне Ахматовой, она произнесла эти слова так, будто видела её всего лишь несколько минут назад. Она читала свои стихи о Гоголе, которые были таковы, словно она только недавно пообщалась с ним или с его духом, и жаловалась ему, как родному:

*Я б догнала его! Я бы спросила,
Робкая сердцем всегда и поднесь:
— Правда ли, Гоголь, что стали красивей
Люди с тех пор, как живали Вы здесь?
Я бы вздохнула: — Ах, ныне в искусстве
Время тревог и пристрастной молвы...
Гоголь, я зонтик забыла в Иркутске,
Мокну во дворике старой Москвы.*

Такой была Татьяна Николаевна, а я, не всегда разделяя её чувства, удивлялась этой душе, заключённой в теле такой хрупкой женщины, и рассеивающей вокруг себя ослепительные лучи. Татьяна Суровцева говорила всем редакторам, бравшимся её править: «Не лезьте в мои стихи!». Но это особый случай: она сама была большим мастером. Ещё Татьяна Суровцева мне сказала однажды: «Для меня важнее всего человек-творец». Разумеется, она имела в виду поэтов, а я — не только их, но и художников, композиторов.

С Татьяной Суровцевой мы расходились во многом, несмотря на её любовь ко мне, и я не знаю, чем я её привязанность заслужила. Наше несходство можно было бы сформулировать стихами Р. Тагора: «Всё стеснённое молит свободы и жаждет простора, / а свобода — ищет жилища и ждёт рубежа». Я всю жизнь ищу свободу и никак не могу найти. А Татьяна Николаевна, мне кажется, ощущала себя бесприютной в этом мире, в стихах её мне чудится некое сиротство. Общее у нас — только любовь к природе и к поэзии.

Ей было свойственно обострённое восприятие всех явлений в этом мире. Она мне рассказала, как однажды пошла к знакомым в гости в Духов день. Путь лежал через небольшой лесок, по этой дороге она уже прежде ходила, но в этот раз ей показалось, что со всех сторон на неё обращены чьи-то враждебные взгляды, деревья шумят не так, как обычно, словно кто-то перешёптывается и что-то замышляет против неё. Она в конце концов так перепугалась, что бегом бросилась обратно, вон из леса, шум которого казался ей зловещим...

Может быть, у Татьяны Николаевны, натуры впечатлительной и поэтической, просто разыгралось воображение? Материализм, заложенный с детства, силен во мне, и я склонна думать, что это самовнушение. Для меня лес может быть опасен только по объективным причинам: звери, болото... или люди: всякие ведь ходят, и — клещи, наконец. А вот деревья — что может быть более доброжелательным и надёжным в природе, чем деревья? В конце концов, это ведь не тропики. Хотя, может, она действительно почувствовала, что в лесу собрались невидимые духи, и сами деревья как раз не виноваты?

Однажды я позвала с собой двоих керамистов на встречу с Татьяной Николаевной: она иногда приезжала в Дом литераторов для того, чтобы пообщаться с кем-нибудь, в том числе и со мной. Мне хотелось познакомить керамистку Таню Федотову с её знаменитой тёзкой. Ещё с нами была Ольга Григорьевна Распутина, как потом оказалось, дальняя родственница Валентина Григорьевича Распутина. Так что за одним столом сошлись керамисты и литераторы. Суровцева объявила, что только недавно отправила в журнал «Сибирь» статью, где, в частности, писала о моём романе. Она что-то цитировала из статьи, а потом просто начала хвалить меня, да так, что я не знала, куда мне деваться: мне было неудобно перед керамистами. А Татьяна Николаевна вошла в раж и говорит мне лукаво: «Терпи!».

Надо было знать Суровцеву, чтобы понять, что она всегда делала только то, что хотела. Захотела написать статью — и написала, хотя никто её не просил. К тому же она плохо чувствовала себя после лечения, но всё равно статью написала и отправила в «Сибирь», на то была её добрая воля! Татьяна Николаевна удивила меня следующей фразой в телефонном разговоре относительно романа: «Не зря жизнь прожила»...

Несколькими годами ранее Татьяна Николаевна первые главы из моего романа вначале восприняла в штыки: «Какой там ещё алхимик?!». Не знаю, мой алхимик возник, некоторым образом, из... цветка фуксии. Николай Верзилин написал в «Путешествии с домашними растениями»: «Фуксия — цветок алхимиков». Позже я решила, что персонаж может немного походить на Леонардо да Винчи. Дело в том, что я — визуал, и мне надо опираться на зрительный образ. Потом, когда Суровцева прочитала уже изданный роман, то усердно отпиралась, что первоначально отвергла его, когда не было ещё полной картины того, что будет в сюжете. При очередной встрече она в шутку замахнулась на меня своей палкой (последние годы она уже ходила с палочкой) и воскликнула: «Почему ты мне не дала редактировать роман?!».

Я решила в следующий раз попросить Татьяну Николаевну поработать с другой моей книгой (со стихами). Мне хотелось дать ей возможность заработать на редактировании, так как у неё было не очень хорошее материальное положение, но я не предполагала, насколько нелегко обуздать несобранность творческого человека. У Татьяны Николаевны был порыв вообще редактировать бесплатно, но этого я никак не могла допустить. Она была бескорыстным человеком, а именно таким и хочется помочь.

Но вышел новый казус: Татьяна Николаевна редактировала стихи, но наотрез отказалась редактировать пьесу, первый тогда вариант пьесы в стихах «Бетховен и Катерина», заявив: «Пьеса длинная, мне тяжело читать!». «Ну, как ребёнок! — подумала я. — Это отговорка, размеры романа её ведь не остановили!». Тем не менее, Суровцева, словно с неким торжеством, что уличила меня в очевидной оплошности, написала крупными буквами на одной из страниц: «Зимой грозы не бывает!» Словно для того, чтобы немедленно переубедить её, в ту же ночь, четвёртого декабря две тысячи тринадцатого года, началась гроза. Я проснулась среди ночи и, подойдя к окну, не поверила глазам: шёл снег, дождь, сверкала молния и всё вокруг грохотало... На другой день Татьяна Николаевна с ужасом и восторгом мне рассказывала по телефону, что у неё за окном «блестела шаровая молния, а потом с треском взорвалась». Я невольно... подумала, что сама природа взялась подчеркнуть величие личности композитора и доказать мою правоту, оттого и гремела гроза среди зимы.

Что касается фантастического романа, я считала, что в одном из эпизодов описываю в нём вымышленное явление. А Татьяна Николаевна была уверена, что однажды сама стала свидетельницей подобного: на Байкале среди ночи на некоторое время наступила абсолютная тьма, с кажущимся исчезновением всего, что возможно уловить органами чувств. Точнее, Суровцева с кем-то забрела в горах в подобное место, где их и накрыла «область мрака». Татьяна Николаевна находила в романе что-то близкое своей душе, и он нравился ей всё больше и больше. Я считаю, что он интереснее для юных, с их любовью к приключениям, чем для взрослых, но, видно, встречаются взрослые, которые в хорошем смысле слова остаются детьми до конца дней.

Когда она редактировала мою книгу (в моём присутствии, без меня дело вообще останавливалось), после нескольких стихотворений всё кончалось с её стороны чтением собственных стихов, разговорами и рассказами, изредка — даже пением. Да, она свои стихи умела ещё и петь! Мне кажется, ей просто хотелось пообщаться со мной подольше, и она старалась растянуть процесс. Её сын был в Москве, и, наверное, Татьяне Николаевне было одиноко. А я торопилась, меня дома ждала мама. Мне кажется, Суровцева даже ревновала меня к ней. Сама Татьяна Николаевна потеряла мать ещё в детстве, и это обстоятельство, а также то, что отец женился вторично, приведя домой мачеху, которая не любила детей мужа, Таню и её брата, всё это мучило поэтессу годами, она сама мне говорила об этом, она хранила детские воспоминания о матери:

*Гляжу в прошлое, как в щёлку,
вижу: ночь и дом в посёлке,
в доме — маму и себя.
Тёмный блеск её волос,
Светлый лак её гитары,
Смутный образ песни старой,
Песни долгой — на сто вёрст...*

Незадолго до смерти Татьяне Николаевне приснилась её мать, и она почувствовала себя счастливой, но это было уже предвестие конца...

С Суровцевой было странно: примерно в то время, когда она умерла, мне приснилось, будто она ходит по моей квартире, хотя никогда у меня в гостях не была. Сон меня озадачил, но я не думала, что Татьяны Николаевны уже нет в живых.

Был такой, можно сказать, мистический момент: Пресвятая Богородица являлась во сне Суровцевой, когда Татьяна Николаевна лежала в больнице, в две тысячи тринадцатом году. «Она была в невероятно красивых красных одеждах, или в красном покрывале» — сказала поэтесса. В онкодиспансере висела икона (вероятно, «Всецарица», в тёмно-красном, кстати), и Татьяна Николаевна молилась перед ней, вскоре пошла на поправку и прожила после этого ещё три с половиной года. Можно, конечно, сказать, что этот сон — только следствие того, что поэтесса часто и подолгу смотрела на икону, но — кто знает...

Помню, на собраниях литературной студии «Лист» Татьяна Николаевна Суровцева неоднократно вдохновенно читала стихи Николая Гумилёва: «Что делать нам с бессмертными стихами? / Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать». Я с улыбкой смотрела на неё: подобные чувства от тех или иных прекрасных поэтических строк, видимо, иногда возникали у неё, именно это мимолётное, ускользающее ощущение сильно волновало её, и было тем острее, чем совершеннее строки. Но

я-то знала, что с ними делать, со стихами! По крайней мере, мне так казалось, и я самонадеянно думала: «Я знаю!»

Я мысленно читала себе наизусть понравившиеся мне стихи разных поэтов бессчётное число раз, пока ехала в транспорте с учёбы в институте, или скользила взглядом по любимым строчкам, но, правда, очень редко читала вслух и никогда — на публику. Это было мысленное действие, сродни общению с Богом, но тогда, конечно, мне это не могло прийти в голову, потому что я в те годы не была верующей. Я общалась скорее с вечной мудростью человечества, которая кочевала в головах и сердцах лучших поэтов, когда-либо приходивших на землю, для меня это было — прочувствовать поэтические строки, ощущать их, обладать ими, если хотите, пока они звучат в душе, проживать их в те моменты, пока мысленно их произносишь...

Стихи — как музыка, живут, пока их мысленно воспроизводишь или слушаешь. Я думаю, что эту светлую тоску Суровцевой я поняла в полной мере только тогда, когда начала по-настоящему слушать музыку. Татьяна Николаевна и стихи ощущала — как музыку, потому и пела их иногда. Стихи возникали у Татьяны Суровцевой из любых жизненных впечатлений — из поездок, мимолётного общения с людьми, байкальских пейзажей, из картин неба и воды. Странница, она встречала свои впечатления в пути, её жизнь была неустроенной и беспокойной, а душа — открытой всему, что пошлёт ей судьба. Она бросалась в жизнь, как в бурное море, я же обычно предпочитаю наблюдать за переменчивостью жизни, сидя на берегу, уверенная, что река жизни сама принесёт всё, что нужно душе, если, конечно, не отказываться от неожиданных даров, нужно просто внимательно следить за течением.

Мы с Татьяной Николаевной были противоположны во многом, но нас объединяла любовь к поэзии, а ещё то, что мы обе ставили искусство выше многих других обязательств в жизни, так как считали, что это — предназначение, дар свыше. И своё предназначение Татьяна Суровцева выполнила на все сто процентов...

*Всё же мир — вдохновенье и тайна,
Вечной музыки вечный источник.
Как стремительно, празднично тает
Над тобою листвы шепоток!
Как пронзительно облако светит
Над коричневой гривой сосны...
Отшумев, отступают столетья
За высокий порог тишины.*

Эти строки Татьяны Суровцевой вспоминаются мне в первую очередь. Суровцева моментально умела отрешаться от всего повседневного, бытового, чего касалась только вскользь, словно в недоумении, что в жизни вообще может существовать что-то помимо поэзии. «Поэт всегда должен быть выше повседневности», — говорила она. Татьяна Николаевна словно улетала в неведомые выси, могла вдруг в разговоре неожиданно, но к месту прочитать стихи — свои, или других поэтов. «Много выступает на публике, поэтому и привыкла», — удивлённо думала я, пытаюсь для себя объяснить эти лёгкие, естественные переходы к чтению стихов, и только потом поняла, что это вовсе не следствие частых выступлений, просто такова была её сущность: всегда жить внутри поэтического мироощущения, и никакие долгие и сложные переключения с повседневного на возвышенное ей не были нужны:

*Я волосы сушу на берегу:
холодных брызг в них набросали волны,
и волосы байкальским ветром полны,
и солнце в них ночует, как в стогу.*

Суровцева была, как птица, парившая в воздухе поэзии, она всегда, каждое мгновение была готова к полёту. Летать, летать — пока не иссякнет дыхание... Этот полёт в небесах поэзии мог закончиться только вместе с жизнью. Таких людей, как Татьяна Суровцева, я больше не встречала.

Поэты, как и люди вообще, бывают очень разные. Есть такие, что уверенно держат поэзию в руке, словно веер, чтобы артистически, эффектно взмахнуть ею при первой возможности перед публикой. Есть те, что всегда, словно добрые сказочники, готовы рассказать стихи по первой же просьбе, щедро и ненавязчиво даря это волшебство внимательному слушателю. Есть и такие, что с опаской извлекают свои поэтические сокровища, настоящие или мнимые, из сундука, оглядываясь: не подкрался ли коварный критик?

И только Татьяна Суровцева летала свободно и бесстрашно, как ласточка, или чайка, в небе поэзии, независимо ни от кого, потому что просто жила этим и беззаветно верила в свою небесами данную музу:

*И вёсел узкие запястья,
летающие над водой,
И чайки вечное пристрастье
к полету, к риску.
И прибой...*

Она, мне кажется, была бы способна читать свои стихи волнам, ветру, деревьям, степным травам, это было бы просто и естественно, она общалась бы с дикой природой, со стихиями так же, как она просто и искренне общалась с людьми. Я была такой, как она, только в детстве, особенно лет в одиннадцать, но постепенно всё это сходило на нет, пока почти полностью не исчезло, когда я начала работать. А Суровцева оставалась Поэтом с большой буквы до конца своих дней.

Однажды я прочитала ей своё стихотворение, написанное под впечатлением от картины Ильи Репина «Нищая». Суровцева очень обрадовалась и прочла мне свои стихи, совершенно другие, но о той же самой картине. Татьяну Николаевну обрадовало, что одно и то же впечатление подвигло нас к написанию стихов, а заканчивалось её стихотворение пронзительными строками о степи, о родине, о Руси:

*О Русь! Как степь, ты неисповедима,
Ты сон в жару и травы вперехлёт.
Трезвон стремян и древний запах дыма,
Польнный мёд невыплаканных слёз...*

Вспоминается один интересный момент. В литературную студию «Лист» в последние годы Суровцевой ходило совсем мало народа, названия студии даже не упоминали, а считали, что мы собираемся в Доме литераторов, «чтобы пообщаться, почитать стихи». Суровцева прибалывала, у неё иногда «скакало» давление перед выездом из дома, но она стремилась на эти встречи, ей необходимо было общение. Обычно бывали Елена Анохина, Светлана Степанова, иногда — Жанна Райгородская, и другие, что появлялись на один-два раза и исчезали, я их даже не вспомню теперь.

Однажды нас к концу встречи сидело только трое или четверо: сама Татьяна Суровцева, ещё кто-то из новых, довольно молодых, и незнакомый человек, пожилой, не очень опрятный. Он был, конечно, не бомж, но был близок к тому, чтобы совершить некое окончательное перемещение вниз по социальной лестнице. В руках у него была маленькая тоненькая книжка, как оказалось, как раз со стихами Суровцевой.

Татьяна Николаевна, увидев у него в руках свою книжку, вышедшую ещё в советское время, и которой уже не было даже у неё самой, решительно забрала сборничек. «Вы читали? — ревниво спросила она мужчину с присущим ей напором, гость смущённо что-то пробормотал, а она быстро повернулась ко мне, — Теперь я подарю её тебе: читай теперь ты!» — и она, не успев я глазом моргнуть, размашисто подписала мне книжку и вручила мне уже с дарственной надписью. Бывший владелец ничего даже не возразил, только озадаченно захлопал глазами, а у меня мелькнула мысль, что у него книжка, вероятно, находилась уже много лет, и все эти годы он хранил её, возможно, перечитывал. Но ему Суровцева тут же «в качестве компенсации» тоже что-то подарила: журнал, из тех, что там всегда лежали на столе, возможно, это была «Москва», «Молодость. Творчество. Современность» или даже «Сибирь», очередной номер.

Я знаю, что Татьяна Суровцева очень ревниво и строго относилась к тому, как люди обращаются с книгами. Когда сотрудница Дома Полевых, взяв у неё, кажется, «Чудесные сказки», или даже мой «Замок Магжери...», прочитала книгу и спустя некоторое время, уже порядком обтрепав, хотела вернуть обратно Татьяне Николаевне, Суровцева нашла предлог отказаться, а потом рассказывала мне историю с нерадивой сотрудницей и очень возмущалась.

Я потом тоже обратила внимание на то, как та обращается с книгами, правда, после того как Суровцева заострила на этом моё внимание. У журналистки в руках на мероприятии как раз находилась книга «Чудесные сказки» в переводе Суровцевой, в весьма плачевном состоянии. «Это надо было так истрепать книгу! Как её в руки после этого брать?» — восклицала поэтесса по телефону. Я помню, когда я подарила Татьяне Николаевне «Замок Магжери...», она взяла очень бережно и сказала: «Мне даже совестно, как будто я чужое достояние беру!» Отношение к книгам у неё было трепетное, в то же время она могла вот так сделать: получить что-то в подарок, потом кому-то передарить, или забрать, как в этом случае, с посетителем Дома литераторов, она всегда действовала, следуя своему сиюминутному душевному порыву.

Сама она была всегда аккуратной, опрятной и щепетильной в этом отношении, хотя явно была бедна, постоянно без денег, и порой раздумывала: купить в этот раз продукты или лекарство? «Скудно, скудно живём!» — говорила Суровцева. Книга, которую по-хозяйски «передарила» мне Татьяна Николаевна, была в довольно приличном состоянии, но, видно, поэтесса переживала за её судьбу, видя положение владельца, а тот не стал даже сопротивляться, видя решительно настроенного автора книги, а точнее, просто не успел: Суровцева умела действовать решительно и быстро.

Я сама была несколько ошеломлена неожиданным поступком Суровцевой и раздумывала некоторое время, не причинил ли ненароком этот строгий и непримиримый поэт обиды своему давнишнему и, вероятно, преданному читателю? Но мы уже расходились, и я, украдкой завернув подписанную книжку в обёртку из тетрадного листка, унесла сборник домой. Ну да, я так же придирчива по части

чистоты и опрятности, как Суровцева, и также ревниво отношусь к книгам, но я убедилась, что книжка, в отличие от бывшего владельца, вполне себе в сохранности. Это была тоненькая тёмно-синяя книжка «Крыло судьбы». Дома я прочитала это миниатюрное издание: стихи были просто прекрасные, было там и несколько мне незнакомых, но совершенно прелестных стихотворений, которых в других сборниках не было, и я была очень рада, что Татьяна Николаевна мне эту книжечку вручила: «Юлии от Татьяны 20 лет спустя... В эту нескончаемую осень... (дарю!)» А гораздо раньше на сборнике «Стихи» она написала: «Дорогая Юля! Дарю тебе свой сборничек в надежде получить твой! Работай над стихами, не почивай на лаврах!»

Однажды к нам, пришедшим почитать друг другу стихи в небольшом зале, или лучше сказать, коридоре Дома литераторов, прицепилась вахтёрша — они тогда сидели при входе, это сейчас сидят охранники в защитной форме — всё как полагается. Я не помню, что говорила вахтёрша, вероятно, её не устраивало открытое окно в коридоре, её раздражали наши чтения, а может, ей показалось наше собрание несколько «несанкционированным», если не сказать «незаконным», «без начальства», так как начальство подразумевалось обитающим за закрытыми дверями, и то — в рабочее время, а тут был выходной.

Решительная женщина, и это притом, что она была маленькая, как воробышек, меньше даже меня ростом, Суровцева возмутилась и воскликнула звонко и запальчиво: «Дом литераторов разве для вас? Он для поэтов, писателей, он для тех, кто пишет, читает! А вы кто? Что вы здесь командуете?» Вахтёрша ретировалась, недовольно ворча, но больше нас с тех пор не беспокоила, а я подумала: «А вдруг бы оказалось, что эта женщина тоже пишет, и её обидели вот этим: «а вы кто?» Я просчитывала ходы, словно шахматист, а точнее, раздумывая подобным образом, терялась в вариантах развития событий. Суровцева никогда не раздумывала, она сразу бросалась в бой, по принципу: «Сначала мы вас победим, а потом разберёмся, кто вы есть!»

«Она разбила меня в пух и прах!» — сказал однажды Валерий Викторович Дмитриевский, этот суровый геолог и поэт, о своём кратком общении с Суровцевой на одном из литобъединений. Сейчас я вижу только близкие к совершенству стихи Дмитриевского. Не знаю, каковы они были до встречи с Суровцевой, потому что более ранние свои издания Дмитриевский скромно попридержал. Он сам, в силу своей требовательной натуры, доводит их до нужного уровня, но, думаю, и советы Суровцевой не прошли даром.

«Какая приятная!» — сказала Татьяна Николаевна когда-то, впервые взяв в руки первую мою вышедшую книжку и оценив её внешний вид. В отличие от моей книжка Суровцевой была мрачно-строгой, и таким же строгим, совершенным был отбор стихов в ней: всё отточено, ничего лишнего. Я в который раз удивлялась неизменному расположению ко мне со стороны Суровцевой. Собственно, оно началось с того мгновения, как она на листе прочитала моё стихотворение «Кони», которое я написала ещё в шестнадцать лет, и сказала удивлённо: «Надо же, как идёт рифма: волнами!» Я понятия не имела, как она там у меня идёт, и что Татьяну Николаевну так восхитило.

С тех пор она всегда относилась ко мне положительно. Она упорствовала только в отношении моей пьесы, и меня это расстраивало. Возможно, она ревновала, потому что людям, особенно таким исключительно талантливым, можно сказать — гениальным, как Татьяна Суровцева, хочется, чтобы именно их любили здесь и

сейчас, пока они живы, им досадно, если любят других, даже уже ушедших... А Суровцева, несомненно, нуждалась во внимании, или, скорее, понимании: она была одинока и как-то неустроенна, и, видимо, так было всегда, такова была её натура, таков жизненный путь.

С Татьяной Николаевной было очень интересно общаться, потому что речь обычно шла о поэзии, Суровцева была очень начитанна и эрудированна, а я это люблю, это гарантия, что будет о чём поговорить и чему научиться. Она в то же время умела находить нечто поэтическое в самых обыкновенных вещах. Разве может картошка быть объектом поэзии? Оказывается, может, если сказать о ней так:

*Там бессмертники солнц
расцветают над сопкою голой.
Там картофель круглится
в суглинке, в колючей земле.*

«Да боже мой, она — поэт до мозга костей! Вот так сказать, именно так — и как поэтически! Она изначально настроена на волну поэзии!» — подумала я что-то в этом роде, когда мне попала строчка Суровцевой о картофеле. Она была поэтом — и только поэтом, не деля её ни с каким другим видом искусства, и я это осознаю, в очередной раз невольно сравнивая себя с ней: мне всё нужно, всё интересно — и поэзия, и проза, и рисунок, и живопись, и лепка! Татьяна Суровцева говорила мне несколько раз: «Ты распыляешься!» — и была совершенно права! Я не только в искусстве распыляюсь, но и во всех своих интересах — мне подавай интересную литературу и про медицину, и про историю, и науку, хоть в научно-популярном смысле, и религию, всего понемножку. А Суровцева была — как самородок, одним куском.

*Был поцелуй среди зимы
И осторожен, и шершав...
Густели темные дымы
Над крышами чужих держав.
Цвёл иней, словно на луне,
День на излом был твёрд, как жёсть,
И, налетающая извне,
На стёклах окон стыла весть
О всех тревогах на земле,
О том, что солнца в небе нет...*

Кем только не были поэты, писатели! Военными, моряками, лётчиками, дипломатами, физиками, путешественниками! Всего и не перечислить. Сначала поэт должен получить впечатления, прозаик — тем более, должен испытать, почувствовать, что такое жизнь. Живопись и музыка — да! Нужно заниматься ими и только ими, и ничем больше. А вот литература — тут нужно узнать жизнь хоть немного, для начала. А где её узнать, как не в разных профессиях? Особенно тем, кто пишет прозу. Нужно, чтобы были настоящие темы, а не «чистое искусство». Но, вероятно, пишущий человек тоже должен помнить, кто он, в конечном итоге, на этой земле. Татьяна Суровцева гордо говорила мне, что с самого начала знала, что будет только поэтом — и никем больше. Она работала на междугородной телефонной станции, в библиотеках, то здесь, то — там, но, видимо, это было внешнее, в душе она была поэт и только поэт!

*Лишь прикоснись — и пальцы обожжешь.
Не бойся же! Ожог не так опасен.
Быть может, мир ожогами прекрасен!
Где нет ожога — там предвижу ложь
да вечный страх за собственную кожу...
— Боитесь? О, тогда не потревожу.
Мне Вас не жаль, ушедшего во тьму.
Из Ваших рук я хлеба не приму.*

Мне Татьяна Суровцева рассказывала о поэте, который поехал в Санкт-Петербург и, пока там вращался среди литераторов, подрабатывал дворником. Потом жаловался, что «в Сибири-то снег лёгкий, а в Питере-то более тяжёлый, сырой, покидай-ка его!»

Суровцева отчего-то страдала, возможно, от болезней, возможно оттого, что её мало понимали окружающие, может, от недостатка общения, а может, иногда и наоборот — от избытка. Тот человек, что был рядом с ней в последние годы, видимо, не понимал её до конца, и она, приходя в Дом литераторов и встречаясь с нами, участниками литературного клуба, говорила о своём «спутнике жизни», жаловалась нам иногда: «Я устаю от его голоса!» А сын её был в бессрочном отъезде в Москве... Впрочем, она считала, что ей плохо оттого, что она живёт в панельном доме, на седьмом или восьмом этаже, «далеко от земли». Ей не хватало травы, узких земляных тропинок и наполненного ветром простора...

Татьяна Николаевна не умела быть одна, и мне кажется, она очень боялась одиночества и была благодарна тем, кто мог её от этого одиночества заслонить, хоть ненадолго, но в то же время она никогда не сознавалась в своих бедах, в силу своей гордости...

*Зачем Вам знать, как я жила в те дни,
Как было в доме холодно и пусто,
Как посреди всесильной толкотни,
Не умирая, теплилось искусство?
Оно горело свечкой на столе...*

И какие гордые, непримиримые строки в конце стихотворения:

*Не Вы тогда в мою стучались дверь.
Зачем Вам знать, как я живу теперь?*

Татьяне Суровцевой нужно было, чтобы вокруг всегда были люди, общались с ней, она не могла долго быть одна, и каждый раз пускалась в утомительный, но такой желанный путь в Дом, где обитала поэзия, где были близкие ей по духу люди...

Я не могла бы тогда, в то время, ясно объяснить, какие ощущения у меня возникали, когда Суровцева появлялась в здании Дома литераторов. Теперь я могу это чётко сформулировать: она приносила с собой степные ветры, свободу и... бесприютность. Я поняла это, когда она позвала меня чуть-чуть прогуляться по её району, где она жила. Мы оказались как бы на возвышении, над городом, на открытом всем ветрам месте, откуда были видны уходящие вдаль дома. Мне не понравился пейзаж: он был слишком городской, с высокими однотипными зданиями. Был простор и свобода, может, некоторое ощущение полёта. «Я люблю всё это!» — сказала Татьяна Николаевна. Там, на возвышении, я поняла её душу. Мне

кажется, о человеке многое может сказать то, что он любит в природе, в пейзаже. Наверное, этот вид напоминал Суровцевой сопки Хапчаланги, где прошло её детство. Удивительно, но в переводе с бурятского «Хапчаланга» означает — «долина ветров». Так и прошла жизнь поэтессы — овеянная ветрами...

Я не люблю пейзажей без деревьев. Без них я словно лишаюсь надёжного тыла, опоры. Деревья — мой духовный посох. А там были высотные дома и... не помню, чтобы там были деревья, разве только далеко на горизонте. Татьяна Николаевна, глядя вдаль, негромко читала свои стихи, я тоже прочла ей несколько строф из своего стихотворения, написанного очень давно, ещё в школьные годы: «Золотые ветки донника...» — «Да, вот это и есть поэзия!» — вдруг одобрительно и как-то оживлённо сказала Суровцева, словно отметая этим все остальные стихи, что мы с ней обсуждали на протяжении последнего времени, чтобы издать мою книгу.

Помню, Татьяна Суровцева позвонила мне на работу и сказала: «Дочитала сейчас твой роман до того момента, как эти двое бьют друг другу морду! Ой, я так смеялась! Со смеху помрёшь!» Ну вот, мои героини, оба положительные, между прочим, подрались, а Суровцевой стало смешно! Я не собиралась их до этого доводить, они сами! Очень самостоятельные личности все эти литературные героини!

В две тысячи четырнадцатом году Татьяна Суровцева выступала в Доме Полевых и рассказывала в том числе о моём романе «Замок Магжери...». На экране были мои книги... К сожалению, сама я не попала на это мероприятие, потому что была на работе. Ещё на заседаниях в литературной студии «Лист» Татьяна Суровцева говорила: «Юлины стихи можно на стену вешать, как картину». Однажды Татьяна Николаевна мне упомянула об одном поэте, который издал в столице сотню книжек своих стихов и поехал в Иркутск. По дороге, как выразился потом сам поэт, он встретил «сто хороших людей» и постепенно раздарил все свои книжки. В Иркутск он приехал уже налегке...

Моя коллега по работе иногда говорит фразу, вроде бы в шутку: «Я не в курсах!» Вместо того, чтобы сказать: «Я не в курсе!». Хотя по внешнему виду и манерам эта молодая женщина — сама элегантность и интеллигентность, но вот есть у неё это неграмотное выражение, и оно мне всегда резало слух. И как-то я рассказала Татьяне Николаевне о том, что моя коллега произносит эту фразу. Суровцева только услышала, да как начала возмущаться: «Вы что там, русского языка не знаете? Это что за выражение?! И ты за ней это не повторяй!» — строго добавила она. Суровцева всегда стояла на страже русского языка и была в этом отношении непримирима.

Мы много общались с Татьяной Николаевной за эти годы. Я читала ей сказку «Снежный волк» в две тысячи пятнадцатом году по домашнему телефону, сказка ей очень понравилась, особенно стиль, язык. «Пиши, пиши!» — повторяла Татьяна Николаевна воодушевлённо, потом мы переходили к стихам, и Суровцева иногда вскользь вспоминала строки Ахматовой: «О, если б знали, из какого сора...» Она часто что-нибудь цитировала в процессе разговора, это было для неё совершенно естественно, и свои стихи читала, конечно:

*Прощаю всех, кто был со мною груб:
Обида в сердце — не рубец на коже.
Вот день прошёл.
Он выстрадан и прожит,
А новый день как будто новый друг.*

*Прощу того, кто мне солгал не раз.
Желанье лгать — особый род болезни.
Здесь недостойна месть. Куда полезней
Лжеца дарить насмешливостью глаз.
Прощаю тех, кто около меня
Весь век живёт, меня не замечая.*

Однажды Татьяна Николаевна долго, в течение, наверное, часа, рассказывала мне по телефону историю о Леони, дочери Дантеса, влюблённой в Пушкина, и запертой отцом в сумасшедшем доме. Я никогда раньше не читала об этом, история меня потрясла. Ещё я осознавала, что мало знаю о поэтах, писателях, об их окружении, об их жизни, а вот Суровцева ориентировалась в этом так же легко, как обычные люди ориентируются в делах соседей и сослуживцев.

Когда я познакомилась с поэтом Татьяну Суровцеву и керамистку Татьяну Федотову, они быстро прониклись симпатией друг к другу и однажды «составили заговор»: им захотелось поплыть по Байкалу на пароходе. Отправиться в путешествие на день-два, а может, и на несколько дней. Они предались безудержным мечтам на эту тему. И непременно хотели взять с собой меня. Потом к этой идее присоединилась ещё одна женщина-литератор, с которой я была мало знакома. Но я уже стала за время работы заядлым домоседом. Мне уже совсем не хотелось путешествовать, как когда-то, когда мне было двенадцать. У меня к тому же в полном разгаре шла работа над стихотворными сборниками. Поездка казалась мне делом хлопотным и вообще досадной помехой. Я видела в этом только попытку распорядиться мною и моими планами.

Суровцева, казалось, была так же молода душой, как керамистка Татьяна, а ведь Таня Федотова моложе меня на пятнадцать лет. «Почему бы вам не отправиться вместе?» — спрашивала я у них. «Мы хотим с тобой! Смотри, соглашайся, а то мы тебя похитим! Смотри, украдём!» Татьяна Николаевна была, словно вольная птица, готовая взмахнуть крыльями и улететь в любой момент туда, куда ей вздумается. Её вообще ничего не удерживало. Она была странницей по состоянию своей души. Потом, постепенно, разговоры утихли, всё сошло на нет. Путешествие по Байкалу так и не состоялось.

Но вот в основном бору курорта «Ангара» нам довелось погулять с Татьяной Суровцевой. Это было в конце июня две тысячи четырнадцатого года, за год до окончания мною и другими керамистами факультета Декоративно-прикладного искусства в университете. Однажды Татьяна Николаевна, узнав, что мы собираемся с керамистами на пленэр в сосновом бору, приехала к нам, нашла нас там на аллее, обрамлённой стройными, как колонны, соснами. Нас, помимо Татьяны Николаевны, на прогулке было четверо: я, а также преподавательница и психолог Татьяна Анатольевна Федотова, школьная учительница Татьяна Петровна Горохова и воспитательница Ольга Григорьевна Распутина. Мы расставили свои мольберты и писали акриловыми красками. Во время предыдущей поездки мы убедились, что писать масляными красками — дело очень хлопотное, так как потом трудно всё это везти в транспорте, без риска смазать картину, поэтому запаслись акриловыми. К моменту появления Татьяны Суровцевой мы уже успели написать по этуду.

Татьяна Николаевна, ревниво прикинув, что мои коллеги-художники целиком завладели моим временем и вниманием, отправилась вниз по аллее, вынудив меня, таким образом, быстро сложить кисти и, оставив художественные принадлежности возле своих коллег, пойти следом. Мне и самой хотелось с ней пообщаться,

но я, конечно, видела её хитрый «манёвр». Хотя, возможно, Татьяна Суровцева просто хотела уединиться, так как собиралась, как потом оказалось, мне кое-что подарить. Мы присели на скамейку, и Суровцева подарила мне на память кожаную сумку, которая, как она выразилась, была для неё уже тяжела, и которую она специально прихватила с собой, и зелёную, травяного цвета косынку.

У меня было впечатление, что Суровцева, так или иначе ощущая приближение последних лет своей жизни, торопилась раздарить некоторые свои вещи людям, к которым успела привязаться. Я попала в число таких людей, к которым она испытывала необъяснимую любовь и симпатию. «Ты не подумай, эта косынка не простая!» — заметила Татьяна Николаевна, указывая на золотистые разводы на ткани. Впоследствии я несколько раз надевала эту косынку в церковь, а в декабре две тысячи двадцать второго года даже повязала её поверх зелёного платья, в котором читала на вечере своё стихотворение. У меня тогда промелькнула мысль, что подарок Татьяны Николаевны послужил мне на поэтическом вечере талисманом.

В сосновом бору Суровцевой в общем понравилось, но чувствовалось, что чего-то ей всё-таки не доставало. Как мне теперь кажется, ей не хватало открытого пространства, туманной отдалённости горизонта и, может быть, вольного ветра. Я же была в своей стихии: мне очень по душе были благоухание стоявшего плотной стеной соснового бора, ровные ряды стволов, озарённые летним солнцем, тяжёлые мохнатые тёмно-зелёные ветви, которые, казалось, упирались в синее небо, аллея, петлявшая среди сосен. А вот стихия Суровцевой, как мне кажется, — больше дикая забайкальская степь:

*Сухо пахнет бессмертьем осенний чабрец,
Треплет ветер полынную прядь...
Мне отсюда уйти — как спуститься с небес,
Невесомость свою потерять.*

Мы разговаривали с ней на темы поэзии, в том числе обсуждали мою будущую книгу «И тайна есть, не сказанная мне...», и читали друг другу стихи. Наконец, спустя некоторое время Суровцева вспомнила об оставленных нами художниках и отправила меня к ним, заявив, что не прочь немного посидеть просто так, отдохнуть. Я отправилась за керамистами, и вскоре мы все спустились вниз по аллее, где сидела на скамейке Татьяна Николаевна. Пообщавшись в этот раз все вместе, мы направились к выходу из рощи, а подала сигнал к возвращению сама поэтесса, заявив, что уже утомилась от прогулки. Мы ездили на пленэр с керамистами несколько раз, в том числе и на следующий год, уже после получения дипломов, состоявшегося в мае две тысячи пятнадцатого года, но Суровцева к нам больше не приезжала.

На похоронах Суровцевой слезы внезапно начали душить меня. На то были, пожалуй, две причины: слишком живы и отчётливы были ещё воспоминания о похоронах моей матери, и была печаль уже, собственно, по Татьяне Суровцевой, ведь мы были знакомы много лет, много и плодотворно общались. Поэтому марево слёз застилало мне глаза, и я даже не видела отчётливо её лица, когда шла мимо её гроба с вереницей других людей... Душа Татьяны Суровцевой, я думаю, слышала сказанные о ней речи, что звучали в ритуальном зале, и видела нас всех, я в это верю.

Самая большая трагедия Татьяны Суровцевой произошла в её детстве, когда рано умерла её мать, а отец женился на другой, и мачеха плохо относилась к детям. Эта незаживающая рана была в душе поэтессы до конца дней, и мне кажется,

что такие удары судьбы с одной стороны отнимают радость, а с другой пробуждают силы чего-то добиваться в жизни. Но боль остаётся на всю жизнь.

*Не возвращаюсь... Мимо проезжаю.
Здесь дом, который мог мне быть родным.
Здесь мой отец и женщина чужая
давно живут. Я непонятна им.
Мне в доме места нет...*

Татьяна Николаевна рассказывала, что однажды, уже будучи взрослой, всё же заезжала в свой бывший дом, на своей малой родине, и осталась ночевать там, а ночью взорвалась ваза на столе, в комнате. Суровцева твёрдо верила, что это злой дух мачехи напомнил ей о себе, что та, даже покинув этот мир, продолжала её ненавидеть. Татьяна Суровцева была с детства обречена на раннее одиночество, но бедная золушка превратилась в королеву поэзии, и весь серебряный век был её избранником, она пронесла дух серебряного века из прошлого века в нынешний, таинственным образом сохранив его в себе на всю жизнь...

*Бедя и память — всё мое наследство,
Всё, что навеки с родиной роднит.
И я глотаю горький ветер детства —
что б ни было, а он меня хранит.*

У этого пронзительного по своей искренности поэта стихи обладают исключительной образностью, им присущи тонкие оттенки настроения (в основном грустные, но всегда светлые), трогательная глубина чувств. Я убеждена, что поэтами, художниками, музыкантами рождаются... Реализуется ли полностью творческий человек — зависит от многого, от событий жизни в том числе, но, кажется, за истинный талант небеса взимают дань — болью и страданием возвышенной и ранимой души, и всё, что в жизни случается с такими людьми — однозначно неспроста:

*Ничего, никого, никогда
не забуду из лет облетевших.
Всё со мной: молодая вода
горной речки — дикарки безгрешной,
и рудничная грубая быль,
и за нежность жестокая плата...
Всё, в чем я без вины виновата,
все, что случай когда-то убил.*

И аскетичный, строгий, тернистый, неуютный из-за необустроенного быта, но в то же время свободный, с самого детства овеванный степными ветрами жизненный путь поэта Татьяны Суровцевой — тому подтверждение, путь, пролегающий по узким сибирским тропам, по диким сопкам, по берегам таёжных речек, по разным городам и посёлкам, беспокойный, но прекрасный путь замечательного русского поэта, которым мы должны гордиться так же, как гордимся писателем Валентином Распутиным и драматургом Александром Вампиловым, место Суровцевой — на небосклоне великой русской и сибирской литературы!

*...Тех забот золотая руда
стала пылью. Но разве напрасно
так же нежно, тревожно и страстно
те же звезды глядят сквозь года?!*

ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВА

На подъёмной волне

«Сияние России» — 2023

Начнём с того, что в нынешних Днях русской духовности и культуры произошло несколько изменений. Во-первых, праздник был перенесён на месяц вперёд — с 3 сентября по 13, удлинился до 10 дней, в связи с чем, во-вторых, общая программа (областная и городская) составила 122 пункта.

Гости Иркутской области:

Найденова Елена Яковлевна — историк, публицист, заместитель председателя Запорожского отделения Союза писателей России, общественный деятель (Мелитополь).

Некрасовский Марк Викторович — поэт, прозаик, детский писатель, руководитель Луганского отделения Союза писателей России. Автор четырех книг: «Мы Одиссеи в жизни и любви» (2006), «Мы все же достигаем высоты» (2007), «Танго смерти» (2016), «Кровавая пыль. Летопись войны» (2022). Публиковался в коллективных сборниках «Ожог», «Час мужества», «Выбор Донбасса», «Строки мужества и боли» и др., альманахах, литературных журналах. В 2015 в Ханты-Мансийске на сцене Югра-классик по мотивам поэмы «Танго смерти» поставлена театральном-музыкальная постановка «Последнее танго».

Лауреат нескольких литературных премий, в т. ч. премии им. М. Матусовского, фестиваля «Пушкинское кольцо — 2010» (Черкассы) и др. (Луганск).

Рассказы М. Некрасовского из цикла «Новая мифология Донбасса» опубликованы в журнале «Сибирь». 2023. № 4. С. 9–21.

Чачанидзе Владимир Отарович — поэт, прозаик, автор песенных текстов, басен, притч (всего 25 книг), двойного аудиодиска с авторским исполнением произведений. Член Союза писателей ДНР, создатель и художественный руководитель Концертной бригады «Донбасский характер», выступает на передовых СВО, в госпиталях, школах, интернатах. Награждён медалью Союза писателей России (Донецк).

Самойлова Анна Александровна — прозаик и поэт, руководитель Алтайской краевой писательской организации Союза писателей России. Получила образование на физико-математическом факультете Алтайского госуниверситета и факультете психологии и педагогики Алтайского пединститута. Работает в направлении как реализма, так и фантастики. Автор трёх поэтических сборников, трёх сборников рассказов и романа «Две валентинки». Публикует также романы под псевдонимом в сети на сайте <https://author.today>. Инициатор и организатор открытого литературного конкурса «Звёздный ветер» — на лучшее произведение о космосе. Лауреат премии им. Сергея Павлова «Лунная радуга» (2008) за вклад в развитие отечественной фантастики (Барнаул).

Чубенко Елена Ивановна — прозаик, по первому образованию юрист, руководитель Читинского отделения Союза писателей России. Автор нескольких сборников прозы, а также пьес для театра, сценария художественного фильма «Солнцем поцелованные» (2019). Актриса Улётовского народного театра с 1984 г.

Публиковалась в журналах «Невский альманах», «Сибирь», «Слово Забайкалья», на литературных сайтах СП России. Лауреат литературной премии им. Володина — медаль «Имперская культура» (2018). Юрист по первой профессии, в 1990-е награждена медалью МВД России «За безупречную службу в МВД», нагрудным знаком «За отличную службу в МВД» (с. Улёты, Читинская область).

Хайрюзов Валерий Николаевич — писатель, по первой профессии лётчик, пилот 1-го класса. Многие годы жил и работал в Иркутске, состоит в Иркутском отделении СП России. Автор повестей и рассказов по преимуществу о Сибири и судьбах лётчиков, изданных в Иркутске и Москве; сб. избранных произведений в 2-х т. (Иркутск, 2019), книги «Юрий Гагарин. Колумб вселенной» (М.: Вече, 2022). Лауреат нескольких литературных премий, в т. ч. премии Ленинского комсомола (1980), Национальной премии им. В. Распутина (Москва).

Ягодинцева Нина Александровна — поэтесса и исследовательница литературного творчества. Выпускница Литинститута им. М. Горького, член Союза писателей России. Кандидат культурологии, доцент Челябинской государственной академии культуры и искусств. Автор около 40 книг: десяти поэтических сборников, стихи из которых вошли во многие столичные и сибирские антологии; цикла учебников «Поэтика», монографий, переводов с азербайджанского и башкирского языков и др.

Лауреат Всероссийских литературных премий, в т. ч. им. П. Бажова — за книгу стихов «На высоте метели» (2001), Всероссийского конкурса «Лучшая научная книга-2007» — за монографию «Русская поэтическая культура: сохранение целостности личности», им. Д. Мамина-Сибиряка — за книгу «Поэтика: принципы безопасности творческого развития» (2008), премии Уральского федерального округа — за книгу критики «Жажда речи» (в соавт. с А.П. Расторгуевым, 2012). (Челябинск).

Цикл стихов Н. Ягодинцевой «Тоске не выискать обновы...» опубликован в журнале «Сибирь». 2023. № 5. С. 103–108.

Семушина Татьяна Владимировна — популярная певица российской эстрады, исполнительница русских народных песен и романсов. Лауреат международных и всероссийских конкурсов, солистка Москонцерта и вокального трио «Лада», преподаватель Государственного музыкально-педагогического института имени М. Ипполитова-Иванова (Москва).

Зарубина Нина Андреевна — вдова и *Бунеева Анна Михайловна* — дочь *Михаила Константиновича Зарубина (1946–2021)*. В память об известном строителе, писателе, общественном деятеле: М.К. Зарубин — уроженец д. Кеуль Нижнеилимского района; получил образование, начал трудовой путь в Иркутске. Возглавив управление крупнейшего строительного треста в Санкт-Петербурге, руководил строительством и реконструкцией уникальных объектов промышленного, гражданского назначения. Основатель Иркутского землячества «Ангара» — с целью объединения выходцев из Приангарья и для оказания помощи в социально-экономическом развитии Иркутской области.

В литературном творчестве особое место занимает тема малой родины: «Я родом с Илима»: док. очерки. СПб., 2005; «Илимская Атлантида»: док. повесть.

СПб., 2010 и др. Член СП России, лауреат нескольких литературных премий (Санкт-Петербург).

Гости города Иркутска:

Бурляев Николай Петрович — председатель кинофорума «Золотой Витязь», народный артист РФ, киноактёр и режиссёр, председатель Культурного фронта России. Представление фильма о кинорежиссёре Андрее Тарковском «Боже! Чувствую приближение Твое!» (Москва).

Зайцев Сергей Леонидович — режиссёр, сценарист, продюсер, музыкант. Член Союза кинематографистов и гильдии кинорежиссёров России. Известен фильмами «Погибли за Францию» (2003), «Союзники. Верой и правдой!» (2010) и другими. Имеет несколько наград и призов. Представление фильма «Семья АЭРО-ФЛОТ» (Москва).

Румянцев Андрей Григорьевич — поэт, прозаик, публицист, народный поэт Бурятии, автор многих поэтических сборников, изданных в сибирских и столичных издательствах, в т. ч. книг в серии ЖЗЛ изд-ва «Молодая гвардия». Лауреат многих литературных премий, в т. ч. Международной премии им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крыльями!» (2017), удостоен ордена им. В.И. Даля «Благие дела. Честь. Слава» (2008) и др. наград. С 1993 по 2001 г. руководитель Иркутского отделения Союза писателей России, после 2001 до начала 2010-х создал и возглавлял в Иркутске новую Областную писательскую организацию СП России (Москва).

В развитие традиций

Открытие Дней русской духовности «Сияние России», как обычно, началось в соборе Богоявления (3 сент.). Но в этом году крестный ход прошёл к часовне Казанской Иконы Божией Матери, возведённой на месте Казанского кафедрального собора в память о разрушенном в 1932 году самом большом храме Иркутска. Здесь и проводилась Божественная литургия, которая поразила горожан необычайной духовной насыщенностью и высотой звучания. Вместе с митрополитом Иркутским и Ангарским Максимилианом возносили молитвы к Всевышнему митрополит Бурятский и Улан-Удэнский Иосиф, епископ Северобайкальский и Сосновоозёрский Николай, епископ Братский и Усть-Илимский Константин, в сослужении клириков Иркутской митрополии.

Литургическое действо сопровождал сводный хор под управлением регента Трофима Поподько. В состав хора вошли епархиальный мужской хор «Знамение», хор Свято-Троицкого кафедрального собора г. Ангарска, камерный хор Иркутской филармонии и певчие храмов Иркутска, Пивоварихи и Шелехова.

На богослужении присутствовали руководители администрации области и города, губернатор Иркутской области И.И. Кобзев, министр культуры Иркутской области О.Н. Полунина, мэр города Р.Н. Болотов, председатель Законодательного собрания Иркутской области А.В. Ведерников, председатель Думы города Е.Ю. Стекачев и другие официальные лица.

В знаменательный день второго обретения мощей Первого Иркутского епископа Иннокентия (Кульчицкого) раку с мощами святителя Иннокентия к месту совершения Литургии несли генералы силовых структур, а на отрезке пути крестного хода после завершения Литургии — представители областной и городской власти.

В обращении к собравшимся митрополит Максимилиан напомнил о событиях возвращения мощей святителя Иннокентия на Иркутскую землю, а также подчеркнул,

что сегодня впервые рака с мощами Святителя торжественно вынесена за пределы Знаменского монастыря в память о том знаменательном дне и в честь Дней русской духовности и культуры. Владыка также сообщил, что ныне на высоком уровне высказываются намерения о восстановлении Казанского кафедрального собора в Иркутске, который смог бы вместить всех, кто пришёл сегодня на богослужение.

С приветственным словом и поздравлением с открытием праздника «Сияние России» выступили губернатор И.И. Кобзев и председатель Законодательного собрания А.В. Ведерников.

Площадь между часовней Казанской Иконы Божией Матери и сквером была заполнена горожанами, движение транспорта было перекрыто. В прессе названа цифра: собралось около 5 тысяч человек. По завершении службы состоялось Причащение верующих из 15 Святых Чаш. Этому предшествовала проповедь настоятеля Князе-Владимирского храма г. Иркутска протоиерея Алексея Середина.

Далее крестный ход с мощами Святителя двинулся от часовни, и яркой многоцветной лентой, во всю ширину проезжей части обвил сквер, заключая его в сплошное живое кольцо. Лента распрямилась на пути к собору Богоявления и вновь сосредоточилась у раки Святителя. Представители власти, силовых структур, священники и все верующие благоговейно приложились к цельбоносным святым мощам Первого Иркутского епископа.

* * *

Людской поток, возвращаясь от собора Богоявления, естественно перелился из сферы духовности в поле культуры сквера Кирова. Здесь развернулась книжная ярмарка православной литературы и народных промыслов, союза мастеров «Оникс», Дома ремёсел и фольклора, объединения «Иркутский Арбат». Обосновался «Литературный квартал» с участием библиотек, творческих союзов, книгами иркутских писателей, выступлениями у микрофона поэтов из других регионов страны и иркутян.

На центральной площадке сквера состоялся большой концерт русской духовной и народной музыки. Несколько иркутских хоровых коллективов и солистов привлекли внимание слушателей разнообразием репертуара. Программу завершило динамичное выступление Театра народной драмы с монологом Якова Похабова из спектакля о первопроходце в исполнении засл. артиста РФ Вадима Дейнеко.

В это предобеденное время заработала полевая кухня, и каждый мог подкрепиться гречневой кашей и сладким чаем.

* * *

На следующий день (4 сент.) состоялось также ставшее с 2015 года традицией торжественное возложение цветов к могиле организатора Дней «Сияния России» в Иркутске В.Г. Распутина — с участием российских и иркутских писателей, общественности города.

* * *

В последние годы после перерыва восстановлены большие литературно-музыкальные вечера. И это тоже одна из красок открытия Дней русской духовности и культуры. Концерт русских народных песен и романсов «Душа России» прошёл в Иркутской областной филармонии с участием солистки Москонцерта Татьяны

Семушиной, чей сильный, богатый красками душевных переживаний, по отзывам слушателей, голос прозвучал в сопровождении филармонического русского оркестра под управлением дирижёра Музыкального театра им. Н.М. Загурского Виктора Олина. Репертуар певицы обширен: русские народные песни и романсы, лирические песни из советского времени.

В концерте приняли участие российские писатели: Е. Найдёнова (Мелитополь), М. Некрасовский (Луганск), В. Чачанидзе (Донецк), А. Самойлова (Барнаул), Н. Ягодинцева (Челябинск), В. Хайрюзов (Москва), Е. Чубенко (Читинская область) (4 сент.).

Певица, будучи во второй раз в Приангарье, с успехом выступила на открытии праздника в сквере имени Кирова (3 сент.), в музыкальном колледже им. Ф. Шопена (5 сент.).

В рамках Дней русской духовности и культуры: Кинофестиваль документального кино «Сияние России»

Всероссийская премьера документально-художественного фильма народного артиста России, президента кинофорума «Золотой Витязь», режиссёра Николая Бурляева «Боже! Чувствую приближение Твое!» (второй режиссёр — Дмитрий Чернецов) прошла в переполненном зале кинотеатра «Баргузин» (31 авг.). В фильме есть посвящение — «Старшему другу, учителю, великому режиссёру Андрею Тарковскому». Известно, что Бурляев в юные годы снялся в фильмах Тарковского «Иваново детство», «Андрей Рублёв», и творческое общение с учителем оказало на него сильное влияние.

Встречу со зрителями открыл организатор кинофестиваля, депутат думы г. Иркутска, директор Иркутского театра народной драмы, заслуженный артист России **Михаил Корнев**. Хорошо известен многолетний творческий союз театра с Николаем Бурляевым, и его снова радушно принимали на земле Иркутской.

— Премьерный показ был тепло и восторженно воспринят зрителями, — рассказал после встречи Михаил Георгиевич. — Фильм «Боже! Чувствую приближение Твое!» создан на основе дневниковых записей знаменитого кинорежиссёра и самого Николая Бурляева, раскрывающих духовную и религиозную суть творчества Андрея Тарковского, который своими фильмами исповедовался перед Создателем и людьми. После просмотра зрители делились впечатлениями, задавали вопросы. В разговоре приняли участие представители как молодого, так и старшего поколения, ветераны СВО. Каждый нашёл в фильме что-то своё, затронувшее душу и память сердца...

К этим словам можно добавить отрывок из передачи известной иркутской радиожурналистки **Татьяны Сазоновой** из цикла «Встречи без расставаний». Вот что сказал **Николай Бурляев** о своём герое: «Он первым в русском кинематографе начал возводить душу человека к Богу... Мы же с ним о Боге никогда не говорили, о Боге, о Кресте... Но вот запись в его дневнике: «Цивилизованное общество без Бога — не более чем собрание животных». И это было сказано в пору официального атеизма в стране!..»

В передачу вошли отзывы зрителей о фильме. В них главное — ощущение близости мира прекрасного, очищение души, отторгающей мрак жизни. Высокая оценка дошла до тех, кто не смог попасть на премьеру, и они теперь ищут, где можно посмотреть фильм.

Продолжим тему кино с Михаилом Корневым.

— В дни «Сияния России» прошла ещё одна всероссийская премьера — документального фильма «Семья Аэрофлот», посвящённого 100-летию гражданской авиации России (5 сент.). По этому случаю из Москвы прибыли продюсер Александр Смолко и режиссёры Сергей Зайцев и Денис Чуваев. Иркутяне увидели фильм на большом экране кинотеатра «Баргузин». В фильме приняли участие создатели отечественного воздушного флота: инженеры и лётчики, руководители из министерства Гражданской авиации СССР 1980-х годов, авиастроители, представители современной компании «Аэрофлот». Эта картина — о буднях и достижениях советского авиапрома, о профессионалах лётного дела, которых объединила и продолжает объединять принадлежность к «Аэрофлоту».

Третий фильм, показанный в «Баргузине» (12 сент.), «Последний первопроходец», хорошо вписался в программу кинофестиваля и был с интересом воспринят зрителями. Он создан в Иркутске и повествует о жизни купца и мореплавателя Григория Шелихова, его духовной миссии на Аляске, о трудах православных монахов и священников в просвещении коренных жителей Аляски. После просмотра режиссёр **Мария Филатова** и продюсер протоиерей **Евгений Старцев** рассказали зрителям о работе над фильмом.

При подведении итогов «Сияния России» стало известно, что Михаил Корнев и Театр народной драмы намерены продолжать показ документальных и анимационных фильмов на подобном кинофестивале «Сияние России» в 2024 году. Уже сегодня Михаил Георгиевич ведёт переговоры с лучшими режиссерами России в этой области, а также прорабатывает варианты финансирования.

Центром проведения кинофестиваля станет Театр народной драмы, учитывая, что он приобрёл по нацпроекту «Культура» светодиодный экран высокого качества, на котором можно транслировать любое профессиональное кино.

Вновь Николай Бурляев: Культурный фронт России

Вторая тема, с которой приехал известный деятель культуры в Иркутск, насколько велика, настолько и злободневна. В нынешних обстоятельствах СВО она требует особого внимания.

Как известно, Общероссийское общественное движение «Культурный фронт России» было создано в конце ноября прошлого года. Возглавил его Николай Петрович Бурляев. В Театре народной драмы состоялась встреча председателя КФР с региональным штабом движения и иркутянами. Собравшиеся могли услышать из первых уст о новой организации, призванной объединить культурные силы страны на основе традиционных духовно-нравственных ценностей (31 авг.).

В начале выступления Бурляев выразил уверенность, что пришло время осознать значение России в мире.

— Об этом говорили не мы, русские люди, а люди, живущие на Западе: Уильям Кейси (XX век, США), Нострадамус (XVI век, Франция) и не только. Они указывали на нашу страну: спасение России есть спасение мира, гибель России есть гибель мира.

Кинорежиссёр напомнил о 32-летней деятельности кинофорума «Золотой Витязь», созданного для объединения кинематографа разных народов, прежде всего славянских, под девизом «За нравственность, за возвышение души человека».

(Иркутянам не надо рассказывать о масштабах кинофорума, поскольку рубрика «Эхо «Золотого Витязя»» многие годы украшала программы «Сияния России».)

— ...И потому так быстро отозвались деятели искусства планетарного уровня, а не только общероссийского, не покинувшие страну. Это не значит, что всё будет легко, — продолжил Бурляев. — В стране остаются те, к кому поэт XIX века Николай Языков обратился со стихотворением «К ненашим».

Народный артист России прочитал стихотворение, в котором есть такие строки:

Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деанья
Вам ничего не говорят;

Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша —
Ничто вам! Русская земля

От вас не примет просвещенья,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!

Помнится, несколько лет назад это стихотворение прозвучало здесь же, в Театре народной драмы, и тогда уже казалось современным. Теперь же, строки из середины позапрошлого века о тех, кто в своей стране живут как чужестранцы, воспринимаешь словно написанные сегодня. (К сведению: стихотворение поэта, с которым дружил Пушкин и о котором говорил: «Я надеюсь на вас, как на скалу», созданное в 1844 г., было опубликовано только в 1871 — не пропускалось цензурой.)

— Общая для всех задача — продолжать стоять за Россию, заниматься тем, чем занимались: отстаивать традиционные ценности в кино, театре, во всех видах искусства, — считает кинорежиссёр.

При этом он подчеркнул такую особенность Культурного фронта.

— Мы пришли не воевать, хотя Гоголь говорил, что идёт самый главный бой за душу человека. Как сказал один учитель, надо бороться не с линией зла, надо проводить над нею мощную линию добра, недостижимую злу. Вот чем и будет заниматься Культурный фронт.

Была названа и конкретная задача — участвовать в подготовке нового Закона о культуре РФ.

— Сегодня одно из главных дел для всех и для вашего регионального отделения: подумать и прислать нам свои предложения в создаваемый нами Закон о культуре — это принципиально важно. Этот закон будет совершенно другим, чем тот, что был подписан Ельциным. Прежний закон отнял у государства право регулировать культурные процессы. Только давайте деньги, а творцы имеют право на всё. И мы видим, к чему это привело. При создании Культурного фронта мы предложили принять Кодекс чести деятелей культуры, где должно быть прописано, чем мы будем заниматься. Для творческих людей, служащих Господу и Отече-

ству, законы не нужны, но для некоторых наших коллег, путившихся в «доходный промысел», как говорил философ Иван Ильин о такого рода деятельности, Закон о культуре нужен.

Мы ждём ваших предложений. Кроме того, надо подумать о том, чтобы создать в Иркутске экспертную базу из специалистов, которые будут помогать управлениям культуры правильно решать стоящие перед ними задачи. Мы будем работать и понимать, какая же мы огромная сила!..

*По записи радиопередачи Т. Сазоновой
из цикла «Встречи без расставаний»
в Театре народной драмы*

Охватить в одном обзоре все события осени 2024 года невозможно, поэтому пройдемся по страницам общей программы (опуская подробности отдельных планов), составленной Областным государственным автономным учреждением «Иркутский Дом литераторов», Управлением культуры администрации г. Иркутска и другими структурами, участвующими в подготовке праздника.

* * *

Одним из первых событий стало открытие после реставрации флигеля на дачной усадьбе В.Г. Распутина в Порту Байкал, где в период с 1974 по 1977 годы это небольшое строение служило в летнее время рабочим кабинетом писателя (4 сент.). Здесь была закончена повесть «Живи и помни» и написана следующая из всемирно известных — «Прощание с Матёрой»¹.

На торжестве открытия выступили министр культуры Иркутской области Олеся Полунина, директор Иркутского краеведческого музея им. Н.Н. Муравьева-Амурского Сергей Ступин, заведующая Музеем В.Г. Распутина Елена Манушкина, о. Алексей (Середин). Был исполнен обряд освящения флигеля. Владимир Скиф прочитал свои стихи, посвящённые Валентину Распутину («Струна», «Голос»); выступили также иркутские прозаики Александр Лаптев, Владимир Максимов, Владимир Киреев и др.

Прозвучала общая мысль о том, что с появлением ещё одного музейного объекта произошло расширение распутинского пространства на земле Приангарья и Прибайкалья.

* * *

Встречи со священниками Иркутской епархии прошли в библиотеках № 2 и № 9. Беседа протоиерея Князе-Владимирского храма О. Димитрия (Максимова) была посвящена православным храмам Иркутска — «У истоков града Иркутского» (4 сент.); на тему «Колокола души нашей» состоялось общение протоиерея Николо-Иннокентиевского храма о. Игоря (Толстикова) со школьниками средних классов, с их рассказом о том, что они знают о православных храмах и духовных ценностях в современном мире (6 сент.). Протоиерей о. Владимир (Килин) встречался со студентами Иркутска и Ангарска (по отдельному плану).

В театре народной драмы на вечере, тема которого — участие священников в СВО, зрители посмотрели видеозапись с места событий: из Кировска, Донецка,

¹В своё время дачу в Порту Байкал В.Г. Распутин подарил семье родственников жены Светланы Ивановны — Евгении Молчановой и Владимира Скифа.

репортаж о последней поездке на Донбасс директора театра Михаила Корнева, во время которой он встретился с мобилизованным актером театра — участником СВО. Также был показан фильм о настоятеле храма Казанской иконы Божией Матери о. Сергии Кульпинове в зоне СВО. Гостиными и участниками вечера стали режиссер, продюсер Сергей Зайцев (г. Москва) и о. Сергей (Кульпинов). В исполнении актеров театра и хора «Прибайкалье» прозвучали военные и народные песни (11 сент.).

Круглые столы: обмен опытом

Тема первого круглого стола в областной библиотеке им. Молчанова-Сибирского звучала так: «Российская литература в эпоху перемен» (4 сент.).

Открыла заседание заместитель министра культуры Иркутской области Светлана Каплина. В приветственном слове отметила, что в Дни «Сияния России» идея служения Отечеству, любовь к русской культуре объединяет представителей разных поколений. Слова благодарности были обращены к писателям, приехавшим издалека и познакомившим сибиряков со своими произведениями. Высокую оценку получило выступление гостей на открытии праздника в сквере имени Кирова, а участникам круглого стола было выражено пожелание провести его продуктивно, поскольку для всех важна тема русского слова, состояния современной литературы.

Во вступлении ведущий встречи директор Дома литераторов писатель Юрий Баранов представил участников круглого стола и назвал проблемы, с которыми приходится сталкиваться на практике. Одна из них — превращение каждого региона после распада СССР в отдельный остров культуры.

— ...Поэтому вижу одной из главных задач «Сияния России» — сшивать разорванные куски литературного пространства. Обстановка такова: ныне появилось много разных писательских союзов, среди которых Союз писателей России — правопреемник традиционного Союза писателей РСФСР, и потому наше отделение озабочено большой проблемой: размыванием границ профессиональной литературы. Сегодня издаться за деньги может любой, типографии зарегистрированы как издательства и не озабочены вопросом, нужен ли книге редактор и корректор.

Ещё на одном отрицательном явлении остановился писатель: молодые авторы придерживаются модной тенденции западной литературы — используют так называемый телеграфный стиль, избегая описаний природы, характера героя, философии. Оправдываются требованием нового, динамичного времени, а получают по построению англоязычные фразы. Необходимо подумать, как повлиять на эту ситуацию. Баранов выразил надежду, что министерство культуры области в лице присутствующей здесь Светланы Каплиной прислушается к голосу писателей.

В заключение Ю. Баранов сообщил, что Иркутский Дом литераторов имеет возможности повлиять на обстановку. По мнению руководителей писательских организаций других регионов, в Иркутске выбран оптимальный путь: при Доме литераторов работает издательский совет, без одобрения которого не проходят в печать на бюджетные деньги произведения литераторов Приангарья, оплачиваются выступления писателей по области. И это позволяет вырабатывать предложения, которые можно использовать в работе.

Итак, слово гостям.

Елена Чубенко — руководитель Читинского отделения СП России.

— У нас в Забайкалье нет Дома литераторов, мы собираемся в краевой детской библиотеке. Общая беда такая. Из тридцати писателей активно работают в организации пять-семь человек, остальные — таинственно творящие в своих литературных кельях. Но пришло осознание: писатель должен идти в народ, если хочет, чтобы его знали. И сегодня, пройдя по вашей библиотеке, увидела фотографии Валентина Распутина — он нигде не сидит за столом, он везде с людьми.

Мы два года писали письма директорам учебных заведений Читы. Сами пошли в школы, техникумы, институты, поскольку ни на одно из 43 писем ответа не получили. Видимо, решили, что если сегодня нет уже Георгия Граубина, Михаила Вишнякова, то литература умерла. И вдруг нас пригласил Читинский техникум отраслевых технологий и бизнеса — на завершение проекта «Самородки земли Забайкальской». Оказалось, они за год проиллюстрировали пять книг наших авторов. Пригласили областного министра образования — посмотрите, как в техникуме относятся к забайкальским писателям, не так, как в школах.

Проблема в одном: в нежелании руководителей отделов управления образования идти навстречу писателям. Говорят, не хватает часов на региональную литературу...

Так получилось, что и это выступление, а затем и последующие, больше уходило в сторону обмена опытом выживания в трудное время. И это понятно: нечасто собираются вместе писатели большой страны. В нынешнем году это Запорожье — Донецк — Луганск — Москва — Урал — Алтай — Восточная Сибирь — Забайкалье. И первое желание — поделиться наболевшим. Но заявленная тема всё-таки прозвучит в большинстве выступлений.

Особый интерес — к писателям присоединённых территорий. Напомним: в 2018 году гостями «Сияния России» стали крымчане: прозаики Татьяна Воронина и Владимир Сорокин, поэт Константин Фролов.

Марк Некрасовский — председатель Луганского отделения СП России.

— Лет пятнадцать назад в одной эмигрантской газете писали, что Луганск — центр русскоязычной поэзии Украины, — начал своё выступление Марк Викторович. — В то время кроме Союза писателей Украины были представители СП Москвы, Межрегионального СП. Был классик Михаил Матусовский. Потом произошло деление на своих и чужих, украинские писатели уехали, стали нашими врагами, но большинство талантов осталось с народом. Своим творчеством они прочувствовали, поддержали судьбу Донбасса в 2014 году...

Заведующий отделом абонемента библиотеки в Луганске, Некрасовский понял, чего хочет читатель. Например, работников детских садов, учителей начальных классов интересовали книжки для детей о Луганске. Обращение к власти за помощью результата не принесло, пришлось по своей инициативе составить сборник всех поэтов Луганска за 100 лет небольшим тиражом. Сначала авторы просто выкупили для себя часть тиража, потом нашлась предпринимательница, пишущая стихи, спросила, сколько книг надо выкупить, чтобы раздать по всем школам. После подсчёта издали необходимое количество, в торжественной обстановке раздали по школьным библиотекам.

— Ходим по библиотекам, ездим по освобождённым территориям. Самая большая проблема — отсутствие книг современных российских авторов. Мы их не получали девять лет. Всё, что издано, прошло мимо нас.

О графоманах, атакующих писательские организации, библиотеки и школы,

можно сказать следующее. Во-видимому, многие деятели культуры и директора школ не воспитаны на хорошей литературе. Провели мероприятие — поставили галочку в отчёт, и всё. Но нас, писателей Луганска, уже знают, мы востребованы. Для молодёжи проводим конкурс «Молодые голоса», а дальше — уже работа Союза писателей. Победители конкурса могут и не продолжать писать, но для кого-то это толчок к творчеству.

О читателях.

— Если сегодня писатели не идут в народ — их не будут читать. И здесь ещё одна задача: воспитание читателя.

Марк Викторович рассказал о своей работе с юными читателями библиотеки.

— Когда приходит школьник, чтобы сдать книги, я спрашиваю его, прочитал ли он их. Сразу вижу: да или нет. Спрашиваю, что любит читать, подсовываю такую тему, чтобы увлекла. Почему мы считаем, что школьники не любят стихи? После встречи с настоящим поэтом может появиться удивлённый отзыв: «Я в первый раз слышу такие хорошие стихи!». Привёл бардов — одиннадцатиклассники ни разу не слушали бардов! Значит, когда есть интересный материал, то юношество загорается.

Следующий голос — из Запорожья. **Елена Найдёнова**, заместитель председателя Запорожского отделения СП России (Мелитополь).

Вначале Елена Яковлевна передала слова приветствия и благодарности от земляков за поддержку и помощь со стороны России «в восстановлении культуры и русского духа, который киевский режим методично уничтожал», затем продолжила:

— в Мелитополе, административном центре области, в июле этого года состоялось учредительное собрание Запорожского отделения СП России. На нём присутствовал председатель правления СП России Николай Фёдорович Иванов. Собрание не было стихийным: в течение около полугода нам оказывало методическую помощь Крымское отделение СП России. Мы собирали писательский актив, мировоззрение которого соответствует государственной платформе РФ.

Е. Найдёнова рассказала о богатом краевом литературном наследии Мелитополя, на базе которого возможно восстановление литературного процесса; об основателе ЛИТО «Таврия» при газете «Советская степь» талантливом мастере и организаторе Павле Ловецком (1950-е гг.), когда появились такие классики украинской литературы, как Олесь Гончар, Максим Рыльский, Остап Вишня, Павло Загребельный, Михаил Чабановский...

— Начало 1990-х считается у нас наиболее плодотворным временем для литобъединения. Благодаря изменениям в общественной и социальной жизни происходит уход от формализации тем, расширяются возможности для осмысления действительности и творческого поиска. Активность ЛИТО возрастала и в последующие годы, когда руководителем стал Виктор Ерёмко. С приходом на эту должность Светланы Непомнящей в 2009 г. по её инициативе была создана газета «Мелитополь литературный».

Ныне на базе ЛИТО «Таврия» создано Запорожское региональное отделение СП России, которое и возглавила Светлана Непомнящая. В ближайших планах создание литературной передачи на местном телевидении, учреждение ежегодного фестиваля под открытым небом в уникальном заповеднике, включение в программы школ изучения литературы родного края, проведение конкурсов для школьников и молодёжи. На днях писательское отделение совместно с профсоюзной организацией отработало большую концертную программу, была создана

агитбригада по примеру Донецка. Мы тоже хотим поднимать дух бойцов, ездить на передовую. У нас есть замечательные ребята, группа «Зов» в Бердянске...

В конце выступления Е. Найдёнова прочитала стихотворение, написанное среди взрывов на луганской земле её жителем Евгением Юрко, потрясённым опустошительной войной («А кот ждёт...»). В нём трагедия семьи, погибшей под снарядами ВСУ.

Владимир Чачанидзе, член Союза писателей ДНР (Донецк), свой многосторонний талант прозаика и автора песенных текстов охотно отдаёт детям, молодёжи, и считает, что именно им надо помогать с первых шагов, чтобы ожидать в будущем произведений хорошего качества.

— Дети не терпят фальши. Нужно быть рядом с ними, подсказывать и показывать на примере классиков, что у поэзии есть свои законы. Главное, чтобы у начинающих возникло желание шлифовать написанное. На встречах в школе или в больнице часто читаю стихи-загадки, математические, грамматические — разные. Включаются учителя, медперсонал, создаётся творческая атмосфера. В окопах в Херсоне приходили ребята с пачками стихов, просили посмотреть. Попадают интуитивно-искренние, и это хорошо. Пишут о войне, но надо думать, о чём будешь писать после войны.

Владимир Отарович рассказал о том, как при старейшей библиотеке им. Н.К. Крупской и писательской организации работают литературные клубы, где и ведётся творческая работа.

Анна Самойлова, председатель Алтайской краевой организации СП России, продолжила одну из тем Ю. Баранова — региональную изолированность литературных сил.

— Да, в самом деле, получается замкнутое пространство. Проблема в том, что в ограниченной среде развитие идёт лишь до определённого уровня. У нас создан активный рабочий совет, готовый перенять лучшее, что мы узнаём от других. Некоторые инициативы почерпнули из опыта Дома литераторов Иркутска, например, выпуск сборников прозы и поэзии местных писателей, сборников молодых. Смотрим новости по регионам, обсуждаем, что-то перенимаем, адаптируя, конечно, для наших условий. На первом этапе стараемся обходиться своими силами, дальше, если необходимо, обращаемся в региональное министерство культуры. Устанавливаем связи с соседями — через совместные проекты. Например, обменялись талантливыми авторами с Нарьян-Маром: их поэтов и прозаиков опубликовали у себя в Барнауле, произведения своих отправили в Нарьян-Мар для публикации в их журнале. Подобное организовали с Калининградом.

Анна Александровна рассказала также о проведении телемостов по проекту «Далёкое становится близким», когда произведение автора из Алтайской писательской организации предлагается библиотеке другого региона для обсуждения, после чего проходит встреча в режиме онлайн с писателем, где он отвечает на вопросы читателей.

— Хорошо получилось с Новосибирской областью, Красноярским краем, Кемерово. Но есть случаи, когда это невозможно: или библиотеки технически не оснащены, или неактивно литобъединение.

Относительно литературы в эпоху перемен А. Найдёнова поделилась наблюдением с точки зрения современного писателя и литературного героя.

— Дело в том, что я коммерческий автор, т. е. живу с продажи своих книг. Недавно меня потрясла одна деталь. В тот день, когда началась спецоперация на

Украине, в интернете возникла резкая вспышка патриотизма. И тенденция сохраняется до сих пор: среди изданий развлекательного, лёгкого чтения оказались востребованы книги патриотического содержания. Перемены в жизни страны отразились на интересах читателей, и это надо слышать и учитывать.

Нина Ягодинцева, секретарь Союза писателей России, профессор Челябинского государственного института культуры, рассказала о деятельности челябинских писателей, а потом остановилась на оценке литературного процесса с культурологических позиций. Но поскольку практика подтверждает или не подтверждает теорию, переставим заявленные темы местами, тем более что в нашем случае уникально и то, и другое.

— В обстоятельствах, когда книгоиздание стало доступным для многих, возникла проблема различения, что есть литература настоящая, профессиональная и что есть литература самодеятельная. Существуют критерии, по которым литературный поток можно разделить на три типа: нелитература — собственно литература — антилитература. Первый — самодеятельная, когда пишущий находится не в ладах ни с логикой, ни с грамматикой; второй — профессиональная — как память, как зеркало, как моделирование будущего; третий — когда автор ориентируется на рыночную конъюнктуру или на господствующую либеральную идеологию, которая сегодня напрямую античеловечна. Этот тип — антилитература.

Нина Александровна также назвала классические признаки в произведениях современной литературы — на примере повести В. Распутина «Живи и помни».

Подробнее об этом можно прочитать в её статьях: «Существуют ли критерии оценки художественного произведения?» // Наш современник. 2022. № 5. С. 255–259; «Классики и современники» // Сибирь. 2024. № 1. С. 128–130. Их главное достоинство — умение автора говорить просто о сложных вещах.

Что касается практической деятельности, то она, по сути, стала претворением в жизнь найденного способа различения этих трёх типов литературы. Процесс, что называется, пошёл: в 2008 году открылись Литературные курсы при Челябинском государственном институте культуры для авторов и руководителей литобъединений. Охват студентов вылился за пределы Уральского Федерального округа, появилась онлайн-группа, теперь у курсов международный статус. Появилась методическая литература, проводятся практикумы, круглые столы...

Стоит привести заключительные слова выступления, граничившего с небольшой, но ёмкой лекцией:

— Новые идеи вспыхивают при непосредственном общении, в чём легко убедиться... Русская поэтическая культура имеет огромное значение в формировании личности, есть необходимость осознать на новом уровне, что такое литература, и увидеть: литература — это дело государственной важности. Без литературы общество развивается вслепую...

После заседания гости «Сияния России» подарили областной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского свои книги, а также краеведческую и методическую литературу (Н. Ягодинцева) в помощь руководителям литобъединений.

По записи Юрия Харлашкина

* * *

Будет логично и полезно для расширения кругозора поклонников поэзии продолжить знакомство с Ниной Ягодинцевой. Воспользуемся записью очередной

радиопередачи Татьяны Сазоновой «Встречи без расставаний» (10 сент.), где открылась ещё одна сторона таланта гостя из Челябинска — поэтического. Из доброго десятка сборников стихов представлен новый — «Имена печали и любви» (2022).

В авторском исполнении прозвучали стихи, о которых сказано: «...Читаешь — как будто идёшь в сильном встречном потоке воды или круто вверх по горному склону...» — такова оценка Натальи Тагориной, автора послесловия к книге. Из радиointервью предстал объёмный портрет поэтессы Ягодинцевой, в чьём творчестве живёт и сибирская зима с острыми ледяными иголками, и пронзительное чувство родины, и чувство времени. Шёл разговор о том, как пишутся стихи, о смыслах, заложенных в Слове, — как же без него! Автор книги «Имена печали и любви» ответила на многие вопросы Т. Сазоновой, в т. ч. и о состоянии современной поэзии.

— Поэзия сегодня на взлёте. И это закономерно. Во времена кризисов, испытаний, народных бедствий резко увеличивается число пишущих. Русский человек принакает к Слову, спасается Словом. Стихотворение о русской речи подтверждает сказанное:

Все ничего, а позовешь — не вскинется,
Ресницами тебе не дрогнет встречу
Печальница, молитвенница, схимница,
Спасительница речь.

Не пожалеешь — глянула бы пристальней! —
И смутный век за мимолетный взгляд.
Она стоит у жизни, как у пристани,
Где корабли горят,

Где светит через алое и черное
Глубокая морская синева,
Где не спросить: о Господи, о чем же я? —
Слова, слова...

Что видно ей через завесу дымную?
А дале — через тысячи завес?
Но сколько ни живу — живу и думаю:
Мы здесь,

У этой страшной пристани пылающей,
Где пламя с каждым выдохом сильней, —
Мы не одни. Мы рядом с ней пока еще.
Мы здесь, пока мы будем рядом с ней.

* * *

Второй круглый стол «Драматург, театр, зритель...» был посвящён проблемам современной драматургии. В Доме литераторов им. П.П. Петрова состоялся разговор с участием писателей, драматургов, представителей иркутских театров (5 сент.).

Среди крупных литературных встреч надо назвать посещение гостями-пи-

сателями (в полном составе) Иркутского государственного университета путей сообщения (5 сент.). Студенты, преподаватели, сотрудники университетской библиотеки имели возможность увидеть и услышать представителей разных регионов России, узнать не только о литературном отражении действительности, но и о реальной жизни большой страны, что особенно полезно будущим специалистам-путейцам, которых ожидают ближние и дальние железнодорожные магистрали.

Дополним наш обзор откликами на отдельные выступления.

Андрей Румянцев: о творческих замыслах и их воплощении

Приезд в этом году в Иркутск известного сибирского писателя сопровождался его многочисленными выступлениями в музеях, библиотеках, культурных центрах города, о чём свидетельствует программа «Сияния России». И это не случайно. Поводом стала юбилейная дата — 85-летие автора многих поэтических сборников, очерковых книг, и ещё одно обстоятельство: находясь на посту ответственного секретаря Иркутского отделения Союза писателей России с 1993 по 2001 годы, Андрей Григорьевич с самого начала Дней русской духовности и культуры активно участвовал в составлении программы и организации праздников.

Одно из его выступлений состоялось в Гуманитарном центре-библиотеке им. семьи Полевых и было посвящено работе над книгами о выдающихся личностях прошлого и настоящего (5 окт.).

...И молодёжь, и читатели среднего и старшего возраста собрались в Дни русской духовности и культуры «Сияние России» на встречу в Гуманитарном центре с земляком, народным поэтом Бурятии, членом Союза писателей России, заслуженным работником культуры Российской Федерации Андреем Румянцевым.

Нынешний год для писателя — юбилейный.

— Но за всё время, что прошло с предыдущей встречи с ним в Гуманитарном центре, — а это творческая «пятилетка», иначе и не скажешь — создалось впечатление, что мы словно и не расставались, — так откликнулись сотрудники библиотеки. Потому что к читателю приходили написанные им новые книги. Это поэтический сборник «Избранное», а также «Байкальские истории» (2019). В 2021 году вышли в свет «Денис Мацуев. Озвученная музыкой судьба» и «Поэт русского пейзажа Фёдор Васильев. Двадцатилетний гений». Очевидно, что герой литературной биографии А. Румянцева становится всё моложе и моложе. Андрей Григорьевич Румянцев с этим не спорил.

— Когда товарищи моих студенческих лет — Александр Вампилов и Валентин Распутин — ушли из жизни, я подумал, что настало время исполнить перед ними свой долг, и едва ли кто их подробности житейские знает, — сказал А. Румянцев. — Потому что в семейном кругу они не высказывали того, о чём шла речь в дружеском разговоре. Затем я написал книгу о Денисе Мацуеве. Лично мы знакомы не были, но я часто слушал его игру, ведь свои выступления вместе с отцом-музыкантом он начал с 5-6 лет. В Иркутске семья Мацуевых была на слуху! У меня страсть к музыке — со студенческих лет, у нас был свой оркестр народных инструментов под руководством М. Гезунгейта, я играл на контрабасе, Вампилов — на домре. Любовь к музыке помогла мне понять Мацуева. Размышления Дениса о музыке взяты из наших с ним бесед, а, кроме этого, у него есть блог в интернете, где он высказывается о своих выступлениях. На всех его концертах в Москве я был, а когда Мацуев стал проводить «Звёзды на Байкале», я старался прилетать и в течение всего фестиваля слушал его и его друзей. Я попытался передать не только его музыкальное

дарование, но и его характер, он такой открытый, такой дружелюбный всегда! Работа над книгой была для меня праздником!

И тогда я понял: оказывается, свой настоящий след в искусстве и творчестве оставляют те, кто занимается этим с молодых лет. В 22 или в 23 закончить консерваторию, получить первую премию на Всемирном конкурсе имени П. Чайковского! И я понял, что нужно в русском искусстве найти ещё такие имена. Одно из них — Фёдор Васильев, он прожил 23 года. Недаром книга моя о нём называется «Поэт русского пейзажа. Двадцатилетний гений»! Сто работ оставил после себя! Половина находится в Русском музее Санкт-Петербурга, остальные — в Третьяковской галерее. Он во многом превзошёл И. Шишкина! На его работы нельзя смотреть отстранённо, он не только трудился над деталями, он мог вдохнуть в них поэтическую душу. После Васильева я выбрал великого русского поэта Дмитрия Веневитинова, он прожил двадцать один год и шесть месяцев, у него с Александром Сергеевичем Пушкиным общая прапрабабушка!..

Читатели выразили надежду, что вскоре замысел их земляка воплотится в книгу, и пожелали Андрею Румянцеву в канун юбилея творческих успехов и оставаться в постоянном поиске нового!

Н. Николаев, журналист

Михаил Зарубин — сибиряк, строитель, писатель

М.К. Зарубин (1946–2021) — редкая личность. Паренёк, рождённый в сибирской глубинке, раскрыл во всей полноте отпущенные ему природой таланты. Достигнув значительных успехов на производственном и общественном поприще в городе на Неве, в зрелом возрасте обратился к литературе, и здесь был замечен и отмечен. Побуждением к творчеству стали воспоминания о родных илимских местах, возникли и другие темы. Приведём несколько строк из его документального повествования, навеянного ностальгией.

«...А Красный Яр — это почти что отвесный, под небольшим углом склон. Высота над рекой примерно как у современного дома этажей так в тридцать. <...> И у меня, когда подходил к краю обрыва, сердце замирало. Илим и деревня Погодаева далеко внизу под ногами, птицы носятся над ними, но ниже тебя. А если снизу смотреть на Яр, то он закрывает полнеба. Он могучая стена, а ты песчинка, камушек. А сосны на Яру растут в небесах.

«Мы — погодаевские», 2008, с. 207

Дни русской духовности и культуры «Сияние России» прошли в сентябре в Иркутске и были наполнены интересными встречами, общением, новыми именами. Одним из таких имен стало имя заслуженного строителя России, писателя Михаила Зарубина. Он родился в Илимском крае, половину жизни прожил на Иркутской земле, а вторую половину — в Санкт-Петербурге, где достиг значительных высот в строительстве и в литературе.

В своих произведениях (23 издания) он воспевал Малую Родину — сибирский край, поэтому его книги читаются так живо, увлекают сюжетом и тонкой образностью в описании природы. Одним из главных произведений Михаила Зарубина стала повесть «Долгая дорога к маме». В ней автор описывает свое путешествие на могилу матери на Красном Яру, невозможность посетить родную деревню, теперь лежащую на дне моря, боль от утраты, и воспевает Мать, как радость, уте-

шение, красоту, через которую приходит жизнь в этот мир. Все, кто пришел на встречи с вдовой и дочерью писателя, смогли узнать о Михаиле Зарубине: о его книгах для взрослых и детей, его друзьях — звёздах театра и кино, о зданиях в Петербурге, построенных под его руководством, и получить в подарок книги автора.

5 сентября в библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского прошло мероприятие под названием «Я родом с Илима». Читатели и сотрудники библиотеки узнали о необычных фактах биографии Михаила Зарубина — от рождения и возрастания в небольшой деревне Кеуль Нижнеилимского района, поездке в Артек, раннем сиротстве и учебе в Иркутске до стремительного взлета в строительной профессии, о том как заслуженный строитель России воплотил свою детскую мечту — стать писателем, с какой творческой энергичностью писал, стараясь успеть высказать все, что теснилось в душе. Семья Михаила Зарубина познакомилась с редакцией журнала «Сибирячок», дала свое согласие на печать произведений в журнале.

6 сентября в детской библиотеке им. Марка Сергеева, в небольшом читальном зале, разместился целый класс третьеклассников 11-й школы. Ребята отвечали на вопросы викторины, основой которой стали «Сказочные истории» — три книги для детей Михаила Зарубина. Юные читатели поделились и своими знаниями и историями, смогли нарисовать сюжеты для будущих переизданий книг автора. 7 сентября студенты двух факультетов ИрННТУ слышали не просто о творчестве Михаила Зарубина, но о его одаренности с раннего детства, о том, как он распорядился своими талантами, какие личностные качества (трудолюбие, социальная активность, преданность семье) помогли ему достичь значительных высот в профессии и обществе. Его жизненный пример достоин повторения при верном отношении к Родине, обществу, к себе.

8 сентября состоялась теплая, незабываемая встреча с посетителями Музея истории г. Иркутска им. А.М. Сибирякова. Во-первых, этот день — день начала блокады Ленинграда, и директор музея Сергей Иннокентьевич Дубровин подготовил выставку, посвященную трагической истории нашей страны, пригласил блокадников, которые проживают в Иркутске. Темой общения стали не только жизнь и творчество Михаила Зарубина, но и Малая Родина (Иркутск–Санкт-Петербург). Во-вторых, гости с большим интересом смотрели фильм о Зарубине, задавали вопросы, делились своими житейскими историями, что создало обстановку полного взаимопонимания и душевной поддержки, которая так необходима всем нам.

Анна Бунеева, дочь писателя

Валерий Хайрюзов: о людях, которые любят небо, живут небом

Десятиклассники школы №55 встретились в Гуманитарном центре-библиотеке имени семьи Полевых с Почётным гражданином города Иркутска, лауреатом Национальной литературной премии имени В.Г. Распутина Валерием Хайрюзовым. Разговор важен для них, ведь творческая и профессиональная судьба нашего земляка может стать ориентиром для самоопределения старшеклассников, которые приближаются к моменту выбора своей будущей стези.

Писатель рассказал, откуда пришли образы героев в его книги — о детстве в иркутском предместье Жилкино, о том, как 17-летним поступил в Бугурусланское лётное училище, а за следующие три десятилетия облетал всё северное полушарие. Поведал прозаик и о сложных, подчас опасных моментах, когда от действий командира Ан-24 зависела жизнь десятков людей. Например, о рейсе в зимнюю

пору, когда самолёт настиг циклон и пришлось выбирать запасной аэродром. На борту 60 человек, ближайший аэропорт в Кемерово — 400 километров.

— А погода резко ухудшалась по мере приближения, — рассказывал писатель. — Запаса топлива должно остаться ещё на час. Но встречный ветер съел у нас минут пятнадцать-двадцать, и при подлёте к аэродрому загорелись красные лампочки критического остатка топлива. Сколько ещё будет работать двигатель — не знаю. Томск, Новосибирск — не дотягиваем. Лампы на панели горят! Идём по курсо-гиссадной системе, но я не учёл, что боковой ветер оказался сильнее. А куда садиться? Всё бело перед тобой. Ничего не видно. Принимаю решение идти на второй круг. И в самый последний момент вижу боковую полосу, она обозначена на земле красными лампочками, и она подо мной. То есть мы — правее здания аэровокзала, а слева — террикон из пустой породы возле шахт, между ними — полоса. Заход в сложных метеоусловиях — это всё равно что попытка в темноте попасть в игольное ушко! В такой момент всё твоё мастерство, то, чему тебя учили, всё самое лучшее в тебе должно быть проявлено. Я знаю, что должен сесть. С земли спрашивают, сколько топлива осталось. Отвечаю: всё нормально. И в этот последний момент из белой пелены открывается чёрная пасть полосы, мы заходим и останавливаемся. Диспетчер говорит: «Выруливайте!», мы отвечаем: «Топливо закончилось. Тягач, пожалуйста!» И таких ситуаций было в работе немало!..

Конечно, не обошлось без вопроса, почему лётчик стал писателем.

— Оставить людей, которые учили меня, которые летали со мной, на страницах рассказов и повестей я считал своей обязанностью. Об этом мои книги, которые вы можете прочесть, взяв с полки библиотеки...

Гуманитарному центру были подарены ещё две: переиздание одной из самых первых книг прозаика — «История таёжного аэродрома» (2017) и «Моя иркутская история» (2022) — об известном враче Гайдаре Гайдарове.

Любовь к небу навсегда осталась в сердце лётчика, хотя в жизни Валерия Николаевича есть работа со словом, есть живопись и документальное кино. Об этом также рассказывает фильм «Чанчур», фрагменты которого автор представил школьникам, а днём позже взрослая аудитория посмотрела картину полностью. В планах Валерия Хайрюзова сюжет о современниках, «которые любят небо, живут небом и продолжают лётные традиции».

*Оксана Запольская,
Гуманитарный центр-библиотека
имени семьи Полевых*

* * *

Писатели также побывали в Иркутском областном колледже культуры — Е. Чубенко (Читинская область), Н. Ягодинцева (Челябинск), А. Журавский (Иркутск) (5 сент.); Педагогическом институте ИГУ — В. Хайрюзов (Москва), В. Чачанидзе (Донецк) (6 сент.); Иркутской православной женской гимназии — Е. Найдёнова (Мелитополь), А. Рачкова-Закаблуковская (Иркутск) (6 сент.); Музее В.Г. Распутина — В. Хайрюзов (Москва), Н. Ягодинцева (Челябинск) (7 сент.), Иркутском филиале ВГИК им. С.А. Герасимова — М. Некрасовский (Луганск), А. Сизых (Иркутск) (7 сент.).

Другие адреса (с 4 по 13 сент.): ИрНИТУ (политехнический ун-т), Иркутский кадетский корпус им. П.А. Скороходова, биолого-почвенный факультет ИГУ, фа-

культет социальной философии и права ИГУ, Байкальский госуниверситет экономики и права и др.

Если говорить о библиотеках, то местом встречи с участниками «Сияния России» стали все областные библиотеки: ИОГУНБ им. И.И. Молчанова-Сибирского, ОЮБ им. Иосифа Уткина, детская им. Марка Сергеева, специальная библиотека для слепых, все библиотеки ЦБС г. Иркутска, включая ЦГБ им. А.В. Потаниной, детские библиотеки.

Музеи: Иркутский областной краеведческий им. Н.Н. Муравьёва-Амурского, отдел ИОКМ «Музей В.Г. Распутина», Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова, Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачёва, Музей декабристов.

Культурные центры: Иркутский городской театр народной драмы, Иркутский Дом литераторов им. П.П. Петрова, ТЮЗ им. А. Вампилова, редакция журнала «Сибирячок», городской выставочный центр им В.С. Роголя, галерея Дома художника, Дом ремёсел и фольклора, где заметным событием стал VIII городской фестиваль резных художественных изделий «Звёздная ладья».

В программу включено порядка 16 выставок, представленных в период со 2 по 14 сент. в музеях, библиотеках, культурных центрах, галереях, в т. ч. выставка Валентина Серова из коллекции Русского музея в галерее Сибирского искусства (Санкт-Петербург) — в Иркутском областном художественном музее им. В.П. Сукачёва, открытие выставки акварели Натальи Овчинниковой (Москва) — в Городском выставочном центре им. В.С. Роголя (5 сент.), открытие выставки одной картины «Перенесение мощей святителя Иннокентия (Кульчицкого) из деревянной Тихвинской церкви в каменный Вознесенский собор» — КПЦ им. свт. Иннокентия (Вениаминова), с. Анга (8 окт.), выставка подлинных архивных документов: «Святитель Иннокентий (Вениаминов) — миссионер, исследователь, просветитель» в Архивном агентстве Иркутской области, персональная выставка художника-искусствоведа Татьяны Ларёвой «Иркутск и иркутяне: история в картинах» в галерее «Дом художника».

В городах и посёлках, за пределами областного центра

Насыщенной была программа поездок гостей «Сияния России», иркутских писателей и представителей других видов искусства в города и посёлки области. Традиционно это большие литературно-музыкальные концерты в Усть-Уде, на родине В.Г. Распутина, и в Качуге, с заездом в Ангу, на родину святителя Иннокентия (Вениаминова) (8 сент).

В Доме культуры Усть-Уды для жителей посёлка был подготовлен концерт ансамбля русских народных инструментов «Байкал-квартет», на котором писательское слово сказали Е. Найдёнова (Мелитополь), В. Чачанидзе (Донецк), А. Самойлова (Барнаул), В. Хайрюзов (Москва). Маршрут в Качугском районе в тот же день пролегал сначала в Ангу, где в день рождения святителя для гостей была проведена экскурсия по Культурно-просветительному центру, носящему его имя, затем в Дом культуры п. Качуг, где состоялся концерт певицы Т. Семушиной (Москва), выступление писателей М. Некрасовского (Луганск), Н. Ягодинцевой (Челябинск), А. Мирошникова (Иркутск).

В эти же дни (с 4 по 8 сент.) в библиотеке № 5 ЦБС г. Ангарска побыва-

ли Е. Найдёнова (Мелитополь), А. Самойлова (Барнаул), А. Закаблукская (Иркутск); с небольшими переменами в составе гостей прошли встречи с читателями в библиотеках Пивоварихи, Шелехова, Усоля-Сибирского. В ЦГБ Слюдянки на тему «История Сибири — история России» выступили иркутские писатели В. Забелло и О. Слободчиков; под знаком «Сияния России» в библиотеке им. Ю.Ф. Федотова г. Усть-Илимска — А. Федюкович; в ЦГБ Саянска — В. Дмитриевский, А. Журавский; в библиотеке им. В. Сербского в Братске — М. Орлов и Т. Безридная.

Пребывание гостей на земле Иркутской увенчалось традиционной поездкой в Листвянку, прогулкой на катере до Порты Байкал, посещением Байкальского музея СО РАН (9 сент.).

* * *

В завершение следует назвать имена не упомянутых в обзоре писателей, членов творческих союзов, потрудившихся в Дни «Сияния России». Это Елена Анохина, Галина Афанасьева-Медведева, Игорь Корниенко, Артём Морс, Юлия Подгорбунская, Валентина Рекунова (журналистка), Василий Скробот, Рада Черноусова, Алёна Шипицына. И, конечно, сотрудники Иркутского Дома литераторов, не только выступавшие вместе с писателями-гостями, но и занятые в составлении программы и её исполнении: Максим Живетьев, Светлана Зубакова, Юрий Харлашкин, директор Дома литераторов Юрий Баранов.

Со стороны руководства области и города организацией и проведением праздника занимались заместитель министра культуры Иркутской области Светлана Каплина, начальник управления культуры КСПК администрации г. Иркутска Антон Чернышов, внештатный специалист управления культуры Ольга Михеева.

* * *

Подведение итогов Дней русской духовности и культуры «Сияние России» состоялось в Доме литераторов им. П.П. Петрова (30 нояб.). В заседании приняли участие руководители учреждений культуры, представители Иркутской епархии, ИРО Союза писателей России. Вели заседание заместитель министра культуры Иркутской области Светлана Каплина и директор ОГАУ «Иркутский Дом литераторов» Юрий Баранов.

Была рассмотрена и обсуждена с точки зрения качества работа, проделанная минувшей осенью, высказаны предложения по проведению «Сияния России» будущего, 2024 г. По вопросу выбора даты праздника предложено провести отдельное заседание.

В хронике-обзоре «Сияния России»-2023 частично использована информация управления культуры КСПК администрации г. Иркутска

АНТОН ЛУХНЁВ

К.Б.Н., МАГИСТР ФИЛОЛОГИИ,
УЧАСТНИК ЛИТЕРАТУРНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА «СЛОВО»

Выходя за рамки

ОБЗОР ФЕСТИВАЛЯ ЛЮБИТЕЛЬСКИХ ТЕАТРОВ «СОЛНЦЕ В АИСТОВОМ ГНЕЗДЕ»

В августе 2023 года, в преддверии нового театрального сезона в посёлке Кутулик Иркутской области состоялся второй фестиваль любительских театров «Солнце в аистовом гнезде». Смотр организовали и второй год проводят Иркутский академический драматический театр им. Н.П. Охлопкова и администрация Аларского района. Участниками смотра стали девять театральных коллективов Иркутской области.

В прошлом году участники должны были представить спектакли только по произведениям А. Вампилова. В программу второго фестиваля вошли постановки по произведениям разных авторов. В большинстве спектаклей — в шести из девяти — были представлены инсценировки прозы, классической русской и зарубежной. (Примечательно, что лауреатами фестиваля «Сибирская рампа», который проходит на Ольхоне тоже в августе, в этом году стали три спектакля по прозе.)

В этом году у коллективов-участников также была возможность проделать любопытный эксперимент. Руководитель фестиваля, А.А. Стрельцов (директор Иркутского драматического театра) предложил делать показы на открытой площадке, вне стен театра. По первоначальному смелому замыслу, участники должны были играть не просто на улице, а в природных условиях: в лесу, в поле и других биотопах. Благо, на Аларской земле природы хватает. И многие коллективы, приехавшие в Кутулик 18 августа, отважились на такой эксперимент, на такое испытание, решились выйти из привычной обстановки, за театральные рамки.

В первый день смотра, 19 августа, в кутуликском ДК мы увидели: 1) композицию «Вампиловская любовь» черемховского театра «Крылья» (реж. Вера Суржикова), 2) спектакль «Женский разговор» по одноимённому рассказу В. Распутина, работу театра «Этюд» из п. Малое Голоустное (реж. Станислав Зуев); 3) пластический спектакль «Старосветские Ромео и Джульетта» театра «Предместье» (реж. Валерий Шевченко и Елена Орлова) и 4) постановку театра «SmileЛИК» «Барышня-крестьянка» (реж. Лира Шеломенцева).

Композиция «Вампиловская любовь» создана по рассказам и сценке А. Вампилова: «Моя любовь», «Свидание», «Последняя просьба». Актёры, занятые в двух или трёх частях этой постановки, исполняют две или три роли. В этой работе даны три способа подачи идеи, организации действия (монолог, диалог, безмолвный диалог), и три способа существования персонажей по отношению ко времени и пространству. В первой части, исповедальной, лирической, герой существует как бы над временем и над пространством, взирает и на прошлое и на будущее. Во второй части, драматической, герои существуют здесь и сейчас. В третьей части, в инсценировке рассказа, дан продолжительный отрезок времени и два пространственных плана (которые совмещаются на сцене и в сознании зрителя): 1) комнатный, где находится главный герой — пожилой человек, потерявший было интерес к жиз-

ни, и 2) занимающий правый край авансцены уличный план, — видимое главным героем из окна: свидания молодого человека и девушки и их размолвка. Второй план открывает нам не только видимое из окна: главный герой, наблюдая за парой, вспоминает себя молодым и, значит, на переднем плане воплощены картины его памяти. Следовательно, в третьей части композиции проза, её сюжет заставили перестроить, преобразовать сценическое пространство. Данный способ организации действия — более условный, требует и от зрителя большей активности (податливости, гибкости) его воображения, и мастерства от актёров.

Промежутки между частями постановки-триптиха актёры заполняли афоризмами А. Вампилова, в конце исполнили песню, и на экране прошли кинокадры, запечатлевшие А. Вампилова: 1) на сцене с актёрами после спектакля, 2) в турпоходе (в очках, с рюкзаком), 3) за греблей, сидящего в лодке.

Вампиловская любовь (понятие в этической системе писателя), о которой говорит спектакль театра «Крылья» — чувство идеальное, неизменное, освещающее всю жизнь человека, одухотворяющее. Если бы она имела голос, то, наверное, звучала бы, как песня Ларисы Мондрус — чисто, звонко, светло.

Вечную тему в первый день показов на фестивале продолжил Голоустненский театр «Этюд», который представил спектакль «Женский разговор» по рассказу В. Распутина. В этой постановке проза переведена в традиционную драматическую форму: действие происходит за четвёртой стеной, нет повествования. Основная мысль рассказа сохранена и передана в спектакле, в разговоре, в речи Натальи: сочетание мужа и жены есть соединение духовное (имеет духовное значение), должно исполняться как священное. Но кое-что осталось «за кадром». В рассказе дано описание ночного звёздного неба (пять раз упоминается). Ночное небо придаёт личному, частному случаю дополнительное измерение; здесь, как и во многих других произведениях В. Распутина, два плана, земной и небесный, сопрягаются.

В спектакле довольно подробно воспроизведена обстановка деревенского дома. Два предмета из окружающего героиню вещественного мира работают как символы: нить и лампа. Наталья во время разговора с внучкой сматывает нитку на клубок. Это режиссёрское решение делает зримыми слова рассказчика о том, что Наталья вспоминает, ведёт рассказ о своей жизни, словно «тянет нитку», нить памяти. И эта же нить может иметь значение путеводной для Вики. Наталья же зажигает стоящую на столе керосиновую лампу и этим действием отражает совершаемое в смысловом плане: своим рассказом Наталья зажигает духовный маяк для Вики, охранительный свет на её жизненном пути. Вика не получает отпущения вины, оправдания, исцеления. Но получает заключённый в рассказе Натальи завет, направление, в какую сторону держать жизненный путь. Эти предметы — символы, их смысл соответствует представлению В. Распутина о том, что значит жить по совести: значит понять, что отклонился от верного пути, и возвращаться, направиться в нужную сторону (высказывание В.Р. в статье «Если по совести»).

На основе повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» театр «Предместье» создал пластический спектакль «Старосветские Ромео и Джульетта». Сценография постановки напоминает японский минимализм. Задник несёт графическое изображение, эскизный рисунок древесных ветвей с одной грушей (дулей) и обозначает сад с фруктовыми деревьями. Декорацией служит всего лишь одна небольшая ширма, на которой изображён профиль Гоголя и петербургский, ви-

димо, пейзаж (сценография: Евгений Мурашов, Софья Микаилова). В спектакле действуют Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, рассказчик, заместитель, массовка. Рассказчик распределяет роли тут же на сцене, раздавая актёрам вынутые из большой (дорожной?) сумки таблички. Стол актёры делают сами, сидя на полу и руками натягивая над собой ткань. Застолье обозначено звуком: слышны звон посуды, вилок, бульканье напитков. Поющие двери открывает и озвучивает сам рассказчик. Этот персонаж любит своих героев, любит уклад их жизни; интонация его лирична, элегична; он ведёт словесное повествование (текст сокращён и разделён на фрагменты-ремарки) и сам участвует в пластическом действии, исполняет роли аквариумной рыбы и слуги, который подчует господ и сам, как заведено, умеет пожить. Похоронив супругу, Афанасий Иванович мысленно извлекает возлюбленную (её тень) из могилы, танцует с ней, воображаемой, возвращает обратно в землю, она не сразу отпускает его руку, а как будто хочет увлечь его за собой. В конце рассказчик удаляется за ширму, и на сцене остаётся один профиль Гоголя. В начале действия актёры изображают часы, часовые стрелки. И вся история повествует о временности земной жизни и неподвластной времени любви.

«SmileЛИК» приехал в Кутулик прямым с Ольхонского фестиваля «Сибирская рампа», где стал призёром. (И коллектив правильно поступил, что поехал на оба фестиваля. Потому что, как мне сказал их звукооператор Антон Кичигин, несколько человек покидают коллектив, уезжают учиться, и спектакль снимают с репертуара.) И там и здесь (как и на апрельском фестивале в Иркутске) их «Барышня-крестьянка» была яркой, живой, озорной, задорной. Каждый показ вовлекал в действие зрителей, публика аплодировала в особенно потешных эпизодах, явлениях, включалась в игру. На Ольхоне преподаватель-мастер Григорий Александрович Южаков сказал, что спектакль получился не про Лизу (Дарья Попова) и Алексея (Дмитрий Панченко), а про служанку Настю (Анастасия Тюкавкина), так сильно она выделялась. Дело, на мой взгляд, не только в том, что актриса блестяще исполнила роль Насти. Но особенность этого спектакля такова, что все действующие лица живут общей жизнью.

Один из преподавателей-мастеров на «Сибирской рампе», Олег Иванович Снопков сказал, что действие в этой постановке происходит на грани драмы и КВНа. На мой взгляд, в КВНе соревнуются в остроумии, а спектакль, его интонация получились весёлыми потому, что игровая стихия, театральность присутствует в самой повести Пушкина. И есть в природе русского человека¹. В этой работе так же много музыки, песен, танцев, игры, как в самой русской народной жизни. (Былой. Теперь эти способы самовыражения заменил телевизор, видимо.) Звон балалайки, ритм плясовой и плавное течение лирического напева, сопровождающего танец-калейдоскоп с расписными платками (хореограф Вероника Прокоп), все эти картины и звуки отзываются в душе зрителя, в его генетической памяти, вызывают восхищение перед русской народной культурой.

В этом спектакле найдено и искусно использовано многофункциональное средство — подвижная напольная рамка (сценография: Василий Черкасов). В на-

¹Театральность, или карнавальность, как отношение к жизни и смерти проявляют все нации. Это отношение проявляется в коллективном творчестве (танце, хороводе, хоровом пении), в праздничных досуговых коллективных действиях (игра горелки, например), отражается в обрядах. Но люди забывают эти обычаи, утрачивают былой уклад, образ жизни, когда обряд имел смысл и практическое значение. Видимо, первое, что мы во многом утратили, это общинность, способность жить и работать сообща. Вместе с укладом, обрядами, общинностью мы лишились и театральности. Но нам доступен театр.

чале действия рамки служат рамками, контурами, как на картине-портрете, фокусирующими внимание на персонаже. С помощью рамки актёры отделяют иллюзорную историю от повествовательной, отделяют персонажа от повествовательного плана. Перешагивая через рамку, актёр мгновенно попадает в повествовательный план и может, обращаясь к зрителям сквозь четвертую стену, говорить о своём персонаже в третьем лице. Так по-новому применён приём эпического театра.

Кроме того, когда Лиза собирается на первую встречу с Алексеем, рамки становятся примеряемыми платьями. В следующей сцене, в лесу, становятся деревьями и работают как декорация. Составленные домиком, превращаются в «почтовое» дерево. Потом деревьями с ветвями-руками становятся вставшие в рамки девушки.

В спектакле «Барышня-крестьянка» повествование ведёт не рассказчик, а хор (повествовательный текст распределён между хоревтами и главными героями), который может обращаться прямо к зрителю, общается со зрителем. Народ, или, как указано в афише, люди, и стали рассказчиками. Многоликим рассказчиком, коллективным лицом. Это решение правомерно и оправдано. Почему? Считается, что писатель-классик отражает сознание народа, его дух. Можно сказать поэтому, что в повестях Белкина и во всём творчестве Пушкина его соавтором был народ. Пушкин любил своих соотечественников и своих героев. И театр «SmileЛИК» в своей постановке сумел передать эту любовь и возбудить её в зрителях.

Во второй день, 20 августа, коллективы — участники фестиваля — играли спектакли на улице, на открытом воздухе, там же, где и жили, в селе Александровск, в имении «Благодатное».

Театр «Слово» первым показал спектакль «Василий и Василиса» по рассказу В. Распутина (реж. В.С. Просекина, Е.П. Жукова). Площадку найти было не мудрено: на территории базы отдыха есть и бревенчатые избы, и беседки, тоже бревенчатые, и деревянные тротуарчики между ними. Выбрали избу, где жили охлопковцы и критики. Хоревты сидели на лавке у крыльца слева (для зрителя). Пространство Василисы (Елена Жукова) обозначили на крыльце избы: там поставили стол и табуретки. Пространство Василия (Олег Силантьев) обозначили справа от крыльца, ближе к беседке: на тротуарчике поставили лавку, на лужайке положили и поставили берёзовые чурки, до начала действия Василий колот там дрова и хотел было обезглавить живую чёрную курицу, но зрители его остановили. На заднем плане паслись три приведённые Олегом Силантьевым козы. Пространство в целом было обжитым. Рассказчик сидел за столом слева и чуть впереди от избы. Как всегда, этот персонаж начинал действие, потом время от времени сообщал зрителям что-нибудь новое о жизни героев и печатал на пишущей машинке. Рассказчик здесь общается со своими героями, взаимодействует, и то он руководит ими, их жизнью и чувствами, то они поступают по-своему, тогда рассказчик буквально записывает под их диктовку.

Окружающий ландшафт не только стал фоном и декорацией, не только создал атмосферу спектакля, но отразил художественный мир автора. Ведь в произведениях В. Распутина природа участвует в жизни героев, является действующим лицом.

Сценография получилась живой: было солнечно, дул ветерок, летали мухи, пели птицы, актёры жмурились от яркого солнца, отмахивались от мух. Несмотря на то, что реплики раза два актёры подавали с ошибками, публика и критики, тем не менее, потом хвалили работу (возможно, сговорились).

Одной из тем, которые исследовал в своём творчестве В. Распутин, является тема заменимости и незаменимости одного человека другим. Так в рассказе

«Женский разговор» (1994) главная героиня сообщает: смертельно раненный муж послал ей вместо себя своего друга. В пьесе (так) «Последний срок» (1977) старуха Анна догадывается, что невестка ей дана свыше взамен младшей дочери. В рассказе В. Распутина «Имена» (1967) выражена та идея, что материнская память, или душа, вмещает (через имена) образы не только своих погибших и живого сына, но и чужих живых сыновей (как своих): «есть у неё ещё один сын, живой и здоровый, что есть ещё у матерей сыновья, живые и здоровые...» Эта тема, как мне кажется, затронута и в рассказе «Василий и Василиса». После разговора с Александрой, её рассказа о сыне, материнская любовь оживает в душе Василисы, вытесняя из неё боль и обиду, враждебность к Василию. Женщина-мать подобна матери-земле: как мать-земля одна для всех, так и материнское чувство распространяется на всех, своих и чужих, сыновей и дочерей. («Земля у нас одна, так и иди по ней», — напутствует Василиса Александру). И женщина-мать, действуя «в согласии с проведённым через неё заветом», подобна Богоматери (о Её значении сказано в очерке В. Распутина «Шерше ля фам»), по велению Сына усыновившей Его ученика, Иоанна.

Спектакль «Дом окнами в поле» театр «Факел» (реж. А.И. Кононов) показывал на поляне, сзади сцену ограничивали настоящие невысокие ворота и забор, ограждающий имение. В прологе актёры читали стихи самого А. Вампилова и А.И. Кононова.

Астафьева, ждавшая Третьякова, в момент его появления делает вид, что его не ждала (равнодушна), и старательно гладит утюгом какие-то вещи. Вошедший в дом Третьяков держит в одной руке чемодан, в другой глобус. Во время разговора Астафьева орошает разглаживаемую вещь водой изо рта. Потом она (или девушка из хора?) окатывает водой Третьякова, и тот сердито вытирается одной из тех вещей, что выплала хозяйка. Тут же Третьяков обжигается, задевая рукой утюг. Всё, кажется, способствует пробуждению героя. Пробуждению от сна, в котором герой так долго находился и не замечал Астафьеву.

В пьесе действует хор. В спектакле хоревты, жители деревни, находятся на сцене: четверо держат окна, двое сидят на лавочке в комнате Астафьевой, лицом в зал. Хоревты всё видят. Деревня не ждёт повода позубоскалить, жители действительно болеют за героев: «За вас вся деревня переживала». Почему? Не только потому, что односельчане дружны (бригада, которую обошёл прощаясь Третьяков, это его ученики, я думаю, он преподавал взрослым людям, работникам фермы). Население деревни должно пополняться, обновляться. А жители, особенно молодые, уезжают в город. Хоревты заинтересованы в том, чтобы Третьяков женился на Астафьевой и остался жить в деревне. В доме Астафьевой решается не только судьба главных героев, но и судьба деревни: ежели Третьяков уедет в город, Астафьева останется одна («время, в сущности, летит так быстро», — думает она), деревня останется без новой семьи, не родятся дети.

Пока шло действие, по небу бежали тучки, временами накрапывал дождик. Но когда Третьяков отпустил ждавшего его шофёра Кешу, распогодилось, хоревты вышли с песней вперёд, расступились, и солнце, этот небесный прожектор, осветило главных героев, облачённых в свадебные наряды.

Третьяков напоминает мне Пашку из рассказа А. Вампилова «Станция Тайшет». Там тоже пороговая ситуация, судьбоносная. Там герой тоже сначала стремится в то место, о котором давно мечтал (как Третьяков о городе). Но его очаровывает девчонка — так пренебрежительно её называет рассказчик. И, как

лунатик, Пашка прощается с друзьями, расстаётся с ними, изменяет им, их общей мечте. Но обретает настоящую любовь, им овладевает не преходящее увлечение, а чувство на всю жизнь. А друзья пока сбегают от заката: «Мы бежали от заката... Мы, сбежавшие от заката». Закат, видимо, символизирует завершение юности с её мечтами, иллюзиями, свободой. В пьесе «Дом окнами в поле» поле и лес противопоставлены дороге в город (где улицы и проспекты, перспективы), и для Третьякова тоже знаменуют окончание движения в поиске себя, своего места в мире (недаром Третьяков приносит глобус: на нём он, вероятно, отмечал свой будущий путь), начало осёдлой земной жизни.

Фарс «Идеальный спектакль» перформ-группы «Мы» (реж. Т. Зубарева) ребята играли на поляне среди деревьев. (И ночевавшим там участникам пришлось убрать свою палатку.) Публика была не готова к отсутствию сюжета, уходила, и, видимо, открытое пространство для такого действия не годится, не способствует взаимодействию актёра и зрителей.

Показанный на той же поляне пластический спектакль «Книга джунглей» студии «Drama» (реж. И. Гушин), напротив, вполне органично вписался в сибирский ландшафт. Ребята работали дружно, преображались в разных зверей — волков, птиц, обезьян, мы узнали знакомых: грациозную Багиру, хищного Шерхана, ворчливого Балу, таинственного Каа; актёры, создавая пластические образы, использовали предметы — камень, трости, канат, стебли; сами голосом и барабанами создавали ритм, полифоническую мелодию.

Казалось бы, отточенная форма в этом спектакле преобладает над содержанием. Но, как в притче, в «Книге джунглей» заключён глубокий смысл: природа старше человека (и по теории эволюции и по Священному писанию), природа имеет свои законы, свою мудрость.

Когда-то человек жил общей с природой жизнью, знал и чтит её законы; природа воспитала человека. Со временем человек отделился, обособился от природы. По незнанию или по умыслу человек стал нарушать законы природы, будучи корыстолюбив, стал брать от природы больше, чем ему нужно. Сегодня человек часто враждебен по отношению к природе, ведёт войну против неё, и его технические силы и средства позволяют ему покорять, побеждать природу. Человек (как вид) возомнил себя царём, властелином природы, колоссом. Но колосс этот стоит на глиняных ногах. Жадно поглощая природные ресурсы, истощая и опустошая землю, человек рубит сук, на котором сидит. Спектакль «Книга джунглей» студии «Drama» напоминает нам о нашем родстве с природой, о жизненной связи с ней. Человек не постоялец, не оккупант на планете, а хозяин, который, живя в союзе с природой, соблюдая её законы, должен беречь и преумножать своё имение.

Театральный фестиваль — это время и место открытий, знакомства с новым. Участники смотрят, театральные коллективы и зрители, открывают что-то новое: зрители видят новые спектакли, по-новому сыгранных знакомых героев, актёры и режиссёры делают открытия в своих по-новому сыгранных спектаклях. Спасибо фестивалю «Солнце в аистовом гнезде» за эти открытия!

РАДА ЧЕРНОУСОВА

Чёрный квадрат

Как-то раз меня попросили отреставрировать картину: пастель, изображающую бурное море и борющийся со стихией корабль.

Длины сторон почти квадратной картины отличались между собой всего на несколько сантиметров. Работа выполнена мастерски: динамичная грамотная композиция, волны как живые, но... сразу видно, что сделано на заказ или для намеренной продажи. Картина эта призвана максимально передать реальность происходящего на ней, украсить интерьер, доставить зрителю удовольствие. И зритель при этом остаётся в зоне психологического комфорта, его не наполняет тревога или сострадание, он просто любит красоту. На подобные произведения (как живописные, так и литературные или кинематографические) всегда был и будет наиболее массовый спрос, они всегда остаются в тренде независимо от временных веяний.

В процессе реставрации я убрала белое не очень широкое паспарту по контуру картины. После необходимых манипуляций вернула на место. И тут заметила, что энергетическая активность изображения разительно отличается — без паспарту она теряется вовсе, а с ним сразу возрастает. Вообще, создавалось впечатление, что внимание привлекает более всего сам контраст между окрашенным полем изображения и белым фоном паспарту. А что если белый фон сделать шире? А что если этот контраст сделать наиболее максимальным? Что получится? Именно!.. у меня аж мурашки по спине побежали... Чёрный квадрат!

Я вспомнила, что, судя по проведённым исследованиям, один из «Чёрных квадратов» Малевича был ничем иным, как изображением чего-то, поверх более раннего изображения, и покрытым сверху чёрной краской. Ещё вспомнила, как, учась в художественной школе, с ужасом смотрела за действиями преподавателя, безжалостно покрывающего некоторые детали моей великолепной разноцветной мази ровным тёмным фоном, чтобы главное, центральное изображение стало более ярким и значимым. И как перед итоговым показом мы мастерили белые паспарту вокруг своих ученических работ... И как до одури приятно иногда просто закрасить определённую площадь белого листа ровным слоем тёмной краски, наслаждаясь её ярким отличием от фона. Понять подобные тонкости может кто угодно, только не зритель, которому надо «сделать красиво».

Пишу всё это вовсе не для того, чтобы оправдать или возвысить Малевича. А только чтобы зафиксировать то ощущение, которое, вполне возможно, хоть немного созвучно тем исканиям, которые послужили толчком для появления «иконки супрематизма».

Ведь логика чаще всего обманчива и притянута к нужным выводам насильно. А импульс не может фальшивить или быть продажным.

Вслед за многими уважаемыми экспертами, я готова подтвердить: «Чёрный квадрат» не имеет художественной ценности. Однако я не согласна с теми, кто утверждает, что это хитрый рекламный трюк, скандальный эпатаж и т.д. Мне попадались воспоминания самого Малевича, в которых звучит недоумение и даже испуг перед неуправляемостью собственного творения, перед его ответным воздействием не столько на зрителя, сколько на самого автора. Начнём с того, что квадратов этих, на самом деле, как минимум четыре. Они отличаются между собой оттенком, размерами, формой, составом краски. По словам экспертов, автор даже сам изготавливал краску в попытке найти нужный цвет и структуру, в одном и том же произведении использовались разные оттенки... Для чего всё это? Неужели для того, чтобы просто кого-то удивить и обмануть? Можно назвать это своеобразным творческим психозом, но уж точно не рекламным продуманным ходом.

Ещё ребёнком я видела один из «Чёрных квадратов» в музее Москвы. Стояла перед ним после просмотра накануне немало прославленных произведений живописи, после выставки великого Гогена, после оконченной художественной школы... Стояла и не могла выдрать ступни из поверхности пола, не могла оторвать взгляд от тупого не особенно ровно намалёванного куса беспросветной материи. Это было не объяснимо ничем. Дежавю или пророчество — смутное смещение матрицы на тысячные доли единицы.

На том этапе творчества, Малевич позиционировал себя не как художник, а как экспериментатор. Художественная ценность не являлась его целью. «Чёрный квадрат» произведение не живописное, а идеологическое, метафизическое, даже почти эзотерическое. С этой меркой к нему и надо подходить. А то, что это произведение соседствует рядом с живописными полотнами, с одной стороны вроде бы ошибка. Но с другой — неизбежная закономерность, природу которой можно изучить отдельно, но у меня сейчас другая задача.

Кстати, изображение чёрного квадрата уже встречалось в истории изобразительного искусства не единожды, но знаменитым стал именно квадрат Малевича. Это был серьёзный философский поиск, ничего общего не имеющий с классическим понятием живописи. Поэтому критики правы и не правы одновременно. «Чёрный квадрат» — это вообще не искусство. А вот что это? Термин пока не изобретён, все попытки вокруг да около сути. Таков основной признак любого Абсолюта: можно лишь бесконечно приближаться к осмыслению, но достичь не дано никому.

ТАМАРА БУСАРГИНА

О книге Маргариты Карановой и Александра Каранова-мл. «Прекрасное Далёко»

Книга двух авторов, матери и сына, Саши и Маргариты Карановых, попала ко мне по счастливой случайности, нежданно-негаданно. Я её прочла и... перечитала. Не знаю — почему. Ни занимательного сюжета, никаких изысков словесных, а ты незаметно оказываешься вовлечённым в жизнь, особенную жизнь — «нетвою». В жизнь мальчика Саши Каранова, жизнь Семьи, Дома, жизнь Страны, которой уже нет. Чудеса да и только! Погружаешься во времена, когда, уходя из дома, прятали ключи под коврик у двери, первоклашки самостоятельно, без провожатых, ходили в школу. Из неспешного, такого детски-чистого, ностальгически комфортного повествования встают зримо, как живые, годы всеобщего дефицита на всё, кроме любви и доброты. Вместе с мальчиком, Сашей Карановым, ты пере-

живаешь и своё, совсем других времён раннее детство, где так же все «землетрясения мозга» идут во благо, ты вновь познаёшь мир вокруг себя, пытаешься найти своё место в нём — таком загадочном и непредсказуемом.

Странная книга — читаешь её, и тёплыми волнами откуда-то набегают на тебя воспоминания собственного детства, с теми же или похожими вопросами — почему машинки в непогоду не простужаются, а я простужаюсь, приходят всякие удивления — почему взрослые не знают того, что ты знаешь с рождения — «не выбрасывай, мама, тапочки, мне их жаль, они же живые!» И ты, как Сашина мама, понимаешь — жалеть этот мальчик будет всех, любить всех, стало быть, лёгкой жизни ему судьба не приготовила.

Людам свойственно идеализировать прошлое. О нём тоска неизбывна и иррациональна, особенно у нас, русских. Недавно, коротая бессонную ночь, я вспомнила потолки в квартирах своего детства и юности. Смотришь, бывало, на этот многослойный от набелов, выщербленный, с висюльками на тонких паутинках

потолок и чего-чего там только не увидишь! Но согласилась бы я нынешний, ровнёхонький подвесной, поменять на тот, прежний? Согласилась бы я прожить свою жизнь на «бис»? Трудно ответить на эту «бисову заморочку» нашего сознания. Я бы, наверно, сказала «нет».

А вот мать и сын, Саша и Маргарита Карановы, точно знают — то было ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЁКО. Я с ними согласна. Ведь там они были вместе, как на страницах книги: оторвать их друг от друга читателю не хочется, да и не получится.

Сравнивая себя, своё детское окружение, детство наших детей и теперь уже внуков с детством Саши Каранова, можно решить — перед нами явление незаурядное. Многие пути были открыты перед этим мальчиком. Разброс его интересов безмерен, но всегда основателен, с желанием дойти до сути — от спорта до математики и физики. Совершенные физические данные, трудолюбие и упорство в достижении цели обещали большие успехи в спорте, ведь он уже стал гордостью и выручкой школы. Саша всё-таки прислушался к своему «внутреннему голосу» (что не всем дано!) и выбрал точные науки. Способность к математике и физике у Саши была такова, что он смог поступить в самый высококоштный вуз страны, Московский Физтех. Он стал бы большим учёным, исследователем, как его идеал Сайрус Смит из «Таинственного острова» Жюль Верна. В школьном сочинении на тему «Мой любимый литературный герой» Саша пишет: «Одарённый учёный, прекрасный человек, деятельный, разносторонний, умеющий использовать свои знания в сложных обстоятельствах. Страстный патриот, борец за освобождение негров от рабства, он на деле отстаивает свои убеждения, освобождая своих негров». Сколько прекрасных дел можно было ожидать от этого мальчика!

Да, Саша вполне мог бы стать учёным. Настоящим учёным, «уполномоченным от Творца». А это значит, что при обосновании своих самых нужных, передовых, немислимо увлекательных открытий и идей, он стоял бы на плечах культуры. Саша много читал, любил поэзию, что, вкуче с познаниями в точных науках, помогло ему понять и современную живопись, искусство супрематизма, например. Саша мог стать писателем — из каких неведомых нам глубин подсознания вынес пятилетний мальчик глубинное, языческое понимание ВЕЩЕЙ, ЖИВОЙ сути того, что мы и называем «вещь»? Не всякому современному ребёнку придёт в голову оживить и пожалеть старые тапочки. «Всё сущее очеловечить» — удел поэта. А ведь Саша ещё и наблюдательный мальчик, что нужно и учёному, и писателю. Рассказывает маме, как в детском саду мальчику раненую руку «сначала замазали, а потом завинтили». Ну до чего же точно! В восприятии события и его словесном воспроизведении видишь воочию задатки схватить явление, его особый смысл — что в формуле, что в образе.

Самое удивительное — Саша вовсе не пай-мальчик. Рос, как все нормальные дети. С ватагой таких же мальчишек совершал набеги на сады, на бесхозные, забытые беспечными лаборантами тайники, где опасные для жизни химикаты содержались в затейливых колбочках и ретортах, которые из исследовательских побуждений немедленно разбивались. Он не раз в своём «Дневнике» откровенно признаётся, что, бывало, не смог устоять перед соблазном «что-нибудь поколотить и слимонить». Ну кому это не знакомо?

Как и все в детстве, он сталкивался с предательством, даже, что особенно обидно, близкого человека: брат двоюродный свалил свою вину на Сашу из трусости, что родные откажут ему в гостеприимстве. «Такое не прощают», — решил

Саша и... прости. Эту тяжкую науку люди постигают всю жизнь, но у Саши есть семья, есть бабушка, что научила внука отличать ум от разума, где последний есть ум плюс совесть, есть отец, учивший Сашу выбирать прямые дороги к достижению поставленной цели, говорить «нет» всему ненужному на этом пути. И есть мать, которая Сама Любовь.

У Саши есть ДОМ в сакральном и бытийном понимании этого слова, дом, где естественным образом передаются опыт, правила и устои жизни, дом, в котором Саша раз и навсегда обозначил свою роль как нераздельной его части. А потому письма студента Саши с постоянным рефреном «очень хочу домой!» подписывались коротко — СЫН.

Книга о Любви, Семье, Доме и России, единственной, возможно, стране, где судьба отдельного человека не на живот, а насмерть связана с судьбой страны. Я не знаю и, честно сказать, не очень и знать хочу, как, при каких обстоятельствах оборвалась такая многообещающая и такая короткая Сашина земная жизнь. Да и оборвалась ли? Он просто заснул в своей кроватке и не захотел проснуться. Зачем? Чтобы до дна испить горечь нашего национального унижения, когда дорогой огранённый алмаз, московские физтеховцы, интеллектуальная элита страны, стали ей не нужны? Саша не из тех, кого можно прельстить заморскими фастфудами. Прислушайтесь — сама фамилия «КАРАНОВ» источает энергетику, силу, что уходит вглубь, в толщу, в самый корень земли русской. Здесь его ДОМ.

ФАИНА ПОЛИЩУК

Кандидат исторических наук,
Заслуженный работник культуры Российской Федерации

По крупицам собранные факты

О книге Л. Казанцевой «Возраст её — 100 лет»

Библиотеки — своеобразные «гнезда» российской культуры, способствующие и определяющие путь их развития как в столичных, так и в нестоличных городах. Изучение исторического прошлого библиотек и их современная деятельность представляют значительный интерес, так как являются важным фактором проявления культуры человека. Вместе с тем история библиотечного дела в провинциальных городах России, особенно на территории сибирских окраин, изучена слабо. В основном она посвящена городским библиотечным учреждениям взрослого населения страны. А о детских библиотеках вообще мало публикаций. Знаменитый русский публицист В.Г. Белинский сказал: «Книга — жизнь нашего времени, в ней нуждались и нуждаются все — и старые и молодые».

Дети Иркутска посещали специализированный детский отдел, открытый для них в 1886 году в Иркутской городской публичной библиотеке. В связи с открытием этого отдела для аудитории юных читателей ежегодная денежная субсидия библиотеки была увеличена с 300 до 450 рублей. Следовательно, ежегодно на приобретение детских книг и журналов расходы составляли 150 рублей. До настоящего времени в книжном фонде бывшей губернской библиотеки (ныне это Областная научная библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского) хранятся детские журналы того времени «Родник», «Детский отдых», «Задушевное слово» и другие.

Вопрос открытия так необходимой специальной детской библиотеки в городе долго обсуждался общественностью и властями. Ситуация была очень сложной. В Иркутске только что восстановлена советская власть, состояние после Гражданской войны, нужно было восстанавливать народное хозяйство. Но, несмотря на все сложности, власти нашли возможность открыть в городе Центральную детскую библиотеку.

И вот, в апреле 2023 года Иркутск отметил знаменательное событие в истории культурной жизни города — 100-летие со дня основания первой городской детской библиотеки имени А.С. Пушкина. В сентябре же этого года опубликован труд Л.А. Казанцевой «Возраст её — 100 лет». На страницах книги прошлое и настоящее

первоначального детского специализированного библиотечного книжного очага за его вековую историю. Огромный пласт по сути неизвестного материала исследован Л.А. Казанцевой: статистические отчёты, периодическая печать, архивные материалы и т.д., о чём автор сообщает в предисловии: «Для написания книги пришлось поработать в Иркутском государственном архиве, использовать архивы библиотек, прежде всего самой Детской библиотеки им. А.С. Пушкина, электронной краеведческой библиотеки «Хроники Приангарья», обратиться к бывшим работникам библиотеки и их родственникам с просьбой поделиться своими воспоминаниями». Значительное количество документов впервые вводится в научный оборот. Серьёзная научная исследовательская работа проведена с документами Государственного архива Иркутской области, местной периодической печатью и центральной за вековой период с 1923 по 2023 годы: губернская газета «Власть труда» (1923–1930), новосибирский журнал «Просвещение Сибири» (1926–1929), иркутская областная газета «Восточно-Сибирская правда» (1930–2022) и многие другие, причём малодоступные источники. В результате такой работы выявлено 286 публикаций, посвящённых детской библиотеке, не считая архивных документов. Список этих публикаций приведён в книге полностью. Первые 4 статьи (опубликованы в иркутской газете «Власть труда») посвящены теме необходимости открытия в городе Иркутске специальной Центральной детской библиотеки. Например, в статье «К созданию Центральной детбиблиотеки» («Власть труда». 1923. 28 февр. С. 3) подчёркивается: «Нужна такая библиотека, которая была бы действительно центральной, то есть она была бы как руководящим и снабжающим центром, которая своими передвижками проникала бы во все места, где собираются дети. И 15 февраля с. г. началось формирование таковой». Публикации расположены в хронологическом порядке, по которому можно проследить, как осуществлялась и освещалась деятельность библиотеки в разные периоды.

Книга состоит из нескольких частей. В первой из них излагается собственно история, деятельность её на разных этапах, начиная с открытия до настоящего времени. Жизнь учреждения была нелёгкой, не случайно одна из глав названа «Мытарства детской библиотеки». В разделе «Портретная галерея» сгруппированы статьи о наиболее ярких, деятельных заведующих библиотекой, проработавших в ней по 20 и более лет.

Организатором и первым заведующим библиотекой, как недавно выяснилось, был Тимофей Антонович Бочаров (1896–1938). Для иркутского библиотековедения имя Т.А. Бочарова возникло из небытия. Автор статьи о нём Л.А. Казанцева «раскопала» историю трагической судьбы этого незаурядного человека. Дело в том, что во время Гражданской войны он состоял в колчаковской армии, был ранен, лечился в иркутском госпитале. Затем поступил в Иркутский университет. Ещё в студенческие годы ему поручили организовать детскую библиотеку. Иркутские власти не ошиблись. Вскоре, уже через год, Центральная детская библиотека стала одним из ведущих культурных центров города. Но судьба его оказалась трагической. Он был репрессирован и, как многие в 1930-е годы, расстрелян. По инициативе Т.А. Бочарова было создано библиотечное объединение в Иркутске. Т. Бочаров вёл большую методическую работу как среди библиотек города Иркутска, так и в губернии. У него были большие планы, о них написала Л.А. Казанцева, но ему не удалось их осуществить.

Кроме Т.А. Бочарова в галерее руководителей Детской библиотеки почётное место занимают имена Елены Филипповны Чуйко (1908–1991), которая её возглавляла с 1936 по 1964 годы, Эльвины Ивановны Тутуриной (1933–2008), заслуженного работника культуры Российской Федерации, возглавлявшей библиотеку в течение 23 лет, Анны Петровны Остаповой, возглавляла библиотеку с 1989 по 2010 годы. Каждый из перечисленных имён внёс достойный вклад в историю библиотечного дела города Иркутска. Каждому из них посвящена отдельная статья в книге.

Завершает этот раздел статья С.В. Шамариной «Озарённые Пушкиным». Здесь одна из ведущих тем в жизни библиотеки — «Ни дня без Пушкина». Как показала Л. Казанцева, деятельность библиотеки по пропаганде творчества великого поэта России началась с первых дней её открытия и продолжается до настоящего времени. И вот эта многолетняя деятельность была замечена, и 14 апреля 2000 года мэрия Иркутска, городская дума присвоили имя А.С. Пушкина Центральной городской детской библиотеке (с. 41, 218).

Большой раздел в этой объёмной книге отведён статьям, очеркам, воспоминаниям (с. 116–159). Открывает этот раздел статья почётного читателя, известного в Иркутске диктора областного радио Галины Ильиничны Осиповой, которая с 1948 г., ученица 1 класса, и по сегодняшний день тесно связана с библиотекой дружбой. В завершение этого раздела опубликовано интересное стихотворение ученицы школы № 66 города Иркутска Лизы Черепановой «Мой Пушкин».

Отзывы о библиотеке и пожелания (с. 160–169) названы «Оазис творчества и любознательности». Здесь собраны и размещены отзывы и пожелания библиотеке и её читателям, среди них — известного писателя В.Г. Распутина, даже Г. Зюганова, — председателя ЦК КПРФ, Сильвии Дуано из Франции (атташе по вопросам лингвистики), писателей А. Байбородина, Г. Граубина, С. Волковой, Ю. Баранова и многих других.

Из книги узнаём, какую большую работу на протяжении многих лет проводит библиотека среди своих читателей. А с 2006 года ежегодно в библиотеке проводится фестиваль поэтического слова «Читаем Пушкина». Знакомясь с этим разделом, мы видим, как дети всех возрастов активно участвуют в этом мероприятии. Помогают активно ей в проведении конкурса благодетители в лице ООО Газпром Добыча Иркутск, еженедельник «Пятница» и другие. Возраст участников от 5 лет и далее. В 2022 году состоялся уже 17-й фестиваль. Характерно, что через этот конкурс за все годы прошло около тысячи участников. Это говорит о том, какую огромную работу ведёт библиотека по привитию любви к настоящей русской поэзии, и что библиотеке не случайно присвоено имя великого поэта.

Особый интерес представляет раздел хроники жизни библиотеки, названный «Первая, первое, первый» (с. 207–232). В нём отражены впервые проводимые или значимые события в истории библиотеки, начиная с 1920 (года открытия детского абонемента в Губернской библиотеке) по 2023 год, когда в юбилейные дни библиотеку посетил мэр города Руслан Болотов и поздравил коллектив и читателей библиотеки со столетним юбилеем.

И, безусловно, стоит подчеркнуть наличие материалов о людях, трудившихся в библиотеке со дня её открытия до настоящего времени.

Особо обращает внимание художественное оформление книги дизайнером Т. Анненковой. Книга начинается с привлекательной твёрдой обложки. Внешне

хорошо смотрится, она создаёт светлое настроение, её приятно держать в руках. Удачно подобраны фотографии для форзаца и нахзаца, рисунки для колонтитула. В книге воспроизведены документы, много фотографий, относящихся к описываемым периодам. Сопровождается книга предисловием от автора, вспомогательным справочным аппаратом, что придаёт ей особую ценность.

Следует отметить, что исследование Л.А. Казанцевой — самостоятельный краеведческий труд, вносящий существенный вклад в развитие отечественной культуры в целом, а сибирского краеведения, в частности библиотечного, как одного из её важных звеньев, в особенности.

Книжная полка

Казанцева, Л.А.

Возраст её — 100 лет / Л.А. Казанцева ; худож. оформление, дизайн, вёрстка Т. Анненковой. — Иркутск : Принт Лайн, 2023. — 292 с.: ил.

Книга посвящена 100-летию первой детской библиотеки города Иркутска. Возникнув в суровые 1920-е годы, она многое пережила. Но выстояла, превратившись в один из первостепенных культурных очагов города. В книге представлены материалы по истории возникновения и деятельности библиотеки на протяжении 100 лет, статьи работавших в ней, являвшихся её читателями, помогавших её становлению. В начале книги расположены статьи по истории библиотеки, затем материалы о её ярких заведующих, об отдельных сторонах (периодах) жизни коллектива. В от-

дельные разделы собраны отзывы о работе «Оазис творчества и любознательности», перечень книг с автографами, материалы 17 фестивалей «Читаем Пушкина» с 2006 по 2022 год, хроника основных событий «Первая, первое, первый» 1922–2022 гг., библиографический список публикаций о библиотеке и тех, кто работал в ней в разные годы. Фотографии взяты из архива библиотеки и общедоступных источников.

Подковенко, И.О.

Кто вы, Иосиф Уткин? / И.О. Подковенко ; редактор А.В. Трушкина; Иркутская обл. юношеская б-ка им. И.П. Уткина. — Иркутск : Отгиск, 2023. — 292 с; 12 с. ил.

Первая полная биография комсомольского поэта, журналиста, участника Гражданской и Великой Отечественной войн Иосифа Павловича Уткина создана на основе большого количества литературоведческих материалов, а также ранее не публиковавшихся документов, писем и фотографий из государственных архивов Москвы и Иркутска. Издание будет инте-

ресно не только любителям поэзии, филологам, исследователям русской и советской литературы первой половины XX века, но и широкому кругу читателей.

Время Уткина : [графический роман] : / И. Подковенко, Е. Демина. В. Воронина [и др.]. — Москва : Перо, 2023. — 168 с. : ил. цв.

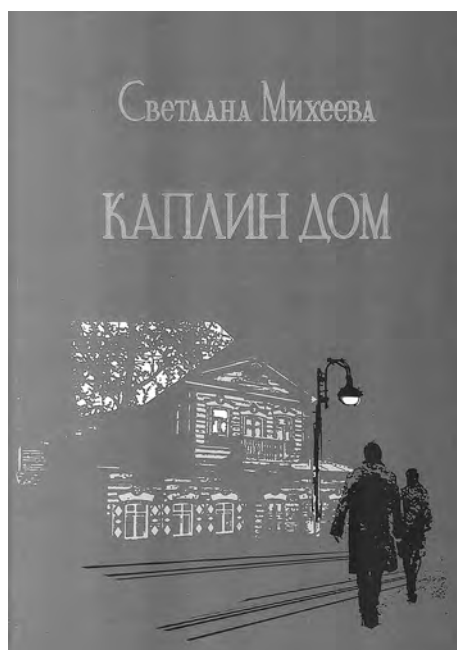
В графическом романе «Время Уткина» повествуется о жизни Иосифа Павловича Уткина — советского поэта, журналиста и репортёра, выросшего в Иркутске. За время своей жизни он стал свидетелем и участником многих исторических событий. Познакомился и подружился с большим количеством известных поэтов той эпохи, оставив после себя богатое литературное наследие. Время Уткина — не просто комикс. Это история, погружающая читателя во времена заката царской России и рассвета советской республики. Вы познакомитесь не только с Уткиным, но и с Есениным, Горьким, Маяковским,

Ахматовой и другими известными личностями, которые встретились на жизненном пути главного героя.

Михеева, С.А.

Каплин дом : повести / С.А. Михеева. — Иркутск : Востсибкнига, 2023. — 288 с. ил.

В книгу иркутского автора Светланы Михеевой вошли две повести, объединённые темой предназначения человека в окружающем мире, где природа и город выступают как полноправные действующие лица. Город «Каплина дома» словно подталкивает события, соединившие в конфликте или любви очень разных людей. На берегу «открытого моря» кипят затаённые страсти, остро переживаются героями случайные обретения и внезапные потери. Это повести ещё и о выборе, который всегда имеет последствия.

Ножнина, М.И.
Мелодия, придуманная мной...:
[стихи]. — Иркутск : Сибирская книга
(ИП Лаптев), 2023. — 176 с. : ил.

«Мелодия, придуманная мной...» — это прежде всего книга о творчестве. Именно тяга к творчеству и умение видеть красоту — вот что придаёт героине сил, наполняет жизнь смыслом. Марина Ивановна Ножнина — поэт, художник. Родилась в 1982 году в поселке Камышет Нижнеудинского района Иркутской области. Окончила Иркутский педагогический государственный университет, Тулунский педагогический колледж. Сейчас работает в г. Ангарске в ДШИ № 2 преподавателем живописи, рисунка, композиции. Публиковалась в журналах «Первоцвет», «Литературный Крым», «Приокские зори»,

«Азь-арт», «Кольчугинская осень». «ЛИФФТ. Свердловская область», «Сибирь», «Москва» и др. изданиях. Обладатель Диплома II степени в номинации «Поэзия» Областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность» (Иркутск, 2022). Участник межрегиональной мастерской для писателей Сибирского федерального округа от АСПИР (Новосибирск, 2023). Дипломант различных литературных конкурсов. Книга издана с авторскими иллюстрациями.

Хранитель времени / автор-составитель Н.В. Сметнева. — Иркутск : Оттиск, 2023. — 248 с.

«Городской музей» Ангарска подошел к своему 55-летнему юбилею. Сегодня он включает в свой состав Музей часов, Музей минералов, художественный отдел (Выставочный зал и Художественный центр). Главной гордостью жителей Ангарска, без сомнения, является Музей часов. Его основой стала частная коллекция Павла Васильевича Курдюкова (1908–1985 гг.), которая формировалась на протяжении нескольких десятилетий, начиная с 1930-х гг. В 1968 г. П.В. Курдюков передал коллекцию городу Ангарску, а в 1969 году «Городской народный музей» был открыт официально. Данная книга — результат кропотливой работы нескольких поколений научных сотрудников музея. Она рассказывает об удивительном Часовом Мастере и созданном им музее.

Сумочка к ребру

Литературные пародии

НИКОЛАЙ ЯРОСЛАВЦЕВ

г. ЧИТА

Очередной запой

Я запоем люблю эти чащи,
Это небо и дом у реки...

Василий Забелло

Я запоем не пью, а влюбляюсь!
Ухожу понедельно в запой —
То за эту гусыню цепляюсь,
То опять волочусь я за той...

А потом, в результате запоя,
Я теряю и сон, и покой...

Состоянье, ребятаки, такое:
Новый день — это новый запой!

Я запоем люблю эти чащи,
Эту речку и дом у плетня...
Пародист, приходи-ка почаще
Выводить из запоя меня!

Сивый мерин и я

Поле... дом... сарай... телега...

*Василий Забелло,
сб. «Ледостав»*

Поле... дом... сарай... телега...
Сивый мерин вертит оком...
Рядом улица... аптека...
Ночь... фонарь... и тянет Блоком.

Удила... хомут... оглобли...
Морда... хвост... седая грива...
Запах пота... сена... вопли...
Фу! Как это некрасиво...

В огороде

В огороде дед за плугом
Поспешает до захода.
Садят все картошку с луком.
Сколько задниц в огородах!

*Василий Забелло,
сб. «Ледостав»*

В огороде внучка с бабкой
Садят хрен, картошку с луком...
В стороне бредёт лошадка,
А за ней — дедуля с плугом.

У забора внучек Лёшка —
Озорник и непоседа —

Крутит хвост облезлой кошке,
Та орёт, пугая деда.

Петушище здоровенный
Крик поднял при всём народе...
Посчитайте-ка мгновенно —
Сколько задниц в огороде?

Всё о Голумети

Я приехал в Голуметь.
Там возили гравий,
В клубе ставили комедь
И в бильярд играли.

.....
Я приехал в Голуметь.
Там плели корзинки,
Продавали голубей
На колхозном рынке.

*Владимир СКИФ,
сб. «Журавлиная азбука»*

Я приехал в Голуметь
С миром, честь по чести,
Побалакать, посмотреть:
Всё ли там на месте?

Как приехал, так в правлень —
Власти уважаю.
Прочитал стихотворень
Им про урожай.

Я приехал в Голуметь.
Там весь день возили
Брёвна, гравий и цемент
На огромном ЗИЛе.

Мужики грузили там,
Бабы выгружали.

Бабы, кстати, мужикам
Там детей рожали.

В жизни надо всё уметь,
Чтобы жить на свете.
Напишу про Голуметь,
Чтобы люди знали впредь
Всё о Голумети!

Пастух

Я пас коров. Я был подпаском...
.....
В горах любви,
Где ты проснулась,
Наймусь пасти
Твои глаза...

Владимир Скиф

Я резво бегал босиком
С кнутом по пастбищу, по лугу:
То пас коров, то пас подругу...
И стал известным пастухом.

Я чутко пас глаза её
И бедра пышные, и груди.

На это всё смотрели люди
И даже дети, ё-моё.

Подруга — всё ж не без греха, —
Всегда охочая до ласки,
Свой хохот предала огласке,
Что я скорей гоюсь в подпаски,
Мне далеко до пастуха.

Поздравления

Редакция журнала «Сибирь»,
Иркутское региональное отделение СП России
поздравляют
с 95-летием члена Союза писателей России, прозаика
Василия Владимировича Гинкулова (Шелехова),
а также постоянного автора журнала
Эдуарда Константиновича Анашкина с награждением
Золотой Пушкинской медалью за большой вклад в русскую литературу
и в связи с 65-летием Союза писателей России!

Желаем всем крепкого здоровья, вдохновения и творческих успехов!

*Валентин Григорьевич Распутин,
русский советский писатель и публицист, общественный деятель*

ГИНКУЛОВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

95 лет
со дня
рождения

